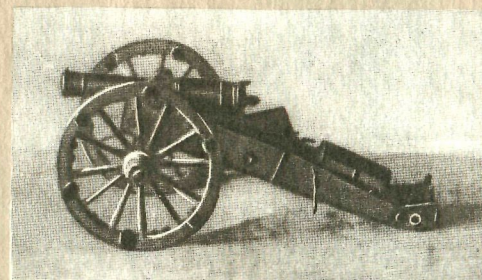
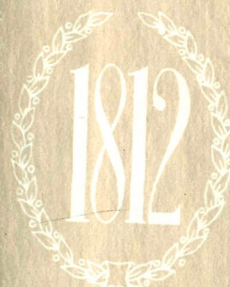
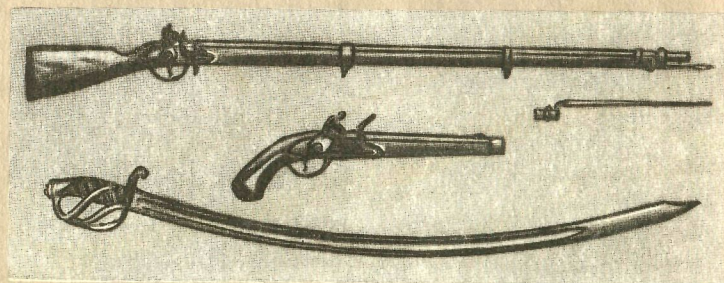
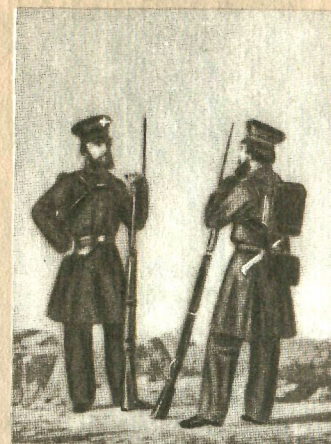
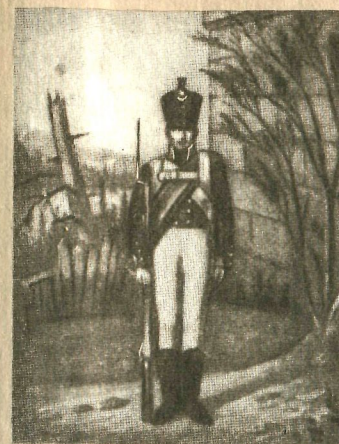

РУССКАЯ АРМИЯ В 1812 ГОДУ

Л. П. БОГДАНОВ

РУССКАЯ АРМИЯ В 1812 ГОДУ

Л. П. БОГДАНОВ

РУССКАЯ АРМИЯ В 1812 ГОДУ

ОРГАНИЗАЦИЯ, УПРАВЛЕНИЕ,
ВООРУЖЕНИЕ

Gerza scan

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1979

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Глава I. Предпосылки преобразований в армии накануне Отечественной войны 1812 года	13
Глава II. Организация русской армии	45
Глава III. Система комплектования	56
Глава IV. Управление войсками	97
Глава V. Боевая подготовка войск	120
Глава VI. Вооружение армии	139
Заключение	178

Леонид Павлович Богданов

РУССКАЯ АРМИЯ В 1812 ГОДУ

Редактор *Н. В. Баранов*
 Художественный редактор *А. М. Голикова*
 Художник *И. И. Карпиков*
 Технический редактор *А. Н. Медникова*
 Корректор *Л. А. Болдина*

ИБ № 1163

Сдано в набор 27.06.78. Подписано в печать 22.03.79. Г-20411
 Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарн. лит.
 Высокая печать. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 10,08+1 вкладка печ. л. 1/4,
 усл. печ. л. 0,42. Уч.-изд. л. 10,884. Тираж 25000 экз. Изд. № 2/1227
 Зак. 791. Цена 45 к.

Восениздат
 103160, Москва, К-160
 1-я типография Воениздата
 103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории русской армии Отечественная война 1812 года явилась одной из наиболее славных ее страниц. В борьбе с наполеоновским нашествием особенно ярко проявились высокие боевые качества русской армии, самоотверженность и героизм ее солдат и офицеров, хорошая организация и умелые действия на поле боя. Все это в огромной мере определило успешный исход войны с сильным и опытным противником, обеспечило победу русского народа над иноземными завоевателями.

Историки дали подробное описание Отечественной войны 1812 года, значительное место уделили участникам этой героической эпопеи, показали на обширном фактическом материале различные стороны полководческой деятельности русских и наполеоновских военачальников, раскрыли народный характер войны. Пожалуй, ни одно из крупнейших событий в истории дореволюционной России не привлекло так много внимания историков, писателей, художников, как война с Наполеоном.

В настоящей работе ставятся задачи — показать, что собой представляла русская армия в 1812 году, какой была ее организация, система управления, источники комплектования, уровень боевой подготовки и характер вооружения, в какой мере военные преобразования, проведенные накануне войны, сказались на усилении боеспособности войск.

В рассмотрении этой темы автор руководствовался известными положениями классиков марксизма-ленинизма о том, что формы и методы ведения вооруженной борьбы всегда зависели от условий материальной жизни общества, от способа производства.

«...Вся организация и боевой метод армий, — писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», — а вместе с ними победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий...»¹.

Конец XVIII — начало XIX столетия, как известно, были отмечены целым рядом кризисных явлений в общественно-политическом развитии России. Нарастал про-

¹ Энгельс Ф. Избранные военные произведения, М., 1956, с. 15.

цесс разложения феодально-крепостнического строя. В недрах крепостнической экономики зарождался капиталистический уклад, который уже оказывал заметное влияние на существовавшие производственные отношения. Вновь и вновь крепостническое государство подвергалось серьезным потрясениям в результате крестьянского движения. Усиливались оппозиционные настроения среди передового дворянства. Получили распространение идеи республиканизма, антикрепостничества. Влияние французской революции 1789 года сказывалось во многих странах Европы, в том числе и в России. Господствующие классы феодальных государств стали приспособляться к новым экономическим и политическим условиям. Необходимость реформ сознавалась и определенными социальными кругами России. Однако проводимые правительством Александра I некоторые преобразования не затрагивали основ социально-экономического и политического строя и в существе своем были реакционны, так как цель их была одна — удержать власть в руках господствующего класса, сохранить феодально-крепостническую монархию.

Естественно, что некоторые реформы осуществлялись и в русской армии. Необходимость военных преобразований была вызвана дальнейшим развитием военного искусства, активизацией внешнеполитической деятельности российской монархии в европейских делах. Но в условиях феодально-крепостнической России глубокие преобразования неминуемо затрагивали интересы господствующего класса. Поэтому накануне Отечественной войны 1812 года не могли быть проведены значительные реформы ни в организации, ни в комплектовании, ни в боевой подготовке войск. Проведение таких реформ сталкивалось с серьезными противоречиями в социально-экономической и политической жизни общества.

Почти все исследователи истории Отечественной войны 1812 года в своих работах в той или иной степени давали характеристику русской армии начала XIX века. Однако в целом на эту тему исследований не было. Авторы нередко ограничивались лишь сообщениями о численности армии, расписании войск, их дислокации накануне войны.

Некоторые данные о составе русской армии и системе ее комплектования приводит А. И. Михайловский-

Данилевский¹. Будучи автором одного из первых значительных трудов по истории Отечественной войны 1812 года, Михайловский-Данилевский использовал в своей работе довольно значительный документальный материал, а также свои наблюдения и впечатления как непосредственного участника этой войны.

Сведения фактического характера сообщает в этом плане и известный военный историк середины прошлого столетия М. И. Богданович². Его значительный по объему труд содержит ряд данных о составе русской армии, расписании и комплектовании войск. Вместе с тем Богданович считал, что «главные основания военного дела, во все времена, оставались неизменными. Какие бы ни были изобретены боевые машины, какие бы, вследствие того, ни последовали изменения в тактических построениях, начала военного искусства, всегда и везде, останутся те же самые...»³. Эта идеалистическая концепция автора легла в основу написанной им истории войны 1812 года и, в частности, определила его отношение к таким факторам, как «числительная сила и материальные средства» армии.

Во второй половине XIX века получила развитие так называемая академическая школа, оказавшая сильное влияние на разработку истории военного искусства в России, в том числе и на исследование истории Отечественной войны. Одним из крупных военных теоретиков этой школы являлся профессор Академии генерального штаба генерал Г. А. Леер. Он, как и предшествовавшие ему военные историки, преувеличивал роль личности на войне. По мнению Леера, основные принципы стратегии и тактики всегда оставались неизменными. На них не могли влиять изменения условий военных действий, характер вооружения армии в те или иные времена. Он считал, что теоретические основы стратегии вечны и неизменны, как «природа человека, природа вещей, природа

¹ Михайловский-Данилевский А. Полн. собр. соч., т. 4. Спб., 1850, с. 77—92.

² Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам, т. 1. Спб., 1859.

³ Богданович М. История военного искусства, ч. 1. Спб., 1849, с. 1—2.

явлений»¹. Выступая против крайностей прусского военного теоретика Адама Бюлова, против шаблонов и мертвых схем в военном деле, Г. А. Леер в то же время считал, что основные принципы стратегии и тактики дают «единственный критерий к правильной, вполне объективной оценке фактов военной истории»². Что касается подготовки к войне, то главное значение Леер придавал правильному сосредоточению войск накануне военных действий. Это, по его мнению, в конечном итоге определяло исход войны³.

Во многом придерживался тех же взглядов известный военный историк конца прошлого столетия Н. П. Михневич. Он доказывал, что существуют в военном искусстве общие принципы, неизменные начала. По его мнению, «начала эти неизменны, независимы от рода оружия, времени и места»⁴.

Вместе с тем Михневич допускал некоторую условность этих принципов. Он считал, что эти принципы могут успешно применяться полководцем только с учетом условий и обстановки⁵.

Естественно, такие взгляды по вопросам военного искусства, господствовавшие в военно-исторической литературе во второй половине прошлого века, не могли не сказаться и на исследованиях по истории Отечественной войны 1812 года, особенно касающихся подготовки к войне и состояния русской армии того времени.

В конце прошлого столетия и начале нынешнего появились значительные труды по истории русского военного искусства, в которых определенное место было отведено вопросам организации армии, ее вооружению и снаряжению.

В книге «Русская военная сила», вышедшей под редакцией А. Н. Петрова, авторы утверждают, что способы ведения военных действий в значительной мере зависят от характера организации войск и уровня раз-

¹ Леер Г. А. Задачи стратегии как искусства и как науки. Спб., 1880, с. 11—12.

² Там же, с. 14.

³ Леер Г. А. Значение подготовки к войне вообще и подготовительных стратегических операций в особенности. Спб., 1875, с. 7—8.

⁴ Михневич Н. П. Военная наука и степень точности ее выводов. Спб., 1899, с. 14—15.

⁵ Там же, с. 22—23.

вития боевой техники¹. В работе А. К. Баиова «Курс истории русского военного искусства» приводятся данные о составе русской армии, характере мероприятий, осуществлявшихся правительством Александра I, по усилению боеспособности войск. Автор значительно больше, чем представители академической школы, отводит места объективным факторам в связи с подготовкой к войне с Наполеоном².

Однако Баиов, как и другие представители так называемой русской школы, уделяя много внимания таким факторам в военном деле, как люди и техника, не всегда дает им правильное объяснение.

Обширный фактический материал о русской армии, ее организации, управлении, комплектовании и боевой подготовке содержится в многотомном издании «Столетие военного министерства»³. В этом юбилейном издании, носящем официальный характер, детально рассматривается содержание указов и других законодательных актов, касающихся тех или других сторон деятельности военного ведомства. В исторических очерках, посвященных различным управлениям военного министерства, многие официальные документы приводятся почти полностью. Кроме того, к этим очеркам, как правило, прилагаются многочисленные публикации других документальных материалов. И естественно, такое обилие фактов и сведений по истории русской армии делает настоящее издание весьма ценным для исследователя.

Что же касается взглядов авторов статей и очерков на характер военных преобразований того времени, то все они сводились, как правило, к идеализации роли императора.

В юбилейном издании нередко отмечались те или иные недостатки, имевшие место в организации и управлении русской армии, в боевой подготовке войск. Однако его авторы не вскрывали причин, а ограничивались лишь констатацией фактов. Так, в очерке «Образование (обучение) войск, уставы и наставления» отмечается, что положения воинских уставов отставали от практики и передовых методов ведения боя и даже после Отечест-

¹ Русская военная сила, т. 1. Спб., 1891, с. 419.

² Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства, вып. 7. Спб., 1913.

³ Столетие военного министерства. 1802—1902. Спб., 1902.

венной войны 1812 года передовые мысли военных деятелей не получили развития. Однако больше всего в нем шла речь о разработке линейных учений¹.

Автор очерка был не в состоянии показать классовую сущность политики Александра I, а позже — Николая I, их консервативное отношение к новым тактическим приемам и методам боевых действий. Дело в том, что тактика колонн и рассыпного строя, получившая значительное развитие в 1812 году и предусматривающая в бою определенную инициативу и самостоятельность солдат, была чужда самой природе крепостного строя.

Подобное освещение вопросов по истории русской армии было характерным для подавляющего большинства работ дореволюционных военных историков.

В советской историографии Отечественная война 1812 года получила значительное освещение. В ряде военно-исторических исследований показано состояние русской армии в 1812 году. В работах П. А. Жилина по истории Отечественной войны 1812 года важное место отводится характеристике русской армии накануне войны². В книге Л. Г. Бескровного «Отечественная война 1812 года»³ имеется раздел об организации, управлении, комплектовании, вооружении и боевой подготовке русских войск, сообщается много данных о мероприятиях по усилению армии перед войной с Наполеоном. В другой его книге — «Русская армия и флот в XIX веке» на основе большого фактического материала рассматривается военное строительство в России в прошлом столетии⁴.

Проблема развития русской военной мысли посвящена монография Г. П. Мещерякова⁵. Он использует широкий круг источников для рассмотрения истории русской военной мысли в тесной связи с общественно-политической обстановкой в России того времени. В книге

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 3. Спб., 1903, с. 233.

² Жилин П. А. Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., 1953; Он же. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968; Он же. Кутузов. М., 1978.

³ Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.

⁴ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.

⁵ Мещеряков Г. П. Русская военная мысль в XIX веке. М., 1973.

обстоятельно показан характер военно-теоретических взглядов в первой четверти XIX века, влияние опыта 1812 года на дальнейшее развитие стратегии и тактики и в целом отечественной военной науки. Ряд вопросов, касающихся состояния русской армии того времени, освещен в сборнике статей «1812 год. К столетию Отечественной войны»¹. Имеются интересные исследования советских авторов, посвященные истории отдельных родов войск. В частности, заслуживает внимания издание «История отечественной артиллерии» (в трех томах и восьми книгах), в котором подробно рассматриваются вопросы организации, технического совершенствования и использования в военных действиях русской артиллерии². Значительное место в этом издании отводится освещению роли артиллерии в Отечественной войне 1812 года.

Автор настоящей работы опирается на большой круг источников. Это, прежде всего, официальные документы: указы Александра I, военной коллегии, доклады военного министра, разного рода положения, инструкции, ведомости, штаты по родам войск и т. д. Подавляющее большинство этих документов в разное время было опубликовано. Наиболее широко они представлены в «Полном собрании законов Российской империи»³. Это многотомное издание содержит ценнейшие материалы, позволяющие судить о проводившихся накануне войны мероприятиях по усилению армии. Здесь и указы о рекрутских наборах, положения о запасных рекрутских депо; распоряжения правительства о формировании новых полков, артиллерийских бригад, дивизий и т. д.

Многие приказы военного министра, рапорты командующих войсками, сведения о составе русской армии и ее численности и другие документы опубликованы в сборнике «Отечественная война 1812 года»⁴.

Целый ряд интересных материалов о русской армии — расписание войск, сведения о комплектовании,

¹ 1812 год. К столетию Отечественной войны. М., 1962.

² История отечественной артиллерии. М., 1959—1964.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), 1-е собр., т. 24—32. Спб., 1830.

⁴ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Спб., 1900—1909.

данные о рекрутских наборах — опубликован К. Военским¹.

Автором были также использованы документы, опубликованные в сборниках «А. В. Суворов»² и «М. И. Кутузов»³. Особый интерес представляют документы М. И. Кутузова. В них наиболее полно представлены приказы, распоряжения, рапорты, сведения о боевых действиях русских войск в Отечественной войне 1812 года.

Широко использованы материалы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) СССР и Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и связи (АВИМАИВС) — таблицы о состоянии сухопутных войск в 1806—1812 годах, сведения о личном составе армии, состоянии и наличии артиллерии в бригадах, арсеналах, парках и гарнизонах, доклады военного министра, указы Александра I и другие документы.

Представляют значительный интерес материалы ЦГВИА из фонда канцелярии военного министра (ф. 1). Среди них — ведомость о состоянии войск в годы, предшествовавшие войне, с указанием некомплекта по каждому полку, батальону, артиллерийской бригаде, позволяющие судить о численном составе армии. В этом фонде имеются документы: доклады военного министра на имя Александра I об учреждении военно-учебных заведений «для удобнейшего комплектования армии исправными унтер-офицерами», рапорты Ученого комитета по артиллерийской части об усовершенствовании отдельных видов оружия и снарядов. Часть материалов из фонда канцелярии военного министра содержат данные о системе снабжения армии вооружением и боеприпасами, о запасных парках, арсеналах и артиллерийских гарнизонах, рапорты и доклады о наличии в них готовых снарядов, ружейных патронов и т. д.

Богатейшее хранилище материалов о состоянии вооружения русской армии имеется в Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и связи (Ленинград). Основная их часть находится в фон-

¹ Военский К. Акты, документы и материалы для истории 1812 года. т. 2. Спб., 1909—1912.

² А. В. Суворов. Документы, т. 4. М., 1953.

³ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1—2. М., 1954—1955.

де артиллерийского департамента военного министерства. В материалах этого фонда содержатся сведения о деятельности arsenалов, об изготовлении артиллерийских орудий, лафетов, зарядных ящиков, наличии исправного оружия. Большой интерес представляют официальные ведомости, в которых имеются данные об обеспеченности артиллерийских бригад материальной частью.

Другая группа источников — уставы и наставления, действовавшие в русской армии в 1812 году. Они являлись важными документами, в которых законодательно определялись правила воинской службы, боевые порядки войск, характер обучения и воспитания солдат. Вместе с тем следует учитывать, что уставные положения конца XVIII и начала XIX столетия значительно отставали от уровня развития военного искусства и не всегда соответствовали боевой практике войск. На наш взгляд, к этой группе источников можно отнести такой капитальный труд, как «Общий опыт тактики» А. И. Хатова¹. Автор довольно широко использовал сочинение французского военного писателя И. Гибера, однако во многих местах он излагает свои взгляды, отражающие некоторые тенденции в развитии русской военной мысли того времени.

Ценным материалом, позволяющим глубже осмыслить систему обучения и воспитания солдат, уровень боевой подготовки войск, являются наставления и инструкции отдельных военачальников, имевших богатый опыт, полученный в сражениях под командованием Румянцева, Суворова, Кутузова.

В настоящей книге были использованы материалы по вопросам военного искусства, тактике, боевым порядкам, характеру обучения солдат и системе комплектования армии, содержащиеся в «Военном журнале», «Артиллерийском журнале» и других изданиях. Авторы статей, опубликованных в журналах, — довольно значительная группа военных деятелей того времени.

«Военный журнал», издававшийся отставным майором квартирмейстерской части П. А. Рохмановым, стал ежемесячно выходить в 1810 году. Вокруг этого журна-

¹ Общий опыт тактики, ч. 1, содержащая в себе начальную тактику. Спб., 1807; ч. 2, содержащая в себе высшую тактику. Спб., 1810.

ла группировались наиболее передовые военные круги, которые стремились шире распространять новейшие идеи военного искусства, глубже использовать боевой опыт русских войск. В нем публиковались статьи о полководческой деятельности П. А. Румянцева и А. В. Суворова, многочисленные материалы о боевых действиях в 1799 году, критически рассматривались отдельные военные произведения того времени.

«Артиллерийский журнал» издавался Ученым комитетом по артиллерийской части. Его первый номер вышел в 1808 году. В нем главным образом печатались статьи и сообщения, касающиеся материальной части артиллерии и ее применения в боевых действиях.

Авторы, выступавшие на страницах этих журналов в 1808—1811 годах, как правило, имели значительный боевой опыт. Их взгляды по тем или иным вопросам боевых действий войск, целый ряд предложений об усовершенствовании организации и управления в армии свидетельствуют о довольно значительном развитии накануне 1812 года русской военно-теоретической мысли. Подобные выступления в военной периодической печати, характер вопросов, поднятых в них, помогают исследователю обратить внимание на те проблемы, которые особенно волновали передовых деятелей русской армии.

И третья группа источников — это воспоминания участников войн начала XIX столетия. Среди них: «Письма русского офицера» Ф. Глинки, «Воспоминания» А. С. Норова, «Записки Алексея Петровича Ермолова», «Записки графа К. Ф. Толя» и др.¹ Свидетельства очевидцев, как известно, нередко раскрывают такие стороны исторических событий, сведения о которых далеко не всегда можно почерпнуть из официальных документов.

¹ Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1875; Норов А. С. Воспоминания.— «Русский архив», 1881, кн. 3; Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1865; Записки графа К. Ф. Толя.— «Военный сборник», 1910, № 11.

Глава I

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В АРМИИ НАКАНУНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

На рубеже XVIII и XIX столетий русская армия не уступала по численности и боевой подготовке сильнейшим армиям европейских государств. Она сохраняла многие замечательные традиции, сложившиеся в период полководческой деятельности А. В. Суворова и П. А. Румянцева. В ее рядах находилось немало талантливых военачальников, стремившихся шире использовать в боевой практике все новое и передовое.

Свидетельством тому — Итальянская кампания 1799 года под командованием фельдмаршала Суворова, выдающиеся победы русских войск при Треббии и Нови, беспрецедентный переход через Альпы, в которых армия России показала себя первоклассной военной организацией того времени, способной не только побеждать турецких «янычар», но и успешно действовать против сильной армии буржуазной Франции.

Вместе с тем в конце XVIII века русская армия переживала довольно трудные времена. В последний период царствования Екатерины II ее могущественные фавориты широко практиковали систему протекций при замещении воинских должностей. Многие генералы и старшие офицеры систематически использовали своих подчиненных для личных нужд. Таких «растасканных» из полков людей в 1795 году было около 50 тыс., в то время как вся армия насчитывала 400 тыс. человек¹.

Злоупотребления высших чинов достигли такого раз-

¹ Орлов Н. А. Суворов. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году. СПб., 1892, с. 31.

маха, что многие воинские начальники смотрели на свои полки, как на выгодную статью дохода. Например, в кавалерийских полках нередко более половины лошадей использовалось не по назначению. Отдельные полковые командиры получали ежегодно со своих полков до 20—25 тыс. рублей дохода. Значительная часть генералов не находилась в войсках. Многие из них жили в Петербурге или в Москве, занимаясь не столько службой, сколько своими личными делами¹.

В связи с этим правительство было вынуждено провести ряд мероприятий по борьбе с злоупотреблением и «своеволием» в войсках. Запрещалось кому-либо использовать «нижних воинских чинов» на работе в личных неслужебных целях. Все офицеры, которые не находились в войсках в момент вступления на престол Павла I, были уволены со службы². Стал более строгим контроль за деятельностью войсковых командиров, особенно в вопросах хозяйственного порядка, уменьшилось казнокрадство.

Однако наряду с некоторыми мерами, принятыми правительством и имевшими определенное положительное значение, с первых же дней своего царствования Павел I стал перестраивать русскую армию по прусскому образцу, скрупулезно копируя фридриховскую систему организации и боевой подготовки войск. Его гатчинские войска, насчитывавшие 2,5 тыс. человек и обученные в точном соответствии с прусскими уставами и наставлениями, были переведены в Петербург и распределены по гвардейским полкам. Указом императора от 29 ноября 1796 года вводятся в действие новые уставы: «Воинский устав о полевой пехотной службе», «Правила о службе кавалерийской» и «Воинский устав о полевой кавалерийской службе». По существу, они представляли собой «весьма плохой и неточный перевод прусского устава 1760 г.»³.

Вот некоторые факты, касающиеся истории появления новых уставов. В те годы, когда будущий император всецело был поглощен своим любимым занятием — обу-

¹ Русская военная сила, т. 2. М., 1892, с. 243—244.

² Там же, с. 247.

³ Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича. 1796—1801.—«Русская старина», 1877, февраль, с. 241.

чением на прусский манер так называемой «гатчинской армии», к нему прибыл из Пруссии барон фон Штенвер. Последний привез инструкцию Фридриха II, считавшуюся «весьма секретной». Эта инструкция была переведена на русский язык и явилась, по существу, основой будущих уставов, разработанных в Гатчине при активном участии графа Ф. В. Ростопчина. Великий русский полководец А. В. Суворов называл новый устав «немороссийским переводом рукописи, изъеденной мышами и двадцать лет тому назад найденной в развалинах старого замка»¹.

Принятые воинские уставы законодательно закрепляли устаревшие положения линейной тактики. В них до мелочей была регламентирована вся армейская служба. В основе же обучения войск стала подготовка солдат не столько к боевым действиям, сколько к участию в смотрах и вахт-парадах. Стремление царя подражать пруссачеству было так сильно, что он даже заменил обмундирование войск на прусский образец. Вот как оно описывается в рассказе современника: «...Из темнозеленого толстого мундира с лацканами, отложным воротником и разрезными обшлагами кирпичного цвета и белыми пуговицами; длинного камзола и короткого нижнего платья самого желтого цвета; головы наши спереди остригли под гребенку, облили вонючим салом; к вискам привесили огромные пукли, аршинную косу прикрутили вплоть к затылку и осыпали мукою; шляпу дали с широкими городами серебряным галуном, такую же большою петлицею с черным бантом; но эта шляпа была чудесной формы и едва прикрывала наши головы; фланелевый черный галстук, в два пальца шириною, перетягивал наши шеи до невозможности; ноги наши обули в курносые смазные башмаки и стянули за коленями черными суконными штиблетами с красными вдоль всей ноги пуговицами»².

Павловские воинские уставы, особенно «Воинский устав о полевой пехотной службе», совершенно игнорировали тот богатый боевой опыт, который был накоплен

¹ Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича. 1796—1801. — «Русская старина», 1877, февраль, с. 252.

² Орлов Н. А. Суворов. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году, с. 33.

русской армией в предшествующие годы. По существу, эти «нововведения» явились значительным шагом назад по сравнению с тем, чего достигло русское военное искусство в последнюю четверть XVIII века.

В отличие от пехотного устава 1755 года, в котором основное внимание уделялось боевой подготовке войск, в «Воинском уставе о полевой пехотной службе» 1796 года отмечалось, что «главный предмет в учении и маршировании долженствовал быть тот, чтобы солдат держал ружье порядочно, почти во всю руку, крепко и прямо на плече... дабы ружье не шевелилось»¹. В уставе все подчинено канонам линейной тактики. В нем ничего не говорится о колоннах, которые с успехом применялись Суворовым. В уставе даже не упоминается о стрелках, егерях, о действиях войск штыковым ударом и т. д. Основное внимание уделено равнению солдат в строю и правильности их шага, точности исполнения тех или иных движений, тому, «как батальон или полк на парадном месте строится и учится»².

Введение новых уставов вызывало серьезное недовольство в войсках. Эти уставы внедрялись Павлом I и его приближенными с исключительной настойчивостью. За малейшую неточность в исполнении уставных требований солдаты, офицеры и даже генералы строго наказывались. В армии процветали жестокость, палочная муштра. За время царствования Павла I было уволено со службы 7 фельдмаршалов, более 300 генералов и свыше 2 тыс. штаб- и обер-офицеров³. Наказание следовало за самые незначительные проступки. Генерал-майор К. Ф. Багговут был отставлен «за название юнкеров подпрапорщиками», генерал-майор Косоговский — «за прием и представление, не по образцу, гренадерским шапкам тесьмы» и т. д. Среди уволенных из армии были такие известные русские военачальники, как Н. В. Репнин, М. Ф. Каменский, А. А. Прозоровский, И. В. Гудич и другие. Не было сделано исключения и для А. В. Суворова, который в резко отрицательной форме реагировал на нововведения царя. В «высочайшем приказе» от 6 февраля 1797 года было объявлено, что «фельдмар-

¹ ПСЗ, т. 24, № 17588.

² Там же.

³ Орлов Н. А. Суворов. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году, с. 32.

шал граф Суворов, отнесясь Его императорскому Величеству, что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы»¹.

Естественно, все это не могло не сказаться на состоянии русской армии, на ее боевой подготовке, на положении дел в обучении и воспитании войск.

Каков же был состав русской армии в конце царствования Павла I?

К марту 1801 года общая штатная численность ее, исключая местные войска, не имевшие боевого значения, равнялась 448 741 человек².

Основную часть армии (две трети) составляла пехота.

Гвардия: лейб-гвардии Преображенский полк 5-батальонного состава (2 батальона grenадер и 3 батальона мушкетер); лейб-гвардии Семеновский и лейб-гвардии Измайловский полки 3-батальонного состава (батальон grenадер и 2 батальона мушкетер). В каждом гвардейском батальоне было по 5 рот³. Кроме того, в состав гвардии входили лейб-гвардии Егерский и лейб-гвардии Гарнизонный батальоны, состоявшие каждый из 3 рот⁴. В Преображенском полку по штату числилось

¹ Русская военная сила, т. 2, с. 250.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2. Спб., 1902, с. 103.

³ ПСЗ, т. 43, ч. 1, кн. штатов, № 19480, табл. 1.

⁴ Там же.

Мушкетерские полки. Название «мушкетерские» было введено в России в середине XVIII века. Мушкетерские полки не составляли особого вида войск, а имели значение обычной линейной пехоты. Егерские полки — легкая пехота. Егеря, как правило, действовали в рассыпном строю, отличались меткой стрельбой. В России егеря впервые появились в армии П. А. Румянцева. Вначале в составе мушкетерских полков были созданы специальные команды егерей. Позже эти команды были сведены в егерские батальоны 6-ротного состава, а затем батальоны — в егерские корпуса. В 1796 году Павел I расформировал егерские корпуса, оставив егерские батальоны как самостоятельные войсковые единицы. Вскоре из них были созданы егерские полки 10-ротного состава. Впоследствии егеря стали занимать все более значительное место в общем числе русской пехоты. Grenадеры в России появились в 1694 г. В 1704 г. grenадерские роты вводились во всех пехотных и кавалерийских полках. Затем формировались grenадерские полки, позже сведенные в 2 grenадерские дивизии, а в 1814 г. был создан grenадерский корпус. Фузилерные роты. Фузилерами первое время стали называться солдаты, вооруженные фузеями (определенный вид пехотного ружья). Позже последние роты пехотных батальонов получили название фузилерных.

4615 человек, а в Семеновском и Измайловском полках — по 2777¹.

Армейская пехота (инфантерия) состояла из 13 гренадерских, 69 мушкетерских и 19 егерских полков². Каждый полк 2-батальонного состава. В свою очередь батальон гренадерского полка состоял из гренадерской и 5 фузилерных рот, а мушкетерского полка — из гренадерской и 5 мушкетерских рот. Батальон же егерского полка был 5-ротного состава. Численность гренадерской роты по штату составляла 182 человека, в том числе 150 «рядовых в ружье». В мушкетерской роте сверх указанного числа положено было иметь 12 человек вне комплекта. Полк же насчитывал 2201 человек, в том числе 1800 «рядовых в ружье».

Егерский полк был значительно меньшим по численности — 883 человека.

Необходимо отметить, что в результате отрицательного отношения к егерям, как определенному роду войск, со стороны официальной власти их число в царствование Павла I сократилось на две трети. В 1796 году из 43 существовавших ранее егерских батальонов было оставлено лишь 20. А в 1797 году егерские батальоны были преобразованы в егерские полки. Однако их численный состав вновь уменьшился. Если прежний батальон насчитывал 1000 человек, то теперь весь полк имел 880.

Регулярная кавалерия составляла лишь десятую часть полевой армии. Малочисленность кавалерии объяснялась стремлением не иметь «излишних по содержанию в мирное время издержек». Этот недостаток в отношении числа регулярной кавалерии в какой-то степени компенсировался наличием казачьих формирований и другой иррегулярной конницы, насчитывавших в то время 81 тыс. человек³.

Кавалерия делилась на тяжелую, к которой относи-

¹ ПСЗ, т. 43, ч. 1, кн. штатов, № 19480, табл. 1.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, с. 12—13.

³ Там же, с. 103.

лись кирасирские полки, и на легкую — полки драгунские и гусарские¹.

Гвардейскую кавалерию составляли полки кавалергардский, состоящий из 3 эскадронов, лейб-гвардии конный пятиэскадронного состава.

Кроме того, в состав гвардии входили: лейб-гусарский полк из 2 батальонов, каждый по 5 эскадронов; лейб-казачий полк из 3 эскадронов и числящаяся особо лейб-уральская сотня. В каждом эскадроне тяжелой и легкой гвардейской кавалерии было примерно одинаковое число солдат и офицеров — 152—155 человек. Однако в этих полках было разное количество эскадронов и поэтому разная их численность.

В составе армейской кавалерии находилось 13 кирасирских, 12 драгунских и 8 гусарских полков². Их штатный состав был следующий. Кирасирские полки состояли каждый из 10 рот, составлявшие 5 эскадронов. Драгунские полки были разного состава. В трех полках имелось по 10 эскадронов, а в остальных по 5. Гусарские полки состояли из 2 батальонов, в каждом из которых было по 5 эскадронов.

Артиллерия делилась на полевую, осадную и гарнизонную (крепостную). Ее общее количество — 810 орудий³. Полевая артиллерия состояла из 8 артиллерийских полков. Причем в 6 полках было по 2 батальона, в том числе в трех полках по одному осадному батальону. Остальные два полка имели: 7-й полк — один батальон, 8-й полк — конный батальон⁴.

Каждый батальон состоял из 5 рот. В ротах полевой и конной артиллерии было по 12 орудий, а в осадной — по 18⁵. Артиллерийская рота по своему составу была не однородной. В ней имелись орудия, как правило, двухтрех калибров⁶. Так, в роте полевой артиллерии имелось

¹ В тяжелой кавалерии солдаты и офицеры носили металлические доспехи (кирасы), защищавшие их грудь и спину. В бою тяжелая кавалерия использовалась для решающего удара по противнику. Легкая кавалерия — драгуны и гусары — более подвижный род войск.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, с. 6.

³ Там же, с. 17—18.

⁴ Там же.

⁵ ПСЗ, т. 43, ч. 1, кн. штатов, № 18430.

⁶ Калибр орудия определялся весом ядра: 12-, 24-фунтовые и т. д.

четыре 24-фунтовых единорога, четыре 12-фунтовых пушки средней пропорции и четыре 12-фунтовых пушки меньшей пропорции. В конной роте орудия были двух калибров: шесть 12-фунтовых единорогов и шесть 6-фунтовых пушек¹, в осадной роте даже пяти калибров — от 12-фунтовых пушек до 5-пудовых мортир².

Гарнизонная артиллерия состояла из 11 рот и команд. Они были размещены по крепостям, арсеналам, пороховым заводам. Численность рот и команд была самой разной³.

Таким образом, состав артиллерии русской армии и ее материальная часть были довольно разнообразны по своей структуре. В одной и той же артиллерийской роте находились и легкие и тяжелые орудия. Для их перевозки и боеприпасов полагался особый фураж, который составлял до одной трети штатного состава батальона. На каждую артиллерийскую роту приходилось до 20 повозок⁴. Естественно, что такие артиллерийские части были недостаточно маневренны. Хотя артиллерия и делилась на полки, батальоны и роты, но в боевых условиях она была раздроблена по пехотным полкам, из расчета на каждый батальон по 3 орудия⁵.

Слабо было организовано снабжение артиллерии боеприпасами. Запасные парки, как правило, учреждались «с приближением надобности». И поэтому для перевозки в войска огнестрельных припасов приходилось пользоваться «подручными средствами»: людей для этого набирали из разных команд, а из-за недостатка лошадей нередко порох и снаряды перевозили на волах⁶.

В состав артиллерии входили и инженерные войска. Имелся один пионерный полк, состоявший из 2 батальонов. В каждом батальоне было по роте минеров и 5 рот пионеров⁷.

¹ ПСЗ, т. 43, ч. 1, кн. штатов, № 18937, табл. V, № 18430.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, с. 18.

³ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, с. 26.

⁴ Там же, с. 20.

⁵ Там же, с. 21.

⁶ Краткое обозрение артиллерии. 1798—1848 гг. — «Артиллерийский журнал», 1852, № 5, с. 78—79.

⁷ ПСЗ, т. 43, ч. 1, кн. штатов, № 18798, табл. VI.

Пионеры — инженерные войска. В обязанности пионеров входило устройство дорог, полевых мостов и различного рода полевых

Кроме того, в 1797 году были сформированы две понтонные роты, каждая из 200 понтонеров. Рота распределялась на четыре депо¹. В понтонном же депо имелось по 50 понтонеров, и назывались эти депо в зависимости от места их расположения: С.-Петербургское, Рижское, Смоленское, Киевское, Херсонское, Азовское, Казанское и Московское².

Значительную часть русской армии составляли гарнизонные войска. В мирное время они назначались для внутренней службы в городах и крепостях, а в военное — входили в состав корпусов или же использовались «на случай выступления полков из непреременных квартир — для занятия их гарнизонов»³.

Гарнизонные войска, расположенные в том или ином городе, носили название полка, независимо от числа батальонов. Поэтому и полки были разнообразного состава. Так, полк, расположенный в Риге, имел 4 батальона, в Выборге — 2 батальона. Все гарнизонные части делились на полки на полевом содержании и полки на внутреннем содержании.

Основную часть гарнизонных войск составляли полки на полевом содержании, которые располагались в местах, ближайших к границе. Полки же на внутреннем содержании находились, как правило, внутри страны, на значительном расстоянии от границы⁴. Всего в 21 гарнизонном полку было 82 батальона⁵. В каждом батальоне на полевом содержании было по одной гренадерской и 5 мушкетерских рот, а в батальоне на внутреннем содержании — 5 мушкетерских и инвалидная рота. Численный же состав батальона на полевом содержании равнялся 1007 человек, а батальона на внутреннем содержании — 632.

В русской армии имелись и так называемые местные войска, не имевшие боевого назначения. К ним относи-

укреплений. Минеры находились в составе инженерных войск. Они должны были «чинить» подкопы при осаде крепостей. В обычных полевых условиях их нередко использовали на различных фортификационных работах.

¹ ПСЗ, т. 24, № 17851.

² Историческое описание одежды и вооружения российских войск, ч. 7. Спб., 1900, с. 33.

³ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, с. 37.

⁴ Там же, с. 38.

⁵ Там же, приложение 1, с. 1—14.

лись инвалидные роты, горнозаводские батальоны и роты, губернские штатные роты и уездные команды. Эти войска, как правило, несли внутреннюю караульную службу. Их общая численность в 1801 году составляла около 30 тыс. человек¹.

Важное место в вооруженных силах России занимали казачьи формирования. К марту 1801 года существовали следующие казачьи войска: Донское, Черноморское, Оренбургское, Уральское, Сибирское, Астраханское, Ставропольско-Калмыцкое, Башкиро-Мещерякское, Гребенское, Терско-Семейное, Терско-Кизлярское. К ним относились также полки: Хоперский, Волгский, Моздокский, Кубанский, Тептярские 1-й и 2-й, четыре Братских и Чугуевский².

Казачьи войска были расположены главным образом по границам и несли своего рода пограничную службу. Наибольшее количество полков могло выставить Донское казачье войско. Оно, по существу, и составляло в русской армии основную массу казачьей конницы. Остальные казачьи войска были заняты в основном кордонной службой.

В составе русской армии были и национальные формирования: греческий пехотный батальон, татарско-литовский Гловенского полк и польский конный князя Ратеева полк³.

Таковы состав и численность вооруженных сил России на рубеже XVIII и XIX столетий.

В соответствии с уставом 1796 года все войска были распределены по инспекциям, представлявшим собой подобие территориальных округов. Вначале Павел I утвердил расписание войск на 12 инспекций: С.-Петербургскую, Московскую, Лифляндскую, Литовскую, Смоленскую, Финляндскую, Украинскую, Екатеринославскую, Таврическую, Кавказскую, Оренбургскую и Сибирскую. В 1800 году были учреждены еще две инспекции — Харьковская и Брестская.

В каждую инспекцию назначались инспектора: отдельно по пехоте, коннице и артиллерии.

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, с. 43—50.

² Там же, с. 54.

³ ПСЗ, т. 43, ч. 1, кн. штатов, № 17915, 17903, 17993.

В обязанности инспектора входило «объезжать и осматривать свои полки. Полкам приказать выступать и роту за ротой подробно осматривать, дабы полки всегда были комплекты; и по крайней мере 4 раза в год объезжать полки своей инспекции»¹. Он должен был ежемесячно представлять императору «генеральный рапорт», в котором сообщать о состоянии полков в инспекции. Под страхом «лишения чинов» инспектор обязан был отвечать за состояние полков во всех отношениях: за обучение, обмундирование и дела хозяйственные. Однако власть инспектор имел очень незначительную. А в дальнейшем эта власть все больше и больше ограничивалась. Инспектор не мог предоставить офицерам отпуск более 28 дней. Павел I требовал, чтобы инспектора «без высочайшего повеления сами собой не отзывали от своих мест шефов и не смели перемещать из одного полка в другой штаб-офицеров»². Было запрещено перемещать и ротных командиров «без соизволения его величества».

Как видим, права инспекторов были ограничены и регламентированы. За малейшее отступление от этого строго указывалось. Так, 29 января 1797 года царь писал генералу И. К. Эльмпту — инспектору по пехоте Лифляндской инспекции: «Исключая дела, относительно к главному начальству, в хозяйственное распоряжение полков кавалерийских входить вы не имеете»³. А позже за нарушение «точности правил устава» Эльмпт был «отставлен от службы».

На должность инспекторов назначались высшие воинские начальники независимо от чина. В уставе 1796 года говорится: «Не нужно, чтоб инспектор был старший генерал, а может быть инспектором фельдмаршал, генерал-аншеф, генерал-поручик, или генерал-майор, как сие угодно будет государю»⁴. Этим положением царь приравнял старых заслуженных генералов, командовавших в предшествовавшие войны крупными соединениями войск, и молодых офицеров, выдвинувшихся на руководящие посты в армии, как правило, из числа гатчинцев.

¹ ПСЗ, т. 24, № 17590.

² ПСЗ, т. 25, № 18315.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 326, л. 13.

⁴ ПСЗ, т. 24, № 17590.

В качестве инспектора был и генерал-фельдмаршал А. В. Суворов. Его Павел I назначил в Екатеринославскую инспекцию. По этому поводу А. В. Суворов в одном из своих писем с горечью писал: «Инспектором, до генерал-майора наряду, фельдмаршал понижается: разве бы был по армии генерал-инспектор, и тогда не его дело сим заниматься. Он имел право сам таковых инспекторов, из нижнего генералитета, посылать; а довольно с него быть, как прежде, всегда главнокомандующим, до которого звания я служил более полувека, и честно его заслужил, больше всех иных, ранами, увечьями и многими победами, и на краткую мою жизнь грех его у меня отнимать»¹. И в другом письме: «Новый титул! Я инспектор, я вам выяснял, что был таким подполковником, я быть таким не могу... и не хочу; я главнокомандующий, генерал генералов... Я баталиев не проигрывал, как покойник прусский и великий король»².

Инспектора, введенные Павлом I, не командовали войсками, а лишь проверяли их, проводя в жизнь порядки, установленные в соответствии с новыми уставами прусского образца. По «генеральным рапортам», которые представлялись царю, отдавались приказы. Нередко в этих приказах строго взыскивалось с офицеров за те или иные «своевольства», вплоть до исключения из службы, начиная с фельдмаршала и кончая прапорщиком.

Какова же была система управления непосредственно в полках?

По уставу 1796 года кроме командира полка назначался еще и шеф из числа генералов, который «смотрел все» — и обучение, и управление, и хозяйство. В связи с этим роль командира полка во многом потеряла свое назначение, так как последний не имел ни власти, ни прав, а являлся только заместителем шефа полка в его отсутствие. Однако и шефы полков были очень ограничены в правах: все исполнялось ими «по точности правил устава». По существу, шеф полка был не столько командиром, сколько «попечителем» полка³.

¹ Лебедев П. С. Преобразования русской армии в царствование императора Павла Петровича. 1796—1801.— «Русская старина», 1877, февраль, с. 246.

² Там же, с. 247.

³ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, с. 81.

С 1796 года все полки стали именоваться по фамилиям шефов. Это нововведение вносило в управление войсками много неразберихи. Полки часто меняли свои названия в связи с заменой того или иного шефа. Так, в Санкт-Петербургском гренадерском полку с 1798 по 1801 год сменилось четыре шефа и четыре раза менялось его название. В Муромском мушкетерском полку с 1798 по 1800 год восемь раз менялись шефы, в Витебском мушкетерском полку — четыре раза, в Ростовском мушкетерском полку — три раза¹. И соответственно столько же раз изменялось название этих полков. Поэтому не удивительно, что новые названия полков приводили к большой путанице. Случалось, что солдаты не знали, как называется полк, в котором они служат.

Та же система наименования была введена и в ротах. В 1798 году роты стали называться не по номерам, а по фамилиям их командиров.

Многие военные реформы Павла I были направлены к дальнейшей централизации управления армией. По существу, вся система руководства войсками была сосредоточена в кабинете императора. В первые же дни по вступлении на престол Павел I упраздняет департамент генерального штаба, а офицеров его распределяет в армии.

Затем были ликвидированы «дежурства», которые представляли собой подобие штаба при старших воинских начальниках. Дело дошло до упразднения даже полковых канцелярий.

Вместо генерального штаба была создана так называемая «Свита Е. И. В. по квартирмейстерской части». Однако при этом круг обязанностей этих офицеров не был определен, и вся их деятельность сводилась главным образом к перечерчиванию карт, планов, производству съемок на местности. В итоге получилось, что в военное время в армии не оказалось офицеров по квартирмейстерской части. А. В. Суворов во время походов в Италию и Швейцарию в 1799 году вынужден был пользоваться услугами австрийских офицеров генерального штаба.

В то же время следует отметить, что в отличие от прошлого приказы и распоряжения поступали в вой-

¹ Гренадерские и пехотные полки, изд. 2-е. Спб., 1909, с. 63.

ска значительно быстрее. Если во времена Екатерины II императорские указы весьма медленно шли через военную коллегия, то теперь все это осуществлялось более оперативно. Ежедневно, во время развода караула, отдавались различные приказания, касавшиеся той или иной отрасли службы. Распоряжения записывались, печатались и рассылались в войска как «высочайшее повеление»¹.

Таким образом, в мероприятиях Павла I, касавшихся русской армии, мы видим, с одной стороны, стремление покончить с злоупотреблениями и «своеволием» в войсках, укрепить дисциплину, повысить организованность и четкость в управлении, а с другой — мелочную регламентацию воинской службы, крайнюю централизацию в руководстве армией, подчинение всей системы обучения и воспитания войск лишь внешней эффективности их действий при полном игнорировании боевого опыта и, наконец, слепое подражание «прусскому образцу».

Здесь, естественно, возникает вопрос: в какой мере нововведения Павла I сказались на боеспособности русской армии, каковы, в сущности, их последствия?

Законодательное закрепление устаревших положений линейной тактики, настойчивое внедрение новых воинских уставов прусского образца и «отставление от службы» многих опытных военачальников тормозило дело совершенствования армии, отрицательно сказывалось на дальнейшем развитии русского военного искусства. Вместе с тем события 1799 года, крупные победы в Италии и Швейцарии являются ярким свидетельством высоких боевых качеств русских войск.

Чем же можно объяснить такое положение?

Во-первых, несмотря на упорное стремление Павла I и его сподвижников переделать русскую армию на прусский лад, в ней сохранялись глубокие традиции, связанные с боевой деятельностью под руководством Румянцева, Суворова и других талантливых русских полководцев. Войска воспитывались на этих традициях в течение многих лет. А если учесть долголетний срок службы русского солдата, то, какой бы жестокой ни была система обучения и воспитания войск во времена Павла I,

¹ Русская военная сила, т. 2, с. 247.

она не могла решительно повлиять на уже сложившиеся боевые навыки и приемы.

Во-вторых, характер боевой деятельности русской армии в последней четверти XVIII столетия уже не в полной мере отвечал требованиям уставов, принятых в 1763 году. В связи с дальнейшим развитием военного дела устаревшие уставные положения заменялись всевозможными инструкциями, распоряжениями самих военачальников¹.

Поэтому постепенно складывалось определенное отношение к уставным требованиям. Суворов нередко выступал против излишней приверженности к действиям по уставу. В наставлении войскам перед сражением при Треббии 6 июня 1799 г. он указывал: «Есть ли паче чаяния неприятель нас встретит, тотчас строиться в линию, без замешательства, но и без педантизма или лишней точности»². И далее: «Не употреблять команду «стой», это не на ученье, а в сражении»³.

С введением уставов 1796 года приемы и методы боевых действий русских войск мало изменились. Вот почему с появлением павловских уставов не только не был устранен, но и увеличился разрыв между требованиями боевой практики и официальными уставными положениями.

В-третьих, в кампании 1799 года особенно ярко проявился гений А. В. Суворова, его высокое полководческое искусство. В сложнейших условиях итальянского и швейцарского походов великий русский полководец творчески развил стратегию и тактику того времени, обогатил военное искусство новыми крупными достижениями.

Следует остановиться на некоторых важных вопросах суворовской «науки побеждать» в связи с блестящими победами русской армии в 1799 году.

Важнейшим в полководческом искусстве Суворова было стремление обеспечить большую подвижность войск. «Быстрота и натиск, — указывал великий полководец, — душа настоящей войны. Бегущего неприятеля истребляет одно преследование»⁴. Об этом же он пишет

¹ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства, вып. 7, с. 48—49.

² А. В. Суворов. Документы, т. 4. М., 1953, с. 154.

³ Там же, с. 155.

⁴ Там же, с. 18.

австрийскому генералу М.-Ф. Меласу: «Быстрота — величайшее достоинство, медлительность — грех, непροстителъный за вредные последствия»¹. В сражении при реке Тидоне Суворов умело маневрирует войсками, добивается быстрого сосредоточения сил на решающем участке сражения и обеспечивает разгром противника.

Он избирает формы борьбы с учетом возникающей обстановки. В трудных условиях Швейцарского похода Суворов разрабатывает правила ведения военных действий в горах. Он учит войска, как следует вести наступление в горной местности. «Само по себе разумеется, что не нужно на гору фронтом всходить, когда боковыми сторонами оную обойти можно»². И далее: «...с вышины в низ стрельба гораздо цельнее, и для того стараться как наискорее достигнуть вершины, дабы не находиться долго под выстрелами и тем бы менее быть вредиму»³. «Если неприятель умедлит овладеть возвышениями гор, то должно на оные поспешно взлезать и на неприятеля сверху штыками и выстрелами действовать»⁴. Естественно, подобные правила не были предусмотрены ни в одном уставе того времени. По существу, такие действия войск и методы ведения боя, выдвинутые Суворовым, противоречили уставным положениям с их линейными боевыми порядками.

В своих приказах и наставлениях А. В. Суворов развивает идеи глубокого боевого порядка. Он придает исключительно большое значение действию войск холодным оружием. В циркулярном предписании 25 августа 1799 года Суворов пишет: «Желал бы я также, чтобы все вообще войска в свободные дни, остающиеся до общей атаки, упражнялись чаще в действии холодным оружием, т. е. штыками и саблями в три линии; этому способу действия мы исключительно обязаны столь многими и притом мало стоившими нам победами»⁵.

В сражении при реке Треббии Суворов построил войска в расчлененном боевом порядке. Исходя из общего плана сражения, он поставил перед каждой дивизией свою задачу и дал определенное направление для на-

¹ А. В. Суворов. Документы, т. 4, с. 234.

² Там же, с. 333.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 334.

⁵ Там же, с. 304.

ступления. Причем отдельные части получили не только ближайшие цели для атаки, но и маршрут наступления на довольно значительную глубину. Так, авангард П. И. Багратиона должен был наступать через Сеттима, Каселле к С.-Джорджио на реке Нуре¹. Это было важным новшеством в боевой практике того времени. Суворов во многом отходит здесь от принципов линейной тактики. За несколько дней до сражения при Треббии он дает наставление для боя, в котором указывает: «Неприятеля поражать холодным оружием, штыками, саблями и пиками. Артиллерия стреляет по неприятелю по своему рассмотрению, почему она и по линии не расписывается. Кавалерии и казакам стараться неприятелю во фланги ворваться»².

Нередко в боевых действиях войск Суворов использует колонны для удара в штыки и рассыпной строй стрелков. Особенно часто подобный боевой порядок применялся для действия в горах. Суворов учил: «Единою только твердою и непоколебимою подпорою колонны можно придать мужества и храбрости порознь рассеянными стрелкам, которые ежели бы по сильному неприятельскому отпору и не в состоянии были далее идти, то должна колонна, не сделав ни одного выстрела, с великим стремлением достигнуть вершины горы и штыками на неприятеля ударить»³.

Суворов придавал большое значение самостоятельности и творческой инициативе подчиненных. В предписании А. М. Римскому-Корсакову и Ф. Готце Суворов пишет: «В зависимости от обстоятельств на вас возлагается также составление на месте собственных частных диспозиций, сообразуясь с целесообразностью в достижении поставленной цели»⁴. В отличие от фридриховской системы обучения и воспитания войск, согласно которой солдат не должен был думать, а точно и безукоризненно выполнять приказы военачальников, Суворов считал, что успех сражения будет обеспечен лишь в том случае, когда о его плане будет известно всем — от генерала до рядового солдата. «Не довольно, — писал великий полководец, — чтоб одни главные начальники были изве-

¹ А. В. Суворов. Документы, т. 4, с. 155.

² Там же, с. 145.

³ Там же, с. 333.

⁴ Там же, с. 339.

щены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того: даже батальонные эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр»¹.

Деятельность А. В. Суворова в 1799 году в качестве главнокомандующего соединенной армии принесла ему мировую славу. Это был венец его полководческого искусства.

Мероприятия Павла I, как указывалось выше, не соответствовали назревшим потребностям времени. Более того, многие проведенные им реформы серьезно тормозили развитие военного дела в России, законодательно закрепляли устаревшие положения линейной тактики, вводили порядки и правила, существовавшие в Пруссии еще в середине XVIII века.

Необходимо было коренным образом изменить структуру управления, провести переустройство армии, установить рациональное соотношение различных родов войск, ввести наиболее совершенную систему их комплектования и боевой подготовки.

После смерти Павла I указом от 24 июня 1801 года была учреждена Военная комиссия для рассмотрения положения войск и устройства их². Александр I, только что вступивший на престол, предпринял ряд мер по «содержанию войск удобнейших и с выгодами казны сообразнейших».

Воинской комиссии было предписано внести предложения по целому ряду вопросов, связанных с устройством и содержанием войск: определить общее число войск по их родам и порядок размещения; наметить новые штаты в полках и ротах; определить меры по продовольствию и фуражированию, обмундированию, снаряжению и вооружению войск; рассмотреть вопросы, связанные с содержанием конной артиллерии. В указе говорилось: «Зная из опытов, что конная артиллерия доставляет державам, имеющим ее, великие преимуще-

¹ А. В. Суворов. Документы, т. 4, с. 20.

² ПСЗ, т. 26, № 19926.

ства, комиссия имеет войти в рассмотрение о способах наименее отяготительного содержания...»¹.

Ряд мер по «устройству войск» был осуществлен еще до учреждения воинской комиссии 1801 года. Приказом от 14 марта 1801 года вводилось прежнее название полков. До этого они, как уже говорилось, носили имена своих шефов. Драгунским полкам был установлен однообразный состав — 5-эскадронный. Проведены некоторые изменения в структуре артиллерийских полков².

Первым наиболее значительным результатом работы Воинской комиссии было составление расписания войск. Прежде всего отменялись некоторые меры «на случай разрыва дружбы с Англией». В связи с этим все войска, входившие в созданные с этой целью три армии, должны были вновь войти в состав инспекций.

Предусматривалось, чтобы в каждой из 14 инспекций имелись войска всех родов. В то время как в прошлом в Финляндской инспекции не было кавалерии; в инспекциях Брестской, Литовской и Украинской отсутствовали гарнизонные войска; в шести инспекциях не было понтонных депо; в трех — артиллерии и т. д.

Воинская комиссия в своем докладе Александру I 8 июля 1801 года так мотивировала намечаемое распределение войск по инспекциям:

1. «чтоб остающиеся в пристойных местах на границах полки в нужном случае скоро и способно подкреплены или, смотря по обстоятельствам и надобности, дружинами сменены были»;

2. «чтобы просторнейшим размещением» сократить расходы на продовольствие;

3. «чтоб дать способ освежить полевые войска», расположив роты по деревням, а лишь штабы полков по городам³.

Из 14 инспекций: Финляндской, С.-Петербургской, Лифляндской, Литовской, Брестской, Украинской, Днестровской, Таврической, Кавказской, Смоленской, Московской, Оренбургской, Сибирской, Харьковской — 11 занимали пограничную территорию и только три (Смо-

¹ ПСЗ, т. 26, № 19926.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, с. 119.

³ Там же, с. 119—120.

ленская, Московская и Харьковская) находились как бы во второй линии.

Комиссия рассмотрела ряд вопросов, связанных с изменением числа войск по их родам. В частности, 20 июля 1801 года был утвержден доклад комиссии о сокращении числа кирасирских полков и преобразовании части их в драгунские. В докладе предлагалось из 13 кирасирских полков «для отвращения знатных издержек, употребляющихся на содержание оных безо всякой особенной пользы, оставить только шесть... Остальные семь полков обратить в драгунские»¹.

По предложению Военской комиссии были утверждены новые штаты для пехоты и кавалерии².

Новые штаты предусматривали ряд изменений в составе гвардейской и армейской пехоты. В гвардейских полках не стало мушкетерских батальонов, все эти полки получили однородный состав — гренадерский. Каждый батальон состоял из четырех рот.

Произошли изменения и в армейской пехоте.

Во-первых, все полки стали 3-батальонного состава. Батальон же теперь состоял не из шести рот, как в прошлом, а из четырех. Общее количество рот в полку не изменилось. Они лишь распределены были не на два, а на три батальона. Только егерский полк увеличился на две роты.

Во-вторых, в гренадерских полках все роты стали гренадерские. Этим устанавливалась однородность полков, которые до этого состояли из гренадерских и фузилерных рот. Причем фузилерных рот было в пять раз больше, чем гренадерских.

В-третьих, в состав мушкетерских полков кроме двух мушкетерских был введен один гренадерский батальон. Хотя полки сохранили двойственный характер, однако вместо создаваемого при необходимости сводногренадерского батальона теперь имелся постоянный по штату гренадерский батальон.

И в-четвертых, егерские полки были усилены двумя ротами. Вместо двух батальонов 5-ротного состава каждый полк теперь состоял из трех 4-ротных батальонов.

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, с. 123.

² Там же, с. 125.

Увеличилась численность гренадерских и мушкетерских полков по штатам военного времени. Если в мирное время в штате полка состояло вместе с нестроевыми 2160 человек, то в случае войны штат увеличивался на 231 человека. Почти вдвое возросла численность егерского полка: с 883 до 1584 человек. В мирное и военное время штаты егерских полков не изменялись.

Изменения по новым штатам касались главным образом пехоты. Она, как мы видим, несколько усилилась за счет некоторого увеличения численности армейских полков, особенно егерских.

Воинская комиссия в докладе Александру I высказала свое мнение об «определении числа войск по различным их родам и именованием каждого»¹.

Комиссия считала, что численность войск должна быть «соответственно необходимости внешней обороны и сохранению внутренней тишины». Она предложила «умножить пехотные войска» одним мушкетерским и одним егерским полками. Вместе с тем, по мнению Воинской комиссии, следовало увеличить гарнизонные войска на 20 батальонов. Здесь несколько по-новому определяют цель и назначение гарнизонных батальонов. Они должны находиться «во внутренних местах государства» не только для сохранения «в них тишины и спокойствия, но и равномерно и для приуготовления в военное время к укомплектованию армии...». По существу, выдвигалось предложение сделать гарнизонные войска важным резервом полевой армии, «чтобы не только полки, но и гарнизоны полевого содержания составляли вообще войско, готовое всегда как к оборонительным, так и наступательным действиям»².

Комиссия пришла к выводу, что численность регулярной кавалерии не находится «в соразмерности и числа эскадронов с числом батальонов». Однако, по ее мнению, «когда предстанет надобность, может и кавалерия немедленно быть умножена казаками и другими нерегулярными войсками, без излишних по содержанию в мирное время издержек»³.

Как видим, Воинская комиссия не вносит каких-либо радикальных предложений по усилению армии, уве-

¹ ПСЗ, т. 26, № 19926.

² Там же.

³ Там же.

личению численности войск. В ее деятельности ярко выражено стремление осуществить систему мероприятий, «к содержанию войск удобнейших и с выгодами казны сообразнейших».

Предложения комиссии для определения «числа войск по различным их родам» оказались настолько скромными, что Александр I принял решение усилить армию формированием новых полков: 4 драгунских, 2 гусарских, 7 мушкетерских, 1 егерским и 1 конно-артиллерийским батальонами.

Ряд преобразований был осуществлен и в артиллерии. Число артиллерийских батальонов увеличилось. Они составили 9 артиллерийских полков, по два батальона в каждом. В отличие от прошлого артиллерийские роты были созданы однородного по характеру орудий состава. В батальоне имелось 2 роты тяжелых орудий, предназначенных для установки на укрепленной позиции, и 2 роты легких орудий, которые действовали в боевых порядках пехоты.

Общее число орудий в артиллерии увеличилось незначительно. Изменилось лишь соотношение отдельных видов артиллерии. Например, количество орудий в конной артиллерии возросло вдвое. Значительно увеличилось число орудий в полковой артиллерии¹. Вместе с тем в полевой артиллерии их стало меньше.

Усилились инженерные войска формированием второго пионерного полка. В каждом из них состояло по 8 рот: 2 минерных и 6 пионерных.

По предложению Военской комиссии 20 июля 1803 года было утверждено «Генеральное расписание». В связи с этим армия распределялась по инспекциям несколько иначе. Прежде всего, пограничные инспекции, особенно те, которые расположены на западной границе, были усилены кавалерией и отчасти пехотой. В каждой инспекции, за исключением Украинской, теперь имелась артиллерия. Для сосредоточения войск в армии и корпуса существовало секретное предписание «на случай военных ополчений»².

¹ Полковая артиллерия состояла, как правило, из легких орудий. Это была «собственная» артиллерия полков — по 2 орудия на батальон.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, с. 175—179.

Подобные расписания армии по инспекциям, неоднократные изменения в размещении войск на территории страны вызывались главным образом политическими соображениями. Проводимый правительством внешнеполитический курс, стремление, по словам Александра I, «водворить в Европе мир на прочных основаниях»¹ вызвали ряд военных приготовлений в России.

Однако отсутствие постоянных высших соединений зачастую приводило к организационной неразберихе, заставляло делать массу распоряжений, чтобы «из полков и команд» составить армии и корпуса, а так как политические события часто менялись, то вновь и вновь происходила «перетасовка» войск в новые импровизированные соединения.

В 1802 году было учреждено министерство военносухпутных сил. Вместе с тем военное управление оставалось настолько централизованным, что, как и в прошлом, распределение офицеров поротно, назначение и смещение командиров рот производились с утверждения царя.

Таким образом, военные преобразования 1801—1805 годов коснулись в основном вопросов организационного и хозяйственного порядка. Формирование нескольких новых пехотных и кавалерийских полков не дало заметного увеличения численности армии. И хотя по штату число войск к январю 1805 года возросло почти на одну четверть, но если учесть большой некомплект в армии, составлявший для того времени примерно пятую часть, то существенных изменений здесь также не произошло².

Как видим, меры, предложенные Воинской комиссией, не затрагивали основ устройства, комплектования и боевой подготовки армии. Однако потребность в более глубоких военных преобразованиях вполне назрела.

Начавшаяся в 1805 году война с Францией, а затем военные действия 1806—1807 годов явились убедительным тому подтверждением.

Рассматривая боевые действия русской армии в 1805 году, особенно в сражении под Аустерлицем, необ-

¹ Шильдер Н. К. Император Александр I, т. 2. Спб., 1897, с. 125.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, с. 388—390.

ходимо обратить внимание прежде всего на несовершенство ее управления.

Как уже отмечалось, в армии не было постоянного состава дивизий и корпусов, а создавались, как правило, импровизированные соединения. Например, во всех пяти колоннах, находившихся под командованием М. И. Кутузова перед Аустерлицким сражением, войска были в самом различном сочетании¹. Нередко один и тот же полк входил по частям в разные колонны. Не во всех колоннах имелась кавалерия. Так, например, 3-я колонна состояла из Смоленского, Апшеронского и Новгородского мушкетерских полков, Малороссийского гренадерского полка, двух пионерных рот, одной батареейной артиллерийской роты, австрийской пехоты и половины казачьего полка Денисова². В других колоннах, наоборот, преобладала кавалерия, которая без тесного взаимодействия с пехотой не могла успешно решать боевые задачи. По существу, это были не строго организованные войсковые организмы, а лишь механически соединенные группы войск. В таких условиях трудно было обеспечить взаимодействие различных родов войск, оперативность в их управлении, тесную связь между начальниками и подчиненными им войсками.

Участник сражения под Аустерлицем А. П. Ермолов в своих «Записках» свидетельствует о слабом взаимодействии различных родов войск. По его мнению, главная причина поражения — это отсутствие связи и взаимодействия в армии. «Каждой части войск, — пишет А. П. Ермолов, — предоставлено было действовать отдельно, с условием при том, ни себе не ожидать, ни другим не давать вспомоществования...»³. Он приводит случаи, когда офицеры зачастую командовали в этом сражении солдатами из разных полков и батальонов, совершенно случайно оказавшимися вместе⁴.

Важным обстоятельством, объясняющим неудачу русской армии под Аустерлицем, явилось отсутствие единого главнокомандования. Впоследствии многие военные исследователи видели в этом одну из главных причин поражения. Так, Г. Леер писал, что в сражении под

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 2. М., 1951, с. 218—220.

² Там же.

³ Записки Алексея Петровича Ермолова, с. 40—41.

⁴ Там же, с. 36.

Аустерлицем вместо одного главнокомандующего мы видим трех: «Кутузова, командовавшего армией лишь номинально, императора Александра I, командовавшего ею на деле, но не принимавшего на себя официально звание главнокомандующего, и, наконец, австрийского генерального штаба генерала Вейротера, составителя плана наступательного маневра к Аустерлицу и самого сражения; короче, вместо одной головы мы видим три, т. е. вместо сосредоточения власти ее рассредоточение»¹. Все это, конечно, вносило лишь путаницу в далеко не совершенную систему управления армией.

В другом исследовании его автор С. Михеев считает, что одной из причин поражения под Аустерлицем явилось «отсутствие единой воли главнокомандующего, ибо Кутузов был лишен самостоятельности и исполнял чужой план, который он не разделял»². План Вейротера представлял собой образец шаблонных методов боевых действий. По мнению С. Михеева, в основе этого плана было стремление действовать против противника по заранее разработанной схеме, без учета изменений, которые могут произойти. «Союзники атаковали армию, — пишет он, — которой они не видели, предполагали ее на позиции, которую она не занимала, и рассчитывали, что она останется настолько же неподвижной, как пограничные столбы»³. Опираясь на принципы линейного построения войск, Вейротер не сосредоточил крупные силы на Праценских высотах, занимавших ключевое положение. Австрийская диспозиция, по словам А. П. Ермолова, «была более похожа на топографическое описание Брюнского округа, нежели на начертание порядка, приуготовляющего целую армию в бою»⁴.

Поражение союзников под Аустерлицем было не случайным. Оно показало, что для успешной борьбы с армией Наполеона необходимо иметь прежде всего более совершенную систему управления и взаимодействия войск и совсем иную организацию высших тактических соединений. По мнению Г. Леера, «бессвязность всех действий союзников, отсутствие в них столь важного единства: сражение распадается на целый ряд хотя и

¹ Леер Г. Прикладная тактика. Спб., 1877, с. 45—46.

² Михеев С. История русской армии, вып. 3. М., 1911, с. 36.

³ Там же.

⁴ Записки Алексея Петровича Ермолова, с. 34.

блестящих, но совершенно отдельных, без всякой внутренней между собой связи, эпизодов — блестящая атака лейб-улан; далее, столь же блестящие атаки конной гвардии и кавалергардов; стойкое сопротивление 1-й, 2-й (атаки Рижского, Фанагорийского и Курского полков) и 3-й колонн... Все это представляет ряд частных усилий, приведших только, вследствие бессвязности в действиях и отсутствия всякого регулирования свыше, к гибельным результатам...»¹.

Военные действия, которые развернулись в 1806—1807 гг., и целый ряд неудач, постигших русские войска в этой войне с Францией, вновь показали насущную необходимость глубоких военных преобразований.

Наряду с серьезными недостатками в системе управления и организации армии принципы линейной тактики все еще сильно сказывались на характере боевых порядков. Позиции занимались войсками, как правило, неглубокие. По мнению Н. П. Михневича, военного историка конца прошлого столетия, стремление придерживаться принципов линейной тактики в сражении под Прейсиш-Эйлау выражалось в отсутствии стрелковых линий, развертывании всех батальонов первой линии и разделении боевого порядка на два крыла и центр².

Вместе с тем новое, прогрессивное в методах ведения боевых действий постепенно утверждалось. В тактике русской армии был уже замечен переход от линейной к тактике колонн и рассыпного строя. Это прежде всего сказалось в действиях артиллерии. В сражении под Прейсиш-Эйлау успешно применялись батареи по 60—70 орудий³. Особое место отводилось конной артиллерии, как важному подвижному резерву. Следует отметить, что конная артиллерия стала завоевывать все большее признание. Это был вид артиллерии, созданный еще во времена Петра I, возрождение которого свидетельствовало об отходе от принципов линейной тактики. А. П. Ермолов так писал о действиях конной артиллерии в 1805 году: «При Амштеттене в первый раз был я в сражении против французов, и в службу мою первый раз с конной артиллерией, которой употребление я столько

¹ Леер Г. Прикладная тактика, с. 45—46.

² Михневич Н. П. Основы русского военного искусства. Спб., 1898, с. 121.

³ Там же.

же мало знал, как и все другие. Возможность двигаться удобнее прочей артиллерии истолковала мне обязанность поспевать всюду... Впрочем, мне удалось предупредить неприятеля, и я, заняв одно возвышение, не допустил устроить батарею, которая могла делать нам большой вред»¹.

Современники отмечали активную роль конной артиллерии в сражении под Прейсиш-Эйлау и в других баталиях². В ряде случаев егеря использовались не только на флангах боевого порядка, но и впереди пехотных линий. Делались попытки применять в бою одиночную ружейную стрельбу³.

Многое из того нового, что вводилось в боевую практику русских войск, являлось часто следствием личной инициативы тех или иных военачальников, чей богатый опыт и глубокие военные познания способствовали утверждению более совершенных методов ведения боя. Они делали это на свой страх и риск, вопреки уставным требованиям того времени.

Следует сказать, что, несмотря на господство линейной тактики, в боевых действиях русской армии по-прежнему сохранялись многие суворовские традиции. Выше отмечалось, что еще в конце XVIII века стали применяться в боевых порядках колонны и другие элементы «глубокой» тактики. Современники считали, что приоритет в этом принадлежит Суворову, а не французским полководцам.

«Многие правила военного искусства, — писал Ф. Глинка, — занял Наполеон у великого нашего Суворова. Этого не оспаривают сами французы: в этом сознается и сам Наполеон; в письмах из Египта, перехваченных англичанами, он ясно говорит Директории, что Суворова до тех пор не остановят на пути побед, пока не постигнут особенного искусства его воевать»⁴. Подобные утверждения можно нередко встретить и в других военных публикациях того времени.

¹ Записки Алексея Петровича Ермолова, с. 16.

² «Артиллерийский журнал», 1809, № 2, с. 113; «Военный журнал», 1810, кн. 2, с. 22.

³ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства, вып. 7, с. 267.

⁴ Глинка Ф. Краткое начертание военного журнала. Спб., 1817, с. 10.

Таким образом, боевая практика выдвигала новые методы борьбы с противником. Однако для утверждения этих тактических положений в русской армии потребовалось немало времени. Мероприятия Павла I, устранившего русскую армию по «прусскому образцу», его приверженность к линейным боевым порядкам сильно тормозили развитие всего нового и передового в русском военном искусстве.

Почему же на рубеже XVIII и XIX веков так остро возникла необходимость в глубоких тактических преобразованиях, а следовательно, и в организации, в устройстве войск?

Во времена сравнительно малочисленных армий европейских государств, состоявших исключительно из наемных солдат, линейные боевые порядки имели свои достоинства. Ф. Энгельс, уделивший в своих военных произведениях много внимания вопросам тактики, по этому поводу писал: «Линейное построение — в центре пехота в две линии, на флангах кавалерия в две или три линии — представляло собой значительный прогресс сравнительно с глубоким построением прежних дней; такое построение развивало полную мощь пехотного огня, равно как и полный эффект кавалерийской атаки, позволяя одновременно действовать максимальному количеству людей...»¹. Вместе с тем эти же боевые порядки имели и определенные недостатки, которые проявились в связи с значительным увеличением численности армий, участвовавших в боевых действиях, возросшей ролью артиллерии как самостоятельного рода войск, а поэтому и возникшей необходимостью активного маневра на поле сражения.

Ф. Энгельс отмечал, что в линейном построении «самое его совершенство... связывало армию в целом, как смиренная рубашка. Каждый эскадрон, батальон и сродие имели свое определенное место в боевом порядке, который не мог быть нарушен или в каком-либо отношении расстроен без того, чтобы это не отразилось на боеспособности целого»². И далее: «Движение вперед таких длинных линий совершалось в сражении с значительной медленностью, чтобы не нарушать равне-

¹ Энгельс Ф. Избранные военные произведения, с. 165.

² Там же.

ния»¹. Здесь не требовалось проявления инициативы от солдата или даже офицера. Все это было заранее предусмотрено и отработано длительной муштрой. Движения войск выполнялись с точностью, как на параде. От солдата требовалось лишь действия «механизма» — все только по команде и никакой самостоятельности. Наиболее полно эти стороны линейной тактики проявились в действиях западноевропейских армий, состоявших, как правило, из наемных солдат.

Боевой же порядок войск, построенных в колоннах, давал очень важное преимущество, заключающееся, по словам Ф. Энгельса, в том, что «применение колонны как исключительно массовой формы ведения боя сделало возможным подразделить неуклюжее, однообразное целое линейного боевого строя на отдельные части, получившие известную самостоятельность, способные приспособлять общую инструкцию к данным обстоятельствам. Каждая из этих частей могла состояться из всех трех родов оружия, колонна отличалась достаточной гибкостью, чтобы допускать использование частей армии в любой возможной комбинации...»². И далее Ф. Энгельс пишет: «И так как линейный строй во всех пунктах обладал одинаковой силой сопротивления, то сражающийся в колоннах противник мог отвлечь внимание части линии ложной атакой, пуская в ход слабые силы и концентрируя тем временем свои главные силы для атаки на решающем пункте позиции. Огневые действия проводились теперь преимущественно рассыпными отрядами стрелков, в то время как колонны предназначались для штыковой атаки»³.

Таким образом, изменившиеся условия боевых действий привели к ломке старых тактических положений. Это особенно ярко проявилось в ходе войн конца XVIII — начала XIX столетия.

Русская военная мысль после неудачных действий русской армии в 1805—1807 годах стала особое внимание уделять боевому опыту, основанному на применении новых методов и приемов ведения боя, вопросам управления и организации войск, системе комплектования и боевой подготовки.

¹ Энгельс Ф. Избранные военные произведения, с. 165.

² Там же, с. 631.

³ Там же, с. 632.

В это время на страницах военных журналов, в книгах и брошюрах появляются многочисленные статьи и исследования по теории военного искусства.

Кроме того, был опубликован ряд военных произведений, в которых кроме анализа боевых действий в предшествующих войнах содержались интересные сведения об использовании отдельных родов войск, о тактике и состоянии военного искусства¹.

Некоторые вопросы, касающиеся организации и управления армией, а также отдельных вопросов военной службы и внутреннего распорядка, комплектования, обучения и размещения войск, были изложены в докладных записках: «Пиеса о расположении войск по инспекциям» генерал-майора Русанова; «Рассуждение о необходимости усиления армии» генерал-квартирмейстера Сухтеленa; записка неизвестного «Некоторые мысли мои, примечания касательно военной службы и обряду»².

Вопросу о боевых порядках много внимания уделялось и в военной периодической литературе. В 1810 году в «Военном журнале» была опубликована статья «Краткое обозрение бывших в последние времена в употреблении боевых порядков»³. В ней рассматривались различные боевые порядки войск: два из них относятся к линейным построениям с некоторыми различиями между ними, третий же — глубокий, с колоннами и рассыпным строем стрелков. Конница расположена в боевых порядках позади пехоты. Здесь же имеются сильные резервы пехоты и конной артиллерии, «которая по свойству своему может всюду подоспеть скорее всякой другой артиллерии. Артиллерия же вообще становится батареями там, где удобнее ей действовать»⁴.

Автор статьи оказывает предпочтение действию пехоты, построенной в колонны. «Фрунт не столь удобен в движении, — пишет он, — как колонны, которые тем способнее к оным, чем мельче. Но колонны, чем мельче, тем слабее, то надобно, чтобы они были не слишком велики

¹ Примечания о французской армии последних времен. 1792—1807. Спб., 1808; Меморский М. Театр нынешней войны или Бенингсен и Бонапарте в армиях. М., 1807.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, приложение, с. 74—76.

³ «Военный журнал», 1810, кн. 3, с. 1—6.

⁴ Там же, с. 5—6.

и не слишком малы. Вообще признано опытным людьми, что полезно пехоте в сем случае строиться батальонными колоннами»¹.

Использованию конной артиллерии в бою много внимания уделяли «Артиллерийский журнал» и другие периодические издания². В частности, достоинства конной артиллерии рассматривались в альманахе «Исторические и тактические отрывки»³. В нем отмечалось, что конная артиллерия «самая лучшая резервная артиллерия. Если, например, в течение баталии... сделается где-либо промежуток и неприятель захотел бы сим воспользоваться, чтобы с кавалерней или пехотой ворваться в оной или уже ворвался, тогда отправить можно достаточное число конной артиллерии, которая с свойственной ей поспешностью, смотря по обстоятельствам, идет заступить выбывшие места или берет хорошую позицию вблизи пришедшего неприятеля, чтобы его всеми силами удалить от сего пункта. Чтобы преследовать бегущего неприятеля, нет войска выгоднее конной артиллерии»⁴. Высокая маневренность конной артиллерии делала ее важной частью резерва, от успешного применения которого во многом зависел исход сражения.

Другой вопрос, который в немалой степени занимал умы передовых деятелей русской армии, касался устройства войск и системы управления ими. В 1805 году царь получил «докладную записку», автор которой остался неизвестен⁵. В ней сообщалось «о потере ввнутреннего порядка в армии», о необходимости разделить армию на дивизии, а не на инспекции и о «препоручении полков полковникам»⁶. Автор писал, что «войска не на инспекции, но на дивизии, части и бригады разделить... а польза та, что больше бдений будет, и сии ж генералы беспрестанно будут находиться при войсках и о состоянии оных во всех частях совершенно знать...»⁷. По его мнению, следовало иметь при каждой дивизии свою ар-

¹ «Военный журнал», 1810, кн. 3, с. 6.

² «Артиллерийский журнал», 1809, № 2, статья «О конной артиллерии» и др.

³ Исторические и тактические отрывки, 1809, № 3.

⁴ Там же, с. 63.

⁵ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, приложение 14, с. 70—74.

⁶ Там же, с. 74.

⁷ Там же, с. 72.

тиллерию, а также «разных к войскам принадлежащих чинов, как-то: по квартирмейстерской, по инженерной, по провиантской, комиссариатской и медицинской части...»¹. Что касается системы управления в войсках, то автор записки предлагал начать с того, «дабы полковникам препоручить полки, как прежде бывало, а ротмистры б были на своих местах, а не полковники на их...»².

Таким образом, вопросы устройства войск, управления ими, тактики и боевых порядков в армии выдвигались наиболее передовыми военными кругами России как назревшие, требующие безотлагательного решения. И все это, вместе взятое: крупные неудачи русской армии в 1805—1807 годах, потребность усиления вооруженных сил для активного участия в «европейских делах», — ставило правительство перед необходимостью значительных военных преобразований.

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, приложение 14, с. 72.

² Там же, с. 74.

Глава II

ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ АРМИИ

Рассматривая период военных преобразований, которые осуществляло правительство России в 1806—1811 годах, следует отметить, что проводимые в эти годы реформы в основном носили характер частных мер, принимаемых для усиления боеспособности русской армии в связи с непосредственной угрозой войны. Хронологически можно разделить их на два периода: 1806—1807 годы — это время, когда был проведен ряд военных мероприятий по подготовке к войне с Францией, а также в ходе начавшихся военных действий; 1810 — начало 1812 года — период, когда новая война с Наполеоном стала неизбежной. Во всех этих мероприятиях правительства трудно увидеть какую-то систему, однако определенные закономерности, связанные с дальнейшим развитием военного искусства того времени, здесь сказывались.

Тактика колонн и рассыпного строя, которая все более и более утверждалась в боевой практике, требовала коренных изменений в соотношении различных родов войск. Это прежде всего касалось пехоты, основной, самой многочисленной части русской армии.

Постепенный отход от линейных боевых порядков и возрастающая роль стрелков и егерей, действующих в рассыпном строю, вызвали необходимость значительно увеличить численность легкой пехоты. До 1806 года в армии было 23 егерских полка. В общем числе армейской пехоты егеря составляли лишь четвертую часть. Однако уже в 1806 году было сформировано еще 9 егерских полков. Затем через несколько лет, в связи с при-

ближением новой войны с Францией, на этот важный вид пехоты было вновь обращено внимание. 19 октября 1810 года 14 мушкетерских полков были преобразованы в егерские. А в 1811 году, в результате формирования из гарнизонных батальонов 13 полков армейской пехоты, три из них сформированы как егерские. И наконец, в конце этого же года было создано еще 2 егерских полка.

Таким образом, накануне Отечественной войны 1812 года в русской армии состояло 50 егерских полков¹. Как видим, количество их увеличилось за несколько лет более чем в 2 раза. И теперь уже егеря составляли около трети всей пехоты.

Значительно увеличилось к 1812 году и число пехотных полков.

Так, в 1806 году было сформировано 11 мушкетерских полков. В 1808 году из трех гарнизонных батальонов, находившихся в крепости Данциг, образован еще один пехотный полк. Затем, уже в 1811 году, вновь обращается внимание на усиление армии за счет увеличения численности пехоты. Из гарнизонных батальонов, которые, как отмечалось выше, помимо их основного назначения выполняли также роль своеобразного резерва полевой армии, было создано 10 пехотных полков. И в конце 1811 года формируются еще 4 пехотных полка.

Кроме того, были приняты меры по усилению гвардейской пехоты. В 1806 году лейб-гвардии егерский батальон преобразован в полк, состоявший из двух батальонов, а в 1811 году сформированы еще 2 гвардейских полка: Финляндский и Литовский.

Итак, к началу военных действий в 1812 году пехота русской армии состояла из 6 гвардейских полков и 1 батальона, 14 гренадерских, 96 пехотных, 50 егерских и 4 морских полков². Общая ее численность достигла более 400 тыс. человек³.

¹ В марте 1811 года 49-й егерский полк был преобразован в Софийский пехотный полк.

² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА, т. 10, раздел «Квартирное расписание пехотных дивизий и артиллерийских бригад, при них находящихся». Спб., 1908, с. 158—213; Габеев Г. Роспись русским полкам 1812 года. Приложение 1. Киев, 1912, с. 3—5.

³ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства, вып. 7, с. 14.

Наряду с увеличением числа пехотных полков были осуществлены некоторые изменения и в их устройстве.

В 1811 году все мушкетерские полки получили название пехотных. В них вводились гренадерские роты, состоявшие из отборных солдат русской армии.

В каждой роте было два взвода. В гренадерской роте первый взвод состоял из гренадер, а второй — из стрелков. Остальные роты имели однородный состав.

Батальон, имевший 8 взводов, строился в боевой порядок следующим образом: на правом фланге батальона — гренадерский взвод, затем по порядку три другие роты, на левом фланге — взвод стрелков. Каждый взвод в батальоне имел порядковый номер — с 1-го по 8-й. Находясь в боевом порядке, батальон делился на четыре дивизиона. Первый дивизион составляли первый (гренадерский) и второй взводы, второй дивизион — третий и четвертый взводы, третий дивизион — пятый и шестой взводы, четвертый дивизион — седьмой и восьмой (из стрелков) взводы. Кроме того, первый и второй дивизионы называли первым полубатальоном, а третий и четвертый дивизионы — вторым полубатальоном.

Такое построение боевого порядка было одинаковым для всех полков армейской пехоты: гренадерских, пехотных и егерских.

В результате этих изменений относительное число гренадер в армии заметно уменьшилось. Если до этого гренадеры составляли около трети всей армейской пехоты, то теперь лишь четвертую часть. Однако по «новому устройству» каждый батальон, в том числе и егерский, имел гренадерскую роту, и это значительно усиливало его. При таком положении появилась возможность лучше сочетать в бою действия стрелков с применением холодного оружия в сомкнутом строю, в котором важное место отводилось гренадерам.

Некоторые изменения произошли и в составе регулярной кавалерии. В июне 1806 года были сформированы два драгунских и гусарский полки. Затем в этом же году образовано еще 6 драгунских полков. В 1807 году формируются 2 полка легкой кавалерии — гусарский и уланский. В ноябре 3 национальных конных полка — польский, татарский и литовский, а в 1808 году и чугуевский казачий были преобразованы в уланские полки. Усиливается двумя полками — лейб-гвардии уланским и

лейб-гвардии драгунским — гвардейская кавалерия. И наконец, в 1811 году были сформированы 2 новых кирасирских полка.

Таким образом, к началу войны 1812 года русская регулярная кавалерия состояла из 6 гвардейских полков, 8 кирасирских, 36 драгунских, 11 гусарских и 5 уланских. Общая ее численность — около 70 тыс. человек¹.

Следует отметить, что относительная численность кавалерии в русской армии, по существу, мало изменилась. Она составляла лишь шестую часть общего числа пехоты. В какой-то мере недостающее число регулярной кавалерии восполняли казахи формирования, в которых насчитывалось в то время более 100 тыс. человек².

В составе иррегулярных войск находилось 64 казачьих полка Донского войска, 4 полка Уральского войска, 3 полка Бугского войска, 4 полка Украинского войска. Кроме того, среди иррегулярных войск было 3 полка калмыков, 2 полка башкир и 4 полка крымских татар³.

Некоторые изменения организационного порядка имели место и в артиллерии. Все артиллерийские полки, в том числе понтонный полк и конные артиллерийские батальоны, в 1806 году были расформированы. Вместо них были созданы артиллерийские бригады, состав которых не всегда был одинаковым. Однако большинство этих бригад имели 2 батареинные, 2 легкие и конную артиллерийские роты. В некоторые артиллерийские бригады входили и понтонные роты. В начале было образовано 18 артиллерийских бригад под № 1—15, а также Грузинская, Кавказская и Сибирская, находившиеся в составе инспекций. Затем создаются еще 5 артиллерийских бригад: 3 полевые в составе дивизий и 2 — С.-Петербургская и Киевская — резервные.

К началу 1812 года из существовавших артиллерийских рот были сформированы 26 полевых, 10 резервных и 4 запасные артиллерийские бригады. Однако число рот в полевой бригаде несколько уменьшилось. Теперь в каждой из них состояло по 2 легких роты и батареинная.

Назначение резервных артиллерийских бригад было

¹ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства, вып. 7, с. 19.

² Там же, с. 36.

³ Габаев Г. Роспись русским полкам 1812 года. Киев, 1912, с. 33.

несколько иное, чем полевых. Они придавались действующей армии или корпусу и могли быть использованы в бою в качестве артиллерийского резерва. Наличие такого резерва давало возможность главнокомандующему концентрировать артиллерию на решающем участке сражения, наносить массированный огневой удар. Состав резервных бригад не был одинаковым. Так, 1-я резервная артиллерийская бригада имела 3 конные, 2 батарейные и 2 понтонные роты, а 4-я бригада — 3 конные, 7 батарейных и понтонную роту.

Запасные артиллерийские бригады располагались внутри страны, в качестве 2-й линии, или же в составе крепостных гарнизонов. Первое время они имели по 4 понтонные роты, батарейную и конную.

Незадолго до начала Отечественной войны число артиллерийских рот несколько увеличилось. В октябре 1811 года была создана новая артиллерийская бригада из батарейной и 2 легких рот, названная 27-й. Затем в марте 1812 года из артиллерийских рекрутских депо формируются 3 батарейные, 14 легковых и 8 конных рот. Все они были распределены по запасным бригадам.

Таким образом, к 1812 году в составе русской артиллерии было 27 полевых, 10 резервных и 4 запасных бригады. В них имелось 49 батарейных, 54 легких, 22 конных и 24 понтонных роты. Кроме того, в гвардейской артиллерийской бригаде имелось 2 батарейных, 2 легких, 2 конных роты и 2 орудия артиллерийской команды морского экипажа; 2 конных роты находилось у казаков Донского войска.

Ряд мероприятий организационного порядка был осуществлен и в инженерных войсках. В марте 1806 года оба пионерных полка стали состоять каждый из трех батальонов, в которых было по роте минеров и 3 роты пионеров.

В связи с этим общее число рот в каждом из этих полков возросло на одну треть: с восьми до двенадцати. Затем в 1810 году был изменен состав пионерного батальона. Вместо одной пионерной роты ввели роту саперов. Однако такой состав батальона просуществовал недолго. В том же 1810 году вернулись к прежнему его составу, но минерная рота теперь стала иметь еще и взвод саперов.

Пионерные полки и батальоны фактически не своди-

лись вместе, их пионерные и минерные роты распределялись по армиям, корпусам и крепостям.

Важным мероприятием, проведенным в русской армии в 1806 году, было расписание войск на дивизии. Разделение их на инспекцию вызывало много неудобств в деле управления войсковыми частями. Поэтому вначале было образовано из десяти инспекций (Финляндской, С.-Петербургской, Лифляндской, Литовской, Брестской, Украинской, Днестровской, Смоленской, Московской и Харьковской) 13 дивизий. Вскоре из вновь формируемых полков создается еще одна дивизия. Затем из этих войск было образовано 18 дивизий.

В дивизию входили пехота, кавалерия, артиллерия, а порой и инженерные войска.

Так, 2-я дивизия состояла из полков кавалерийских: лейб-кирасирского, Каргопольского драгунского, Изюмского гусарского; пехотных: Павловского и С.-Петербургского гренадерских, Ростовского и Елецкого мушкетерских, 1-го и 24-го егерских; артиллерийских рот: 2 батарейные, 2 легкие и конная. Кроме того, в дивизию входили 2 казачьих полка и рота пионеров.

Состав дивизий не был одинаковым. Например, в 5-й дивизии не имелось кирасир и гренадер, в 14-й дивизии — казачьих полков.

В том же году делается новый шаг по улучшению организации и управления войсками. Все полки дивизии были разделены на бригады: кавалерийскую, 2 пехотные и егерскую. Правда, не все бригады были по составу однородны: в некоторые из них входили и пехотные и егерские полки. Как правило, кавалерийская бригада состояла из 3 полков, пехотная — из 2¹. Артиллерийские роты, входившие в дивизию, составили артиллерийскую бригаду, которая имела тот же номер, что и дивизия.

Все дивизии были сведены в корпуса, а последние входили в состав армий. Однако численность этих крупных войсковых соединений определялась главным образом теми или иными политическими или военными обстоятельствами.

В июне 1806 года вводился определенный порядок внутреннего устройства новых тактических соединений.

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА, т. 10, с. 140—151.

Устанавливалась система подчиненности командиров войсковых частей. Теперь шеф полка непосредственно подчинялся не инспектору, как было в прошлом, а бригадному командиру; бригадные — дивизионным; корпусные — «главному начальнику», т. е. главнокомандующему армией. Предоставлялось больше самостоятельности начальствующему составу и вместе с тем повышалась его ответственность за вверенные войска.

Для каждого гренадерского, мушкетерского (пехотного) полка выделялась артиллерия, получившая название полковой, размер которой определялся «по половине полевой артиллерийской роты с 6 легкими орудиями, со всеми к ним принадлежностями»¹. Здесь же указывалось, что «сим полуротам по отправлению службы состоять в точной команде полковых шефов»².

Вместе с тем артиллерийские роты с батарейными орудиями, роты конной артиллерии, а также понтонные и пионерные роты «хотя и находятся в команде дивизионных, корпусных и главных начальников войск, но по внутренности своей зависят от командиров артиллерийских и инженерных...»³.

При каждой дивизии были образованы «комиссариатские и провиантские комиссии», занимающиеся вопросами вещевого, продовольственного и фуражного обеспечения войск.

При такой организации высших тактических соединений русская армия вступила в войну 1806—1807 годов. Естественно, создание дивизий положительно сказалось на использовании в боевой практике новых элементов тактики, на управлении войсками и, главным образом, на более тесном взаимодействии войск. Теперь под непосредственным командованием дивизионного начальника находились все рода войск. Однако и эта организация имела свои недостатки. Прежде всего, кавалерия была раздроблена на общевойсковые дивизии, и такое положение создавало известные трудности для массированного ее использования. Как показал опыт сражения под Прейсиш-Эйлау, необходимо также было иметь резервные артиллерийские бригады для сосредоточения артил-

¹ ПСЗ, т. 29, № 22161.

² Там же.

³ Там же.

лерийского огня на решающем направлении. И наконец, управление многочисленными частями различных родов войск, находившихся в составе дивизии, вызывало также определенные трудности.

Все это заставило пересмотреть структуру высших тактических соединений.

В 1810 году вся кавалерия была выделена из состава общевойсковых дивизий и из ее полков были сформированы кавалерийские дивизии. Все 8 армейских кирасирских полков, а также кавалергардский и конный составили 2 кирасирские дивизии, по 5 полков в каждой. Армейские кавалерийские полки составили 7 кавалерийских дивизий, по 6 полков в каждой. Только в 4-й кавалерийской дивизии было не 6, а 7 полков. Кавалерийское соединение состояло, как правило, из 4 драгунских и 2 полков легкой кавалерии: гусарского и уланского или же только гусарских. Кроме того, из гвардейских кавалерийских полков была сформирована гвардейская дивизия, состоявшая из лейб-гвардии драгунского, уланского, гусарского, казачьего полков и черноморской сотни¹.

Кавалерийские дивизии делились на бригады, по 2 полка в каждой. Только в кирасирских дивизиях бригада состояла из 2—3 полков, да в 4-й дивизии 3 легких кавалерийских полка составили бригаду. А во всех остальных дивизиях было по 3 кавалерийских бригады: 2 из них соединяли по 2 полка драгун, а третья — полки гусарский и уланский².

Часть кавалерийских полков составили 4 отдельные бригады, тоже по 2 полка в каждой. Лишь в одной бригаде, расположенной на Кавказе, было 3 полка. Большинство полков находилось или вблизи границы (Кавказ), или же в составе гарнизонов крепостей (Вильманстранд, Кексгольм и др.).

Пехотные дивизии также стали более однообразного состава. К 1812 году было сформировано 27 дивизий, 2 из которых были гренадерские. В каждой гренадерской дивизии насчитывалось по 6 гренадерских полков, в пехотной же — по 4 пехотных и 2 егерских. Как правило,

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА, т. 10, с. 140—151.

² Там же.

дивизия состояла из 3 бригад: 2 пехотных и егерской. Однако были из правила и исключения. Так, 19-я пехотная дивизия состояла из 5 пехотных и 2 егерских полков, 23-я пехотная дивизия — из 3 пехотных и егерского полка и т. д. Но все же большинство дивизий имели одинаковое устройство¹.

Артиллерийские бригады, входившие в состав дивизии, также имели однообразный состав. В каждой такой бригаде находилось по 2 легких артиллерийских роты и батарея².

Кроме того, в составе пехотных и гренадерских дивизий было по 2 сводногренадерских батальона. Эти батальоны формировались за счет гренадерских рот вторых батальонов каждого полка, которые в свое время были выделены как запасные. Сводногренадерские батальоны состояли из 3 рот каждый.

В 1810 году вместо импровизированных крупных войсковых соединений были созданы корпуса, имевшие более определенный состав. Так, 1-й корпус состоял из 5-й и 14-й пехотных дивизий; 2-й — из 6, 17 и 21-й дивизий; 3-й — из 2, 3 и 4-й дивизий и т. д. Всего вначале имелось 6 корпусов, в каждом из которых по 2—3 дивизии³. Кроме того, к корпусам был причислен ряд кавалерийских дивизий и полки тяжелой кавалерии. Полки же легкой кавалерии: гусарские и уланские — причислялись к пехотным дивизиям, однако должны были «состоять под особым начальством дивизионных и бригадных кавалерийских начальников, которые обо всем до службы касающемся относятся к корпусным командирам и состоят под их начальством»⁴.

Формирование пехотных корпусов явилось новым шагом по пути организации крупных войсковых соединений. Теперь каждый корпус состоял из определенного числа пехотных дивизий (как правило, из двух) и имел еще полк легкой кавалерии и конно-артиллерийскую роту.

В связи с подготовкой к войне все войска, расположенные в районе западной границы, были сведены в армии. Этим армиям придавались кавалерийские дивизии,

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА, т. 10, с. 158—210.

² Там же.

³ ПСЗ, т. 31, № 24386.

⁴ Там же, № 24389.

получившие название резервных кавалерийских корпусов.

Таким образом, в русской армии появилась более совершенная система организации войск. Создание пехотных дивизий, наличие в них довольно значительной артиллерии, а также некоторого числа приданной легкой кавалерии, затем объединение дивизий в пехотные корпуса делало их сильными и вполне управляемыми высшими тактическими соединениями.

В ходе Отечественной войны 1812 года система организации войск не претерпела каких-либо заметных изменений. Боевые действия русской армии в 1812 г. показали, что ее организационная структура вполне соответствовала требованиям того времени, в значительной мере отвечала уровню развития военного искусства. Во многих сражениях, особенно при Бородино, такая организация войск давала возможность успешно применять тактику колонн и рассыпного строя, умело сочетать в действиях пехоты прицельный огонь стрелков со стремительными штыковыми атаками. Боевая практика настоятельно заставляла отходить от линейной тактики, шире маневрировать в бою крупными силами пехоты, кавалерии и артиллерии. Поэтому принятые меры по совершенствованию организации армии положительно сказались на ее успешных действиях.

Вместе с тем полученный в ходе войны богатый боевой опыт требовал дальнейшего улучшения организационной структуры армии. Наряду с увеличением числа пехотных полков были осуществлены некоторые изменения в составе кавалерии. Война с Наполеоном показала, что наибольшие преимущества в сражениях имели легкие кавалерийские полки, которым присуща более высокая маневренность и быстрота действий. В связи с этим почти половина драгунских полков, считавшихся тяжелой кавалерией, была преобразована в легкие — гусарские и уланские, а также конноегерские. Конные егеря — это вид кавалерии, вновь учрежденный в декабре 1812 года. Их основное назначение, как и егерей в пехоте, — действия в рассыпном строю в качестве стрелков, а также обеспечение боевого охранения и службы дозора. Таких полков было создано восемь¹. Они составили 1-ю и 2-ю конноегерские дивизии. По существу, это были лег-

¹ ПСЗ, т. 32, № 25292.

кие драгуны, которые действовали как в конном, так и в пешем строю, могли быстро перемещаться на поле боя.

К началу Отечественной войны русские войска были соединены в четыре армии.

1-я Западная армия под командованием генерала от инфантерии М. Б. Барклая-де-Толли располагалась в районе Вильно. В ее составе находилось 5 пехотных, 3 кавалерийских корпуса и казачий отряд.

2-я Западная армия под командованием генерала от инфантерии П. И. Багратиона имела 2 пехотных, кавалерийский корпус и казачий отряд. Они сосредоточились к югу от Волковыска.

3-я армия (ее называли резервной или обсервационной) под командованием генерала от кавалерии А. П. Тормасова находилась в районе Луцка. Она состояла из 3 пехотных, кавалерийского корпуса и отряда казаков.

Дунайская армия во главе с адмиралом П. В. Чичаговым в составе 4 пехотных корпусов и нескольких отрядов располагалась в Молдавии.

Ряд отдельных войсковых соединений находился на Кавказе, в Крыму и Финляндии. Таким образом, основные силы русской армии были размещены вдоль западной границы. Не имея достаточных данных о направлении наступления главных сил французской армии, русское правительство было вынуждено рассредоточить войска на значительном расстоянии друг от друга. Подобное расположение русской армии в канун войны было связано с характером позиций наполеоновских войск, стоявших на границе от Кенигсберга до Люблина. В соответствии с такой дислокацией был принят русским командованием и операционный план.

Однако в ходе начавшейся войны, когда определилось главное направление наступления противника, возникла необходимость соединения русских армий под единым командованием. 1-й и 2-й Западным армиям, как известно, удалось соединиться лишь под Смоленском. Позже, находясь в Тарутинском лагере, М. И. Кутузов соединил эти армии и в организационном плане. Были также объединены 3-я Резервная и Дунайская армии. Обстановка показала, что целесообразно иметь отдельные армии лишь в том случае, когда они действуют на самостоятельных направлениях.

Глава III

СИСТЕМА КОМПЛЕКТОВАНИЯ

К началу Отечественной войны 1812 года система рекрутских наборов существовала уже более столетия. Возникшая еще во времена Петра I, она опиралась на принудительный порядок комплектования войск. С установлением в 1705 году обязательной рекрутской повинности этот порядок пополнения армии давал возможность значительно увеличить численность регулярных войск. Рекрутской повинности подлежали все лица, состоявшие в «подушном окладе»¹. Первые шесть ежегодных рекрутских наборов производились на основе переписных книг 1678 года по одному рекруту с 20 дворов. Однако во многих селениях было немало «пустых дворов», в которых никто не жил. Поэтому нередко крестьяне поместий, где таких дворов было много, несли более тяжелую рекрутскую повинность, чем другие. В 1709 году были приказано не брать рекрутов с «пустых дворов». И с тех пор норма набора рекрутов по числу дворов в каждом наборе стала различной. В дальнейшем их набирали с определенного числа людей, значащихся по переписным книгам в «подушном окладе».

Первое время, в связи с тем что служба в армии считалась бессрочной, рекрутов набирали из наиболее молодых людей, в возрасте 15—20 лет, в расчете на более длительное время обеспечить комплект в войсковых час-

¹ Подушный оклад (или подушная подать) введен в России при Петре I в связи с увеличением численности регулярной армии и необходимостью найти источник для ее содержания. Была проведена «поголовная перепись» населения и определена подать на каждую душу.

тях. Однако в 1708 году возраст новобранцев был увеличен до 20—30 лет. А в 1766 году и до конца столетия этот возраст был установлен в 17—35 лет.

По указу Петра I в солдаты брали со всех дворов, «и бояр, и окольных, и думных, и ближних людей, и всяких чинов помещиков, и вотчинников, и вдов, и недорослей с крестьянских и бобыльских и с задворных и деловых...»¹.

Но этот порядок общей рекрутской повинности часто нарушался. В 20-е годы XVIII столетия получают широкое распространение зачеты за «недоимочных» рекрутов деньгами. Например, в 1724 году было разрешено брать с купечества вместо рекрутов по 100 рублей за человека. Кроме уплаты деньгами допускалась также поставка в рекруты наемных людей. Так, духовенству в 1737 году разрешалось вместо своих детей ставить в рекруты «купленных людей» или же платить за них деньгами.

По указу Петра I дворяне, как и прежде, должны были наряду с другими сословиями нести обязательную военную службу. Однако впоследствии и здесь было сделано немало исключений. Дворяне получили возможность выставлять вместо себя рекрутов в зависимости от количества имеющих у них крепостных крестьян². А в 1762-году манифестом о вольности дворянской этот привилегированный класс вообще освобождался от «необходимости в рассуждении к службе, какая до сего времени потребна была»³. Основная тяжесть рекрутской повинности ложилась на плечи крепостного крестьянства, которое не пользовалось никакими правами и привилегиями и должно было почти ежегодно поставлять для пополнения армии десятки тысяч рекрутов.

В 1766 году объявляется «Генеральное учреждение о сборе в государство рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно»⁴. Этот порядок рекрутских наборов просуществовал без значительных изменений до начала XIX века. В указанном документе была обобщена уже установившаяся практика рекрутских наборов,

¹ ПСЗ, т. 4, № 2036.

² ПСЗ, т. 10, № 7282.

В XVIII веке правом выставлять вместо себя «даточных людей» пользовались дворяне, не способные к военной службе.

³ ПСЗ, т. 16, № 12037.

⁴ ПСЗ, т. 17, № 12748.

регламентирован порядок их проведения, указывалось, какие слои населения подлежат рекрутской повинности. Владельцы поместий были обязаны выставить рекрутов с определенного числа душ. К крупным владениям приписывались мелкопоместные. Поэтому помещик, отвечавший за поставку рекрутов, получал право «отдатчика» не только в своем поместье, но и в приписанных к нему мелких владениях. Те помещики, которым положено было выставить неполное число рекрутов, платили так называемые «складочные деньги» из расчета 120 рублей за 1 рекрута. Эти деньги выплачивались тому владельцу поместья, который по жребью вынужден был поставить рекрута за других помещиков.

Сбор и прием рекрутов производился губернскими и провинциальными канцеляриями в присутствии командированных от войсковых частей офицеров.

«Генеральное учреждение» определяло необходимые данные — возраст, состояние здоровья и т. д., по которым надлежало принимать в рекруты. Так, в рекруты должны были принимать «из положенных в подушный оклад дворовых людей и крестьян и детей их здоровых, крепких и к военной службе годных, от 17 до 35 лет, ростом (ежели кто больше не поставит) в 2 аршина, 4 вершка без обуви, а ниже оной меры и старше 35 лет, напротив того и моложе 17 лет, отнюдь не принимать»¹.

«Отдатчики» рекрутов должны были выдать им «на жалование денег по 3 рубля, провиант: муки по 6 четвериков, круп по 3 гарнца, соли по 6 фунтов в натуре или, ежели отдатчики сами пожелают, деньгами по торговым ценам, а больше не требовать и нового платья покупать ни под каким видом не заставлять»².

Крестьяне, отданные в рекруты, переставали быть крепостными. После 25-летнего срока военной службы, если кто из них оставался в живых, становились свободными от феодальной зависимости.

«Генеральное учреждение» 1766 года предусматривало меры против побегов рекрутов, определяло порядок препровождения рекрутских команд к месту их назначения, предупреждало должностных лиц о наказаниях «за всякие взятки и посулы» и т. д.

¹ ПСЗ, т. 17, № 12748, гл. I, § 8.

² Там же, § 11.

С 1705 по 1811 год был произведен 81 набор рекрутов. По числу привлекаемых на пополнение армии людей эти наборы отличались крайней неравномерностью. Значительной тяжестью ложились на население рекрутские наборы 1705—1709 годов, когда для восполнения потерь русской армии в войне со Швецией требовалось ежегодно набирать более 40 тыс. человек. В 20-е годы число рекрутов, подлежащих ежегодному набору, несколько сократилось и до 1733 года колебалось от 10 до 20 тыс. человек. Русско-турецкая война 1735—1739 гг. заставила правительство увеличить рекрутские наборы до 50 тыс. человек. С каждых 100—120 человек, несших рекрутскую повинность, собиралось по одному рекруту¹. В последующие годы численность ежегодного рекрутского набора почти не сокращалась. А в конце столетия количество рекрутов, собранных на укомплектование армии, достигало в отдельные годы до 90—100 тыс. человек².

Необходимое число рекрутов по ежегодному набору определялось в зависимости от степени некомплекта войск. Объявлялся набор «именным указом, данным сенату» или манифестом императора, чаще в августе или сентябре очередного года. В соответствии с манифестом или указом сенат рассылал постановления в губернские правления, казенные палаты, к гражданским губернаторам, в военную и адмиралтейств-коллегии с указанием — кому и как производить набор. Военная коллегия после этого составляла расписание войск, в котором отмечался их некомплект и число поступавших на пополнение рекрутов от губерний. В расписании указывалось, откуда и какого состава нарядить воинские команды для сопровождения рекрутов в назначенные места³.

В начале ноября производился набор рекрутов.

Существовавшая на протяжении почти всего столетия система комплектования армии за счет обложения, главным образом крепостного населения страны, рекрутской повинностью в основном обеспечивала необходимый контингент людей для пополнения убыли в войсках. Однако в конце XVIII — начале XIX века, в связи с даль-

¹ ПСЗ, т. 9, № 6490; т. 10, № 7872.

² ПСЗ, т. 23, № 16796, 17247.

³ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, с. 3.

нейшим развитием военного искусства, использованием в военных действиях более многочисленных армий, потребность в людских ресурсах резко возросла.

Вместе с тем комплектование армии за счет рекрутских наборов, постоянное усиление рекрутской повинности далеко не всегда отвечало интересам господствующего класса. Дворянство проявляло серьезное недовольство тем, что приходилось отдавать в армию своих лучших крепостных людей, которые уже никогда не возвращались в «прежнее состояние». Правительство пыталось как-то воздействовать на тех помещиков, которые уклонялись от поставки рекрутов, «в отвращение могущих иногда произойти подлогов... дабы таким помещикам, кои алчут только о своих прибытках, а о пользе общей не радеют...»¹. Нередко сенат, в обязанность которого входило наблюдение за осуществлением рекрутской повинности, был вынужден давать вновь и вновь предписания «для ускорения сбора недобранных рекрутов»². Иногда правительство шло на уступки дворянству, разрешая заплатить деньгами за «недоимочных рекрутов»³. В 1797 году прибалтийским помещикам предоставлялось право выставять в качестве рекрута «вольного вербованного человека». Чтобы легче было найти таких людей, устанавливался порядок: «вольнонанимающийся в службу человек оставался в оной только 8 лет, после которого срока он будет уволен»⁴. Нередко, при более значительных наборах, правительство допускало некоторые отклонения от узаконенных «норм»: в рекруты принимались люди меньшего роста, худшего здоровья, старше по возрасту.

Таким образом, в условиях феодально-крепостнических общественных отношений, существовавших в то время в России, вопросы комплектования армии, связанные не только с необходимостью постоянного восполнения убыли в войсках, но и значительного увеличения их численности, становились довольно серьезной проблемой.

В осуществлении рекрутской повинности наметились две тенденции. Это особенно заметно стало в конце XVIII и начале XIX века. С одной стороны, активизация

¹ ПСЗ, т. 17, № 12748, гл. I, § 1.

² ПСЗ, т. 12, № 9281.

³ ПСЗ, т. 23, № 9281.

⁴ ПСЗ, т. 24, № 18041.

внешней политики России и почти непрерывные войны тех времен требовали в значительных размерах восстановления людских потерь в армии. Кроме того, характер войн с наполеоновской Францией, участие в боевых действиях против массовой буржуазной армии заставляли правительство увеличивать число войск, комплектовать новые полки и дивизии. Попытки русского правительства вести коалиционную борьбу с Наполеоном, объединяя свои вооруженные силы с рядом европейских государств, главным образом с Австрией и Пруссией, не давали желаемых результатов. После поражений союзников Россия оставалась, как правило, одна в этой борьбе и могла лишь рассчитывать на собственные силы. Так было, как известно, в Итальянском походе 1799 года, в войнах 1805, 1806—1807 годов.

В результате резко увеличивалась «норма» набора рекрутов, поступавших в армию в те годы. Например, в 1797 году рекрутский набор был объявлен по 3 человека с 500 «душ», несущих рекрутскую повинность, в 1805 году — по 4, а в 1808 году — по 5. Исходя из этой «нормы» армия получала по рекрутским наборам ежегодно по 100—120 тыс. человек. Однако пополнение шло главным образом для устранения некомплекта в войсках и значительно меньше на формирование новых войсковых единиц.

С другой стороны, обострение противоречий в феодально-крепостническом обществе заставляло правительство принимать меры для того, чтобы как-то учитывать интересы господствующего класса, давать дворянству и другим имущим слоям общества те или иные привилегии, связанные с осуществлением рекрутской повинности. Эти привилегии выражались в разрешении делать замену рекрута денежной выплатой, поставлять вместо него купленного или вербованного человека. В 1811 году, когда особенно ощущалась потребность в людских ресурсах в связи с усиленной подготовкой к войне, царь решил «всем состояниям, рекрутскую повинность несущим, вносить вместо поставки рекрута натурой по 2000 рублей»¹.

Следовательно, система рекрутских наборов была уже не в состоянии в полной мере обеспечить необхо-

¹ ПСЗ, т. 31, № 24853.

димое для армий число солдат. Правящие круги не могли не видеть, что, привлекая на военную службу все большее и большее число крепостных, которые, становясь солдатами, освобождались от феодальной зависимости и больше уже не возвращались после службы к своим помещикам, они в определенной мере подрывали устои, на которые опирался общественный строй. В 1802 году в Воинскую комиссию поступила записка генерал-майора Русанова «о собраниях в Российской империи в прошедшем осмнадцатом столетии рекрутах». В ней автор отмечает, что только за 29 лет «превратилось из земледельцев в воины 1 067 458 человек. В записке с тревогой указывалось на все возрастающее отвлечение от крепостного труда значительного числа людей и возлагалась надежда, что «сие известие о рекрутах да послужит к изобретению способов... которые сделаются заменой рекрутским наборам и будут содержать армию всегда в наилучшем состоянии и не только в полном, но и в превосходном числе»¹.

В те годы правительство получало немало подобных записок и проектов. Так, в 1808 году тайный советник Обресков предлагал «принимать рекрут на семь лет службы только, по прошествии какового времени обращать, по-прежнему, казенных в их жилища, а владельческих — в зависимость их помещиков»². В другой записке неизвестного автора основной являлась та же мысль: «по окончании сей войны все возвратятся паки в первобытное состояние»³. Заслуживают внимания и некоторые идеи, которые были изложены также неизвестным автором в записке «О наборе вольных полков». Автора особенно беспокоила угроза нашествия Наполеона не потому, что может быть потеряна национальная независимость страны. По его мнению, это нашествие могло «угрожать общему спокойствию», подобно тому, как было во времена восстания Пугачева. Поэтому он предлагал найти «такое средство, чтоб, увеличивая военные силы, поставить вместе преграду народному возмущению»⁴. И

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 1, приложение 1, с. 4.

² «Русская старина», 1874, февраль, с. 247.

³ Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, т. 7, отд. 1. Спб., 1907, с. 276.

⁴ Там же, с. 178.

далее автор продолжал: «Коль скоро возгорится война с французами, то весьма полезно будет набрать вольные полки». В состав этих полков должны были быть набраны все желающие защищать отечество, независимо от их социального положения. «Тогда поселянин должен оставить соху, художник ремесло, купец торговлю, дворянство частные свои выгоды и преимущества, и все вооружаются против неприятельского нашествия». И таким образом, «можно будет доставить государству почти готовых солдат, большею частию умеющих хорошо стрелять и отважных; смешав их пополам с рекрутами, в короткое время составятся из них готовые полки в дело». Любопытны мысли автора о том, что среди желавших поступить на военную службу, по его мнению, было бы большинство тех крепостных крестьян, которые недовольны своими владельцами, «ибо от хорошаго помещика ни один человек не отойдет»¹.

В 1810 году «Военный журнал» опубликовал статью «Опыт об устройстве войск»². В ней автор, фамилия которого не названа, рассматривал некоторые вопросы, связанные с организационным устройством армии. В частности, он предлагал создать «особые пехотные полки» из «крестьян казенного ведомства и из мещан, обязывая каждого из людей сих званий прослужить в свою очередь семь лет». И далее автор добавлял: «Разумеется, что они, выслужив свой срок, должны быть возвращены в свои места до новой очереди»³. По его мнению, рекрутов надо обучать самому необходимому: уметь стрелять и маршировать и таким образом сократить срок рекрутского обучения. Автор статьи пришел к выводу, что «через некоторое время почти не будет казенного крестьянина, который не служил бы солдатом; следовательно, почти не будет меж ими человека, который при чрезвычайном вооружении не был бы готовым солдатом»⁴.

Все эти мысли и предложения о способах комплектования армии, изложенные в статьях, записках, так или иначе выражали интересы господствующего класса. Их существо заключалось в том, чтобы найти возможность

¹ Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, т. 7, отд. 1, с. 278—279.

² «Военный журнал», 1810, № 12, с. 23.

³ Там же, с. 31.

⁴ Там же.

максимально сохранить в крепостной зависимости привлекаемых на военную службу помещичьих крестьян, чтобы последние, отслужив определенный срок, возвращались «в первобытное состояние». Или же, как предлагал автор статьи в «Военном журнале», комплектовать армию за счет казенных крестьян и горожан (мещан), установив только для этих слоев населения обязательную воинскую повинность. Поиски новых способов комплектования войск свидетельствовали также и о том, что система рекрутских наборов в данных условиях не только не в полной мере обеспечивала нужды армии, но и далеко уже не отвечала узкоклассовым интересам дворянства.

Однако проводимые мероприятия по усилению армии требовали все новых и новых людских ресурсов, необходимых прежде всего для пополнения некомплекта в войсках, а также для вновь формируемых пехотных и кавалерийских полков. Главным же источником комплектования армии по-прежнему являлись рекрутские наборы, которые в своей основе не подверглись каким-либо заметным изменениям.

В 1806 году был объявлен 77-й набор рекрутов. По предварительным исчислениям, на укомплектование сухопутной армии требовалось 107 799 человек, из них 62 175 намечалось направить на пополнение войск, а 45 624 — для формирования новых мушкетерских и егерских полков¹. В указе царя отмечалось, что «среди опасности, коею вся Европа вновь угрожается, признали нужным... не только укомплектовать армию нашу, но и усилить оную полками вновь сформированными». В связи с этим, было решено собрать «с 500 душ по 4 рекрута»². Всего предполагалось собрать в соответствии с этой нормой набора более 120 тыс. человек. Однако этого числа рекрутов показалось недостаточно, и вскоре последовал новый указ, в дополнение к предыдущему, о наборе еще по одному рекруту. Такой значительный рекрутский набор, назначенный для усиления армии «в настоящих военных обстоятельствах» проходил с большим трудом. К 29 декабря 1806 года было собрано только 58 205 человек»³.

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, с. 13.

² ПСЗ, т. 24, № 22275.

³ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, с. 17.

Последующие рекрутские наборы ежегодно привлекали на военную службу от 80 до 120 тыс. человек. Норма набора рекрутов, по существу, осталась прежней: по 4—5 человек с 500 душ. Вместе с тем увеличилось число помещиков и людей других сословий, которые освобождались от поставки рекрутов при условии, если за каждого рекрута будет выплачено деньгами по 2000 руб. Так, в 1810 году было засчитано таких квитанций на 8340 человек, а в 1811 году — уже на 10 000 рекрутов. Естественно, что, предоставляя возможность платить за рекрутов деньгами, правительство ежегодно получало довольно значительные средства в казну. А в условиях серьезных финансовых трудностей, которые оно переживало в тот период, подобная практика выдачи зачетных квитанций, несмотря на острую потребность в пополнении армии людьми, получала все более широкое распространение.

В течение пяти лет — с 1806 по 1811 год — на пополнение армии поступило свыше полумиллиона человек. Однако значительная часть рекрутов назначалась в войсковые части главным образом на их доукомплектование. Во многих дивизиях некомплект составлял 20—25 процентов общей их численности¹. Даже в мирное время ежегодная убыль в войсках была очень большой. Так, в 1800 году число умерших, бежавших и не годных к службе превысило 20 тыс. человек. Причиной тому — тяжелейшие условия военной службы, плохое питание и жестокие наказания. Подобное положение сохранялось в войсках и накануне 1812 года. Так, в письме генерал-лейтенанту Ф. Ф. Штейнгелю военный министр Барклай-де-Толли обращал его внимание на необходимость улучшить содержание солдат в связи с большим количеством больных. «По моему мнению, — писал Барклай-де-Толли, — нет другой причины к умножению больных и даже смертности, как неуместность в наказании, изнурение в учениях сил человеческих и непопечение о сытной пище». И далее он писал: «... в пищу солдатам, кроме хлеба, ничего не доставляют, а на лицах их ни токмо не видно здоровья и живости, но по цвету и худобе можно назвать целые роты или батальоны больными и страждущими»².

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 343, л. 13а, 14а.

² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА, т. 1, ч. 1, отд. 1. СПб., 1900, с. 53—54.

Подобные условия солдатской службы, значительные потери в многочисленных войнах приводили к тому, что 25-летний срок могли прослужить лишь немногие. По данным, которые были представлены правительству в 1809 году, «выслуживших узаконенный срок нижних чинов» приходилось на дивизию, насчитывающую в то время 17—20 тыс. человек, в среднем лишь 200—300 человек.

Однако и те солдаты, которые выслужили свой срок, нередко вновь привлекались к военной службе. Так, в 1807 году в письме министру внутренних дел В. П. Кочубею Александр I сообщал, что он «признал за благо всем отставным нижним чинам и рядовым, в разных губерниях живущим, сделать вызов на службу...». Естественно, царь не мог рассчитывать, что здесь выявится много желающих. Поэтому, согласно «высочайшего повеления», отставные солдаты, которые «не согласятся добровольно вступить в сию службу, должны быть принуждены к оной и повиноваться безмолвно»¹. В результате было вновь взято на военную службу 7919 человек. Все они направлялись в губернские роты и штатные команды.

До 1808 года собранные по губерниям рекруты направлялись непосредственно в полки. Согласно закону 1766 года обучение рекрутов до того, как они поступят в регулярные войска, воспрещалось². Офицеры, сопровождавшие рекрутов к месту их назначения, учили их лишь, как правильно стоять и маршировать. Однако при таком порядке пополнения армии войсковые части получали необученных рекрутов, а главное — еще не привыкших к условиям солдатской службы.

В октябре 1808 года было утверждено «Положение о приеме рекрут, препровождении и содержании их в запасных рекрутских депо»³.

«Опыт прошедшего времени, — отмечалось в нем, — показал неудобство скорого распределения в полки рекрут после приема их. И весьма естественно, что человек, упражнявшийся в одном землепашестве, вдруг переменял климат, образ жизни, занятия. и, удаляясь от семей-

¹ ЦГВИА, ф. 29 (Материалы канцелярии военного министра), оп. 5, д. 86, л. 1.

² ПСЗ, т. 17, № 12748, гл. II, § 2.

³ ПСЗ, т. 30, № 23297, ч. 1; № 23787, ч. 2.

ства, подвергается болезни или по крайней мере унынию, которое также нередко наводит пагубные последствия». Поэтому и намечалось учредить в разных пунктах страны запасные депо, «дабы отвратить помянутое неудобство и, хотя с пожертвованием казны, сохранить людей толико нужных для службы»¹.

Запасные рекрутские депо решено было учредить по одному на каждую дивизию. В каждом депо полагалось содержать по 2280 человек, с небольшими отклонениями в их числе, в зависимости от рода войск, «для коих запасное депо учреждено».

Рекруты поступали в запасные депо на 8—9 месяцев, а после этого распределялись по полкам, зная главные правила военной службы. В соответствии с установленным порядком рекрутов полагалось «тотчас приводить на верность службы к присяге в церквях и расписывать по артелям, чтобы в каждой состояло не менее 10 человек, а чтобы они на побег не покушались, то опоручивать их, как и прежде, круговую порукою в том, чтобы один за другим имели усмотрение».

Все запасные рекрутские депо находились под начальством генерала. Для содержания и обучения рекрутов в запасных депо от каждой дивизии назначались 6 обер-офицеров, 24 унтер-офицера и 240 рядовых. Сверх этого от дивизии назначался также штаб-офицер как начальник этой команды; он же являлся и командиром депо.

Запасное депо делилось на 6 равных частей или рот, а каждая рота — на 4 капральства. Таким образом, каждое депо состояло из 24 капральств. Кроме того, в составе конвойной команды каждая рота имела обер-офицера, 4 унтер-офицеров и 40 рядовых. На капральство же приходился унтер-офицер и 10 рядовых.

Каждая рота или капральство должны были состоять из равного числа рекрутов, независимо от того, сколько бы их в депо ни было. В случае если из депо выбывало определенное число рекрутов, то соответственно сокращалось число капральств или рот².

По прибытии в депо рекруты начинали проходить курс обучения. В 1811 году было разработано наставле-

¹ ПСЗ, т. 30, № 23297.

² Там же.

ние для обучения рекрутов. В соответствии с этим наставлением рекруты обучались первые два месяца лишь солдатской выправке, следующие два — ружейным приемам, один месяц — правилам маршировки, остальные четыре месяца отводились на повторение пройденного, и особенно на обучение рекрутов стрельбе в цель.

По окончании обучения рекруты из депо отправлялись на так называемые сборные места тех дивизий, на комплектование которых они были предназначены.

Артиллерийские депо находились в Пскове, Смоленске, Брянске и Глухове. Для укомплектования артиллерийских депо было установлено, чтобы впредь не назначать в них рекрутов прямо из губерний, а пополнять эти депо из армейских рекрутских депо, выбирая годных для службы в артиллерии людей.

Определялись также армейские депо, которые давали рекрутов для артиллерийских депо. Так, для Псковского артиллерийского депо назначались армейские депо: Подгощинское, Старорусское, Холмское, Торопецкое; для Смоленского — Бельское, Вяземское, Ельнинское и Ярославское; для Глуховского — Романское, Ахтырское, Изюмское и Змиевское и для Брянского — Стародубское, Новгород-Северское и Конотопское.

В сентябре 1811 при гарнизонных внутренних батальонах были учреждены 10 запасных рекрутских депо 2-й линии. Они размещались в Петрозаводске, Новгороде, Твери, Москве, Калуге, Туле, Орле, Курске, Харькове и Екатеринославе. Рекрутские же депо, основанные раньше, получили название депо 1-й линии.

Эти депо одновременно были сведены в две рекрутские дивизии и одну отдельную бригаду. Каждая дивизия состояла из четырех бригад. Количество рекрутских депо, входивших в состав дивизии и бригад, не было одинаковым. Так, в 1-й бригаде 1-й дивизии состояли два депо: Каргопольское и Олонекское, а во 2-й и 3-й бригадах той же дивизии — по три депо. Во 2-й и 4-й бригадах 2-й дивизии находилось по четыре рекрутских депо.

Артиллерийскую бригаду составляли Брянское и Глуховское артиллерийские депо. А в отдельную рекрутскую бригаду во главе с новороссийским генерал-губернатором вошли Ивановское, Таганрогское и Азовское депо.

22 ноября 1811 года рекрутские дивизии переименовали в резервные корпуса — 1-й и 2-й, а рекрутские

бригады стали именовать дивизиями. Каждое депо теперь имело шесть батальонов и числилось бригадой¹. Главное начальство «над сею важною частью армии» возлагалось на военного министра. А бывший главный командир рекрутских депо получил звание дежурного генерала при военном министре по рекрутской части.

Такая организация рекрутских депо, соединение их в резервные корпуса, дивизии и бригады в какой-то мере сближало их с обычными войсковыми формированиями.

Управление и порядок внутреннего содержания резервных корпусов были аналогичны управлению и содержанию полевых войск.

В связи с усиливающейся угрозой новой войны военное министерство принимает меры для формирования новых войсковых соединений. Объявленный в 1811 году 81-й рекрутский набор, по которому предполагалось получить 120 тыс. рекрутов, посчитали недостаточным. В марте следующего года был объявлен новый, так называемый чрезвычайный набор рекрутов, по 2 человека с 500 душ. Предполагалось получить 65—70 тыс. рекрутов. В отличие от прошлого рекрутов назначалось «принимать и содержать при губернских гарнизонных батальонах на том же основании, как содержатся и приуготовливаются рекруты в рекрутских депо»².

Решение это было принято вследствие того, что рекрутские депо назначались на формирование новых пехотных дивизий. Так, 123 резервных батальона рекрутских депо составили 10 пехотных дивизий, получивших номера с 38-го по 48-й, из 58 резервных эскадронов рекрутских депо — 4 кавалерийские дивизии: № 13, 14, 15, 16. Артиллерийские же депо образовали 17 пеших и 7 конных рот, составивших 7 запасных артиллерийских бригад.

Вначале предполагалось из новых дивизий создать особые резервные армии, на которые возложить задачи 2-й линии полевых войск. Однако укомплектовать их полностью и сделать боеспособными соединениями так и не удалось. Уже в ходе Отечественной войны 1812 года значительная часть личного состава этих формирований пошла на пополнение действующей армии, часть же бы-

¹ ПСЗ, т. 31, № 24884.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, с. 47.

ла распределена по крепостям и внутренним гарнизонам¹.

Таким образом, существование рекрутских депо, хотя и непродолжительное время — всего немногим более трех лет, дало ряд положительных результатов. Предварительная подготовка рекрутов к воинской службе, пополнение армии уже обученными солдатами — все это, естественно, способствовало повышению боеспособности войск.

Несколько иную задачу выполняли запасные части. Они были созданы в 1810 году для пополнения убыли в действующих полках пехоты и кавалерии. Запасными в пехоте стали вторые батальоны каждого полка, которые оставались в местах их расположения и готовили пополнение для действующих войск. Гренадерские же роты этих батальонов сводились в сводные гренадерские батальоны трехротного состава. В каждой дивизии, состоявшей из шести полков, создавалось два таких батальона². Эти батальоны составляли сводные гренадерские бригады и дивизии.

Однако вскоре было решено изменить места расположения запасных батальонов. В связи с этим военному министру Барклаю-де-Толли предлагалось «расположить означенные батальоны в крепостях, занятых ныне гарнизонами, и на местах, к базису военных действий прилегающих; ибо сим цель их установления совершенно достигнется, как по удобности соединения их между собою, так и по связи, в которую поставятся они с действующей армией»³.

Таким образом, запасные батальоны выдвигались, независимо от расположения их полков, в те места, которые прилежали к району предполагаемых военных действий.

Запасные эскадроны в кавалерии появились несколько раньше, чем в пехоте. Их назначение определялось первоначально необходимостью пополнять в полках недостающее число людей и лошадей, а также для обуче-

¹ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства, вып. 7, с. 33.

² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА, т. 2, отд. 1. Спб., 1901, с. 10.

³ Там же, с. 10.

ния кавалерийской службе получаемого пополнения. Однако с организацией в рекрутских депо кавалерийских отделений задачи запасных эскадронов во многом изменились. Лишь в военное время им назначалась роль как источника комплектования кавалерийских частей. В мирное же время они занимались различными вспомогательными службами.

В 1810 году задачи запасных подразделений в кавалерии были возложены на действующие эскадроны. Так, в кирасирских и драгунских полках, бывших пятиэскадронного состава, выделялось по одному эскадрону, а в гусарских и уланских, в которых имелось по 10 эскадронов, назначалось по два.

Эти запасные войска просуществовали в русской армии недолго. В марте 1812 года, в канун войны, из 97 запасных батальонов разных полков было сформировано 8 пехотных дивизий, а из 69 запасных эскадронов — 4 кавалерийских дивизии¹.

Таким образом, численность русской армии заметно увеличилась. Достигнуто это было путем максимальных рекрутских наборов, по существу мобилизацией всех возможных людских ресурсов. Несколько сократилось число гарнизонных войск за счет пополнения существующих и формирования новых армейских частей и соединений. Значительно возрос в армии удельный вес полевых войск. К началу войны в ней состояло 169 полков пехоты, 66 полков регулярной кавалерии и 84 — иррегулярной конницы, 49 батарейных, 54 легких, 22 конных артиллерийских и 24 понтонных роты².

Общая численность регулярных войск русской армии составляла 590 тыс. человек³.

Однако выставить против наполеоновской армии достаточное количество действующих войск правительству так и не удалось. Не было закончено формирование новых дивизий из резервных и запасных войск, ощущалась острая потребность в людских ресурсах даже после так называемого чрезвычайного набора рекрутов, объявленного в марте 1812 года.

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, с. 49.

² Михайловский-Данилевский А. Полн. собр. соч., т. 4, с. 84—85.

³ Там же.

Все это свидетельствовало о том, что существовавшая система комплектования армии уже далеко не отвечала условиям времени. Если проследить, как возрастала численность русской армии в предшествующие годы, то можно увидеть, что резкого роста числа регулярных войск в канун войны не произошло. Так, в 1806 году в ней числилось 391 тыс. человек, в 1807 году — 487 тыс., в 1808 году — 663 тыс.¹, в 1809 году — 520 тыс.², а накануне войны 1812 года — 590 тыс. человек³.

Каким образом комплектовалась русская армия офицерским составом? Определенная часть офицеров поступала в войска после обучения в военно-учебных заведениях, но все же большинство их — путем производства в офицерский чин унтер-офицеров, главным образом из дворян.

К началу прошлого столетия в России существовало четыре учебных заведения, готовившие офицеров для сухопутных сил: 1-й и 2-й кадетские корпуса, находившиеся в Петербурге, Гродненский кадетский корпус и Военно-сиротский дом. До 1805 года эти военно-учебные заведения выпускали ежегодно от 80 до 270 офицеров⁴. Естественно, что такое число офицерских чинов, поступавших для пополнения армии после специальной подготовки, далеко не удовлетворяло ее потребности.

В 1801 году в связи с предложением шефа 1-го кадетского корпуса генерала П. А. Зубова об учреждении губернских военных училищ был объявлен указ царя, в котором предполагалось организовать подготовку офицеров в 17 губерниях. Устройство губернских военных училищ возлагалось главным образом на местное дворянство, среди которого для этих целей был организован сбор пожертвований. Все вопросы, связанные с созданием этих училищ, должна была рассматривать специально созданная комиссия.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 343, л. 13а, 14а; д. 379, л. 1—2.

² ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 2044, л. 2, 21об.

³ Михайловский-Данилевский А. Полн. собр. соч., т. 4, с. 85.

⁴ Столетие военного министерства, т. 10, ч. 1, приложение «Таблица, показывающая число произведенных в офицеры пажей, кадет и воспитанников других заведений в 1801—1825 гг.». Спб., 1902.

В марте 1805 года по докладу этой комиссии был утвержден «План военного воспитания», в соответствии с которым военная подготовка дворян должна была начинаться в губернских военных училищах и заканчиваться в 1-м и 2-м кадетских корпусах. Количество обучающихся в училищах определялось в 3000 человек, разделенных на 15 рот, по 200 человек в каждой. Всего создавалось 10 военных училищ: в С.-Петербурге, Москве, Смоленске, Киеве, Воронеже, Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Тобольске. В первых пяти городах училища состояли каждое из двух рот, в остальных — по одной роте.

В училища полагалось принимать детей из дворян в возрасте 7—9 лет. Срок обучения устанавливался в семь лет. Программа обучения состояла из общеобразовательной и военной подготовки. Учащиеся в течение двух лет получали начальное образование. В продолжение остальных пяти лет воспитанники посещали губернские гимназии и обучались по установленной там программе с добавлением основ фортификации.

Изучение военного дела и вся система воинского воспитания осуществлялись в свободное от общеобразовательной учебы время. Для этих целей специально были выделены офицеры.

После прохождения обучения всем воспитанникам училища устраивались экзамены, и затем успешно сдавшие их переводились для продолжения военного образования в кадетские корпуса.

Программы кадетских корпусов были рассчитаны на четыре года. Они включали математику, историю, географию, черчение, иностранные языки, физику, а также курс полевой фортификации, тактики и стратегии, артиллерийского дела, некоторые вопросы квартирмейстерской части и другие предметы обучения.

На третьем и четвертом курсе воспитанники кадетского корпуса в зависимости от их способностей распределялись на три отделения: пехотное, кавалерийское, артиллерийской и инженерной службы. В этих отделениях кроме общего курса преподавались предметы по специальности.

Ежегодно, на протяжении всего периода обучения, два месяца предназначались «для практических упражнений в эволюциях полевой службы, в строении пример-

ных крепостей, в снимании планов и прочих предметах военного искусства»¹.

После окончания обучения в кадетском корпусе выпускники направлялись для службы в армии в звании прапорщика или корнета.

Воспитанники кадетского корпуса, обучавшиеся в отделе артиллерийской и инженерной службы, продолжали занятия и после 4-летнего срока «для достижения высшей степени познаний, им потребных»².

Такая система подготовки офицерских кадров явилась следствием возросшей потребности иметь в армии хорошо подготовленный начальствующий состав из дворян и других зажиточных слоев страны. Не случайно царь, объявляя указ о создании губернских военных училищ, рассчитывал на финансовую помощь местных помещиков.

В связи с этим правительство всячески поощряло создание военно-учебных заведений при активном участии дворян. Были учреждены на средства местного дворянства Тульское, Тамбовское, Харьковское, Оренбургское военные училища, в каждом из которых обучалось от 25 до 100 человек.

Однако наличие этих военных училищ все еще не решало проблемы подготовки офицерских кадров. Правда, число офицеров, получивших военное образование, значительно увеличивалось, но не настолько, чтобы обеспечить потребность в них армии. Так, в 1805 году было произведено в офицеры из выпускников военно-учебных заведений 270 человек, в 1806 году — 387, в 1807 году — 638³. Вместе с тем формирование новых контингентов войск, увеличение их численности требовало усиления офицерского корпуса, пополнения его подготовленными кадрами.

В 1807 году «высочайше повелено» было, что все дворяне не моложе 16 лет, желающие поступить на военную службу, вместо их определения в полки унтер-офицерами могли зачисляться в петербургские кадетские корпуса без прохождения курса обучения в губернских

¹ ПСЗ, т. 28, № 21675, п. 18.

² Там же, п. 20.

³ Столетие военного министерства, т. 10, ч. 1, приложение «Таблица, показывающая число произведенных в офицеры пажей, кадет и воспитанников других заведений в 1801—1825 гг.».

военных училищах. Всех поступивших таким образом на военную службу дворян собирали при 2-м кадетском корпусе. В том же году создается Волонтерский учебный корпус, переименованный позже в Дворянский полк¹.

В 1811 году при Дворянском полку был сформирован кавалерийский эскадрон численностью 110 человек, в котором обучались будущие офицеры кавалерийской службы.

Старейшим учебным заведением России был Пажеский корпус. Однако заведением военно-учебного характера, «в котором имеют быть преподаваемы нужные офицеру познания», корпус стал только в 1802 году. В нем обучались, как правило, дети придворной знати, и по числу воспитанников он был малочисленным. В 1810 году по штату Пажеского корпуса состояло 50 пажей и 16 камер-пажей.

Имелись военно-учебные заведения и специального назначения.

Накануне Отечественной войны 1812 года было решено создать учебное заведение топографов — Финляндский топографический корпус. Первое время в нем состояло всего 10 офицеров и 6 кадет. При военно-топографическом депо готовились офицеры-колонновожатые. В нем обучалось 60 человек. Однако в 1812 году оно было закрыто.

Таким образом, подготовка офицерского состава накануне войны несколько улучшилась. В 1812 году было произведено в офицеры уже 1688 выпускников военно-учебных заведений, подавляющее большинство которых получило военное образование в Дворянском полку². Однако имевшаяся система учебных заведений смогла обеспечить войска обученными офицерскими кадрами далеко не полностью. В среднем за 1806—1811 годы лишь пятая часть из числа производимых в офицерские чины имела специальную подготовку. «Табели о состоянии сухопутных войск» по отдельным годам убедительно

¹ Мельницкий Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России, т. 1, ч. 2. Спб., 1857, с. 39.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, приложение «Таблица, показывающая число произведенных в офицеры пажей, кадет и воспитанников других заведений в 1805—1825 гг.».

свидетельствуют о низком уровне подготовки офицеров того периода. Так, на 1 января 1806 года поступило в армию 1338 офицеров, из них только 190 окончило военно-учебные заведения. Подавляющее большинство офицеров — 919 человек вышло из унтер-офицеров, как правило дворян¹. «Табели о состоянии сухопутных войск» на 1 января 1807 года показывают, что всего поступило на пополнение 3009 офицеров, в том числе из камергеров, камер-пажей и пажей — 31, из кадет — 406², из унтер-офицеров — 2120³. Подобное положение наблюдалось и в другие годы.

Подготовка унтер-офицерского состава армии до 1808 года не была достаточно организована. Как правило, звание унтер-офицера присваивалось старослужащим солдатам, наиболее отличившимся в сражениях, или же дворянам, поступившим на военную службу «нижними чинами». Вместе с тем нужда в более подготовленных младших офицерах ощущалась весьма остро. Дело в том, что в условиях боя того времени роль унтер-офицера значительно возрастала. От него требовалось больше инициативы и боевой выучки, умелых действий в ходе сражения.

В 1808 году был сформирован 1-й учебный гренадерский батальон, «чтобы с лучшею удобностью снабжать армейские полки исправными унтер-офицерами...»⁴. Батальон состоял из четырех гренадерских и двух «неранжированных» рот. Последние предназначались для обучения полковых музыкантов и барабанщиков. В батальоне в течение двух лет обучалось 600 гренадер и 300 музыкантов и барабанщиков. Каждый год выпускалось в пехотные полки по 450 человек.

Комплектование учебного гренадерского батальона проводилось главным образом из числа «солдатских детей».

В 1809 году учреждается 2-й учебный гренадерский батальон. В отличие от 1-го батальона в нем было только 4 гренадерские роты; музыканты и барабанщики здесь не готовились.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 343, л. 13а.

² Там же, л. 14а.

³ Там же.

⁴ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 1638, л. 5 (из доклада военного министра 20 июня 1808 г.).

По новому положению в учебных батальонах создавались специальные «классы» для обучения грамоте фельдфебелей и каптенармусов.

Несколько иное назначение имел 3-й учебный гренадерский батальон, сформированный в 1811 году. В докладе военного министра отмечалось, что «цель учреждения сего батальона состоит в том, чтобы образуемые в оном унтер-офицеры и рядовые были ежегодно обрабатываемы в те губернские батальоны, которым предполагается поручить содержание, обучение и приготовление рекрут в депо»¹.

Для подготовки унтер-офицеров в кавалерийские полки был учрежден учебный кавалерийский эскадрон, а в артиллерию — две учебные роты.

Однако число унтер-офицеров, обученных в учебных батальонах, эскадронах и ротах, было далеко не достаточным. Ежегодный их выпуск составлял немногим более тысячи человек и не мог удовлетворить потребности армии. По-прежнему широко практиковалось производство в унтер-офицеры без предварительной учебной подготовки. Так, для укомплектования рекрутских депо 2-й линии все рядовые лейб-гвардии гарнизонного батальона были произведены в унтер-офицеры. Нередко присваивались унтер-офицерские звания рядовым и других войсковых подразделений.

Одним из источников пополнения армии унтер-офицерами явилось привлечение к службе военных кантонистов, или, как их часто называли, «солдатских детей». Они являлись воспитанниками военно-сиротских отделений, созданных в 1798 году одновременно с учреждением Военно-сиротского дома. Существовавшие гарнизонные школы, в которых также обучались дети солдат, стали отделениями этого дома.

Гарнизонные школы были учреждены еще при Петре I. Они создавались при гарнизонных полках и батальонах и содержались за счет некомплекта нижних чинов. Назначение этих школ заключалось в том, чтобы «впредь польза и государству в рекрутах облегчение быть могло».

В гарнизонные школы принимались дети в возрасте 7 лет, рожденные во время нахождения на военной

¹ ПСЗ, т. 43, ч. 2, кн. штатов, № 24729.

службе их отцов. Они были обеспечены питанием, одеждой и проходили обучение «всему, что к пользе войск служить может», а также различным видам ремесла. Затем воспитанники отдавались по договору ремесленным мастерам и работали у них до 18-летнего возраста, после чего они зачислялись в полки. Так, в 1812 году поступило в полевые, гарнизонные войска, артиллерию и пионерные полки 4368 человек¹. Из числа воспитанников часто готовились унтер-офицеры.

Однако не все «солдатские дети» находились на обеспечении казны. По положению о военно-сиротских отделениях 1798 года разрешалось родственникам брать их к себе для воспитания, но по достижении 18-летнего возраста возвращать их для определения на военную службу. Несколько позже военное ведомство посчитало, что, находясь у родственников, воспитанники не получают нужных знаний и навыков. Вместе с тем «главная цель заведения военно-сиротских отделений есть — доставить войскам хороших солдат и унтер-офицеров и, согласно ему, назначено обучать их предметам, нужным для сих званий»². Разрешалось оставлять у родственников «солдатских детей» лишь при условии, если обучение их будет поставлено так же, как и в военно-сиротских отделениях. И только до 12-летнего возраста.

Воспитание детей в военно-сиротских отделениях было суровым. Многие из них не выносили тяжелых условий. По данным отчета о воспитанниках этих отделений за 1812—1815 годы, из общего их числа, находившихся там на обучении, только две трети поступило на службу. Что касается остальных, то большинство умирало, некоторые бежали, а не годные по состоянию здоровья были переданы родственникам³.

Значительная потребность в людских ресурсах уже в самом начале войны вынудила правительство использовать для комплектования армии такой источник, как ополчение, к созыву которого правительство, как известно, уже обращалось и раньше, когда нужно было срочно создать многочисленное войско. Так случилось и в

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, приложение 17, с. 66—67.

² ПСЗ, т. 30, № 23237.

³ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, приложение 17, с. 66—67.

1806 году, после поражения Пруссии, выступавшей в союзе с Россией против Франции. Русская армия, потеряв союзников, была вынуждена одна вести борьбу с наполеоновскими войсками. Возникла необходимость значительного усиления вооруженных сил, которые могли бы противостоять такому сильному противнику. Однако система рекрутских наборов уже не обеспечивала быстрое увеличение численности русской армии. К тому же правительство должно было еще и располагать значительной суммой денежных средств в казне. Все это заставило прибегнуть к формированию ополчения, которое явилось бы серьезным подкреплением действующей армии и не вызывало бы значительных финансовых издержек. Но все же основной причиной, которая вынудила правительство созвать ополчение, было стремление резко увеличить численность вооруженных сил и вместе с тем сохранить в крепостной зависимости привлекаемых на военную службу людей.

Идея использования ополчения как средства комплектования армии в немалой степени занимала умы представителей правящего класса.

В апреле 1806 года сенатор Т. И. Тутолмин направил Александру I записку с предложением создать в стране постоянное ополчение.

В ополчении Тутолмин видел важный источник комплектования армии, устраняющий тяготы рекрутских наборов. По его мнению, «государственное ополчение, сопрягающее внутреннее устройство с лучшей благонадежностью государственной обороны и вместе спешествующее в войне успехам оружия, а в мирное время порядку и тишине...»¹

Сенатор Тутолмин предлагал устроить ополчение следующим образом:

«1) Всех обязанных поставкою рекрут расписать в губерниях на участки, из 100 ревизских душ одного годного брать для военной службы.

2) Из сих на службу предназначенных людей составить в каждой губернии вооруженную команду, под названием когорты, по штату бывших полевых команд, но

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, приложение 2, с. 3—4.

по увеличенному комплекту, в согласие с числом сотенных участков в губернии.

3) Соединению двух и более губернских когорт присвоить наименование легионов.

4) Назначенных на службу людей оставить в домах при их упражнении, коим, однако, яко поступившим в штат и список когорта, от жилищ своих отлучаться воспретить.

5) Состоящих в штате когорты собирать для обучения экзерции в свободное токмо от сельских работ время»¹.

По мысли автора, эти люди, состоявшие в когорте, должны быть использованы для укомплектования регулярной армии вместо рекрутского набора. Каждая когорта по установленной однажды очереди сотенных участков отряжает в армию потребное для ее укомплектования число людей, а на место откомандированных участки немедленно должны назначить в когарту новых людей².

Он считал, что государство от этого имело бы только выгоду, так как кроме регулярных войск будет всегда готовое ополчение, не обременяющее казну своим содержанием в мирное время и вместе с тем представляющее собой важный источник комплектования армии людьми, уже «умеющими владеть оружием и ознакомленными с регулярным строем...»³.

Однако по поводу созыва ополчения (или, как часто тогда называли, милиции) имелись и другие предложения. Так, в записке «Мысли о милиции 1806 г.» неизвестный автор не считал, что милиция может принести существенную пользу государству. По его мнению, от воина требуется уже не то, что раньше — до появления огнестрельного оружия. «Солдаты, которые учатся один раз в неделю, не могут действовать с тою точностью, с которою действуют солдаты всегда в том упражняемые». В связи с этим он считал, что «никакая милиция не может противустать регулярным войскам»⁴.

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, приложение 2, с. 4.

² Там же, с. 4—5.

³ Там же.

⁴ Там же, приложение 4, с. 8.

Но больше всего автора записки волновал вопрос: «Какое влияние может произвести милиция в отношении политическом»¹. Говоря об опасности «допустить соединения толпищ и вооружить оные», он с тревогой спрашивал: «Кто ответствен за покой внутри государства? Кто поручится, что между сборными офицерами не возникнет такой головы, которая, видя себя в независимости от регулярных войск и артиллерии, не предпримет доходить до собственной независимости под предлогом, который всегда и везде нравится народу? Кто будет заложником за внутреннее спокойствие империи, когда безграмотный донской казак... собрал себе сообщников, возмутил народ и потрясал основание государства»².

В записке говорится и о хозяйственных издержках, которые повлечет создание ополчения, так как «вдруг 600 тысяч человек отъемлются от земли» и помещики лишатся многих крепостных крестьян, взятых на военную службу. По подсчетам автора, «в самом исправнейшем имении от 8 человек отходит работник»³.

И в итоге автор записки заключал: «Из всех сих доводов открывается несомненное заключение, что 1) учреждение временной милиции невыгодно с той стороны, что сама по себе составляет она слабую защиту государству 2) что подает средство к нарушению внутреннего покоя и 3) что непосредственно вредит государственному хозяйству, поелику потрясает земледелие и промышленность, следовательно, истощает силы государства»⁴.

Несмотря на различные взгляды в дворянских кругах на формирование ополчения, Александр I был все же вынужден 30 ноября 1806 года объявить манифест «о составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции»⁵. В этом манифесте объяснялись причины, побудившие созвать ополчение, прежде всего — угроза вторжения неприятельских войск в Рос-

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, приложение 4, с. 9.

² Там же.

³ Там же, с. 10.

⁴ Там же, с. 9.

⁵ ПСЗ, т. 29, № 22374.

сию. И далее в нем выражалась надежда, что дворянство «усердно и ревностно посодействует в скорейшем и благоуспешнейшем совершении» намечаемых мер по созданию милиции¹.

Манифестом определялся состав «временных ополчений или милиции». В нем говорилось: «Каждая губерния вооружает из жителей своих то количество губернского земского войска или милиции, которое определено нами...»².

Согласно расписанию несколько губерний составляли область, а «соединенные губернские войска составляли областное земское войска или милицию». Таких областей было определено семь. Для каждой губернии, а также области назначалось выставить определенное число ратников.

Ниже приводится «Расписание числа людей, потребных с каждой губернии для составления внутренней временной милиции, с разделением на области»³.

I область		II область	
Санкт-Петербургской — 11 000		Эстляндской — 8000	
Новгородской — 19 000		Лифляндской — 20 000	
Тверской — 30 000		Курляндской — 12 000	
Олонецкой — 6000		Псковской — 20 000	
Ярославской — 24 000			
<hr/>		<hr/>	
Итого . . . 90 000		Итого . . . 60 000	
III область		IV область	
Витебской — 23 000		Московской — 29 000	
Могилевской — 25 000		Тульской — 29 000	
Смоленской — 30 000		Калужской — 24 000	
Черниговской — 33 000		Владимирской — 29 000	
		Рязанской — 29 000	
<hr/>		<hr/>	
Итого . . . 111 000		Итого . . . 140 000	

¹ ПСЗ, т. 29, № 22374.

² Там же.

³ Там же.

V область

Орловской — 19 000
 Курской — 23 000
 Воронежской — 18 000
 Харьковской — 15 000

Итого . . . 75 000

VI область

Киевской — 21 000
 Полтавской — 26 000
 Херсонской — 4000
 Екатеринославской — 8000

Итого . . . 59 000

VII область

Костромской — 15 500
 Вологодской — 11 000
 Нижегородской — 16 500

Казанской — 16 000
 Вятской — 18 000

Итого . . . 77 000

Всего предполагалось собрать 612 тыс. человек¹.

Устанавливался определенный порядок сбора ополчений. Так, «дворянские собрания получают через предводителей сведения о числе следующих к поставке на временную службу отечеству людей, распределяют по сделанному расчислению, сколько кому именно дать надлежит. По учинению такой росписи каждый помещик и имеющий крепостных людей приготовляет в две недели положенное с него число совсем вооруженных и по возможности снабженных огнестрельным оружием, из приобыкших, где таковые есть, владеть оным, как-то из егерей, охотников и проч.; одевают их приличным времени года образом и дав каждому единовременно по 3 р., заготавливают при том для них нужный провиант на 3 месяца»².

Таким образом, на помещика возлагалась обязанность поставить в земское войско «положенное с него число» людей и обеспечить их оружием, и одеждой, и провиантом, и деньгами. По существу, мы видим тот же порядок, что и при рекрутских наборах, с той лишь разницей, что при отдаче в рекруты помещик навсегда лишался их как своих крепостных, а в этом случае крепостные люди лишь на время освобождались от феодальной повинности. После роспуска ополчения все ратники должны были вернуться к своим помещикам, в «первобытное состояние».

¹ ПСЗ, т. 29, № 22374.

² Там же.

Вступать добровольно в ополчение разрешалось лишь свободным от крепостной зависимости людям, с согласия командующего губернским земским войском.

Все зачисленные в ополчение люди, «доколе не будут двинуты с мест своих,— должны оставаться в своих селениях и, пребывая в крестьянском их быту, исправлять все те повинности, коими они обязаны по земскому и волостному их управлению». Лишь в те дни, когда ратники привлекались к занятиям военным делом, они освобождались от несения этих повинностей¹.

Предусматривались и меры на случай неповиновения ополченцев, «угрожающего всеобщим потрясением империи». Главнокомандующему земским войском предоставлялось право предавать военному суду каждого «ослушника и нарушителя верности и присяги». Во время пребывания милиции в селениях не допускалось хранение оружия в домах, где проживают ратники. Выдавалось оно им только во время учений.

Для решения наиболее важных вопросов, связанных с организацией и вооружением земского войска, 1 декабря 1806 года был учрежден особый комитет. В его состав вошли генерал-фельдмаршал Н. И. Салтыков; министры: военно-сухопутных сил — С. К. Вязмитинов, внутренних дел — В. П. Кочубей, иностранных дел — А. Будберг — и тайный советник Н. Н. Новосильцев.

Всего лишь несколько месяцев просуществовало ополчение в таком составе. 9 марта 1807 года в связи с изменением обстановки, «когда вид военных происшествий поражением неприятеля изменился», было признано целесообразным, что вполне достаточно будет вооружить и приготовить к боевым действиям лишь треть всего ополчения².

Право выбора людей в состав этого ополчения предоставлялось самим помещикам. При этом ставилось условие, что, не принимая во внимание рост людей, они прежде всего должны быть молодыми, здоровыми и способными к несению воинской службы. Устанавливалась норма для набора в ополчение: полагалось по 1 ратнику с 57 ревизских душ губернии³.

¹ ПСЗ, т. 29, № 22374.

² ПСЗ, т. 29, № 22496.

³ Там же.

В ополчение назначалось 201 075 ратников. Кроме того, указом от 19 марта 1807 года объявлялся набор ратников в тех губерниях, которые по расписанию 30 ноября 1806 года не были введены в состав ополчения. В них также полагалось брать по 1 ратнику с 57 ревизских душ. В этих губерниях требовалось собрать 51 049 ратников. 51 тыс. ратников назначалась в качестве резерва для укомплектования действующей армии.

Однако еще не завершилось формирование подвижного земского войска, но уже 27 сентября 1807 года был объявлен манифест, по которому в связи с «свершившимся с Францией миром» сообщалось «о прекращении существования земского войска и о обращении ратников в первобытное состояние».

Этим же манифестом «взамен рекрутского набора» разрешалось «всем помещикам, мещанским обществам и казенным селениям оставлять в военной службе всех тех ратников, коих они вместо рекрут оставить пожелают»¹. За всех оставляемых на службе ратников были обещаны зачетные квитанции.

В сентябре 1809 года относительно земского войска был составлен генеральный отчет, по которому значилось, что всего было собрано в состав подвижной милиции 200 374 ратника, из них 12 778 человек вернулись «в первобытное состояние», 220 были отпущены из-за увечий и неспособности к службе, умерло 7375 человек, бежало 2619, во флот определено 9265, остальные 168 117 человек поступили в ведомство военно-сухопутных сил².

Таким образом, ополчение 1806 года просуществовало совсем недолго, менее одного года. Вместе с тем оно явилось важным источником комплектования армии, к которому при чрезвычайных обстоятельствах, возникших в связи с нашествием Наполеона, как известно, вновь обратилось русское правительство.

В июле 1812 года был опубликован манифест царя «О сборе внутри государства земского ополчения», а через несколько дней появился указ «О составлении временного внутреннего ополчения». Если первый документ носил характер общего призыва, воззвания, обра-

¹ ПСЗ, т. 29, № 22634.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, с. 39.

щенного главным образом к «дворянскому сословию», которое, по словам царя, «во все времена было спасителем отечества», то в указе излагались определенные меры по созданию ополчения.

Все губернии, в которых намечалось формирование ополчений, делились на три округа. В первый округ входили Московская, Тверская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская губернии. Их «внутренние силы» должны были прежде всего «охранять первопрестольную столицу нашу Москву и пределы сего округа». Второй округ состоял из Санкт-Петербургской и Новгородской губерний. Предполагалось использовать ополчения, собранные в этих губерниях, для защиты Петербурга и «пределов сего округа». И третий округ, в который вошли Казанская, Нижегородская, Пензенская, Костромская, Симбирская и Вятская губернии, должен был лишь подготовиться к формированию ополчения, определить в состав его людей, но «до повеления не собирать их и не отрывать от сельских работ»¹. В остальных губерниях предполагалось собрать ополчение лишь в случае необходимости.

В указе подчеркивался временный характер созываемого ополчения. Оно должно было быть в качестве «подкрепления войскам для надежнейшего охранения отечества».

В состав ополчения набирались лишь помещичьи крестьяне. Они не могли вступать в них добровольно, так как право отбирать людей в ополчение принадлежало только помещикам. Не участвовали в ополчении государственные и удельные крестьяне, подлежавшие рекрутскому набору в обычном порядке.

После окончания войны ратники ополчения должны были возвратиться в «первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям».

Таким образом, как и в 1806 году, при создании ополчения 1812 года вновь проявился феодально-крепостнический характер предпринимаемых мер. Правительство предоставило возможность дворянам самим определять численность ополчения, норму в них набора. Все вопросы, связанные с формированием ополчения, решались дворянскими собраниями, включая и избра-

¹ ПСЗ, т. 32, № 25176, 25188.

ние их начальников. Были созданы также специальные комитеты из дворян, которые занимались организацией ополченских дружин, их снаряжением.

Следует отметить, что передовая часть русского дворянства была настроена патриотически и активно участвовала в организации ополчения, вступала в его ряды. Многие из отставных офицеров стали командовать ополченцами, возглавляли сотни, дружины. Большую роль в формировании Петербургского ополчения сыграл выдающийся полководец фельдмаршал М. И. Кутузов, назначенный его начальником в первые дни войны. Он развернул широкую деятельность по обеспечению ополчения огнестрельным оружием, организационному устройству ополченских дружин, определил порядок обучения ратников. На эти цели были собраны значительные денежные средства, вещи, оружие в качестве многочисленных пожертвований со стороны определенной части дворян и многих горожан.

Однако было немало представителей господствующего класса, которые всевозможными путями стремились уклоняться от участия в ополчении. Некоторые из них, назначенные на офицерские должности, не являлись на службу. Подобные факты имели место в Тверской, Рязанской и других губерниях.

Следует отметить, что значительная часть дворянства перед лицом грозной опасности, нависшей над Россией в 1812 году, оказалась в состоянии растерянности, инертности, напуганная не столько вторжением иноземного врага, сколько размахом народного движения внутри страны. Современники свидетельствуют, что в первые же дни войны петербургская знать была объята паникой. В придворных кругах поговаривали о перемирии. Московские помещики торопились выехать в свои завожские имения.

А. С. Пушкин в повести «Рославлев» пишет: «Народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули..., гостинные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную

войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».

Передовые представители русского дворянства часто с возмущением отзывались о проявлениях алчности, стремлений к наживе значительной части своего класса даже в пору тяжелых испытаний, которые переживала страна в связи с наполеоновским нашествием. С. Г. Волконский, впоследствии ставший декабристом, в беседе с Александром I о роли дворянства в 1812 году заявил: «...Стыжусь, что принадлежу к нему,— было много слов, а на деле ничего...»¹.

Война с иноземными завоевателями приобрела народный характер благодаря широкому участию в ней основной части населения России — крестьян, горожан. И главное было не в том, в качестве кого каждый из них боролся с врагом: солдата ли регулярной армии, ратника ополчения или партизана. Все они, самоотверженно защищая свое отечество, героически отстаивали национальную независимость страны. Именно в этом заключалось существо народной войны 1812 года.

Численный состав ополчения в течение 1812 года достиг довольно внушительной цифры. В трех округах было собрано 233 тыс. ратников. Кроме того, ополченские дружины формировались на Украине, в ряде других губерний, а также на Дону. В общей сложности в число ополчения было призвано 420 тыс. человек².

Ополчение 1812 года сыграло важную роль в боевых действиях против наполеоновских войск. Многие ополченцы героически сражались с иноземными захватчиками. Как правило, слабо вооруженные и не имевшие достаточной боевой выучки, они нередко добивались серьезных успехов в борьбе с врагом. Они участвовали в Бородинской битве в составе Московского и Смоленского ополчений, во многих других боях против наполеоновских полчищ.

Таким образом, накануне и в ходе Отечественной войны 1812 года правительство предприняло ряд мер, направленных на усиление армии, увеличение ее численности. Естественно, все это в значительной степени сказалось на повышении боеспособности русских войск.

¹ Отечественная война и русское общество, т. 7, М., 1912, с. 153.

² 1812 год. К столетию Отечественной войны. М., 1962, с. 145.

Однако система комплектования армии за счет рекрутских наборов уже отживала свой век. Она не позволяла максимально мобилизовать имеющиеся людские ресурсы страны, в полной мере обеспечить нужное число регулярных войск. Конечно, в какой-то степени сдерживали увеличение численности армии известные финансовые трудности, которые испытывала царская казна. Но не в них заключалось существо дела. Всякое усиление рекрутской повинности вызывало серьезное недовольство дворянства, ревностно отстаивавшего свои классовые интересы. Многие представители этого сословия больше заботились о том, чтобы оставить своих людей в крепостной зависимости. Поэтому ежегодное привлечение на военную службу значительного числа крепостных, которые больше уже не возвращались в «прежнее состояние», не могло не вызывать определенную реакцию у подавляющего большинства владельцев поместий. Естественно, правящие круги все это учитывали. Не случайно правительство предприняло ряд мер, связанных с предоставлением помещикам некоторых льгот. Усиленно изыскивались пути увеличения численности полевых войск, в частности за счет сокращения гарнизонов, привлечения на службу даже тех солдат, которые отслужили свой двадцатипятилетний срок.

Но в тех условиях не могло быть другой системы комплектования армии, кроме рекрутской. Ничего принципиально нового не могли внести в эту систему и правящие круги, несмотря на многочисленные проекты и предложения. Стал очевиден кризис системы комплектования, тесно связанный с обострением противоречий в недрах общественного строя.

В итоге правительство так и не сумело усилить армию до такой степени, чтобы надежно обеспечить защиту страны на важнейших стратегических направлениях. Начавшаяся война 1812 года показала значительное численное превосходство войск противника. В такой обстановке Александр I был вынужден 4 августа 1812 года объявить новый, 83-й рекрутский набор в период с 1 сентября по 1 ноября. Набор рекрутов производился повсеместно с удельных и казенных крестьян, а с помещичьих в тех губерниях, где не назначено формирование ополчения, норма набора была определена по 2 человека со 100 душ. Не производился рекрутский набор

лишь в губерниях, «в военном положении объявленных, а также Псковской и Эстляндской»¹. Предполагалось мобилизовать по этому набору 181 585 человек. Однако собрать указанное число рекрутов не удалось. Поэтому несколько позже число рекрутов, которые должны были поступить по 83-му набору, уже определялось в 166 563 человека².

30 ноября был объявлен новый набор, по 8 человек с 500 душ. На этот раз освобождались от рекрутской повинности те дворянские имения, которые уже поставили ратников в ополчение. Этот набор предполагалось осуществить по частям. Первую четверть набора (по 2 человека с 500 душ) предполагалось завершить в течение месяца. Эти рекруты назначались во внутренние гарнизонные батальоны для их подготовки, а затем на комплектование действующей армии или для формирования новых полков. Следующая четверть набора должна была также поступить в гарнизонные батальоны. Таким же порядком — третья и четвертая части.

М. И. Кутузов с первых же дней после назначения главнокомандующим всеми русскими армиями уделял исключительно большое внимание подготовке войсковых резервов. Уже 10 августа М. И. Кутузов обращается с запиской к управляющему военным министерством генерал-лейтенанту А. И. Горчакову, в которой была изложена просьба представить «как можно скорее» сведения о наличии резервов. Его интересовало, в каком состоянии находятся рекрутские депо, как обстоит дело с формированием резервных войск, Московского, Смоленского и других ополчений³.

М. И. Кутузов приказал генералу от инфантерии М. А. Милорадовичу, которому было поручено формирование особого корпуса из рекрутских батальонов и эскадронов в Калуге, двигаться с войсками к Дорогобужу для усиления 1-й и 2-й армий. Этот корпус был слабо укомплектован офицерским составом, в него входило большое число рекрутов последнего набора, обученных весьма плохо. Сначала предполагалось, что корпус Милорадовича вместе с другими резервными войсками дол-

¹ ПСЗ, т. 32, № 25198.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, с. 61.

³ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1. М., 1954, с. 78.

жен создать «вторичную стену» на пути движения неприятеля к Москве. Однако эту идею осуществить не удалось. Военное ведомство не смогло быстро сформировать новые полки из наличных резервов. М. Б. Барклай-де-Толли докладывал главнокомандующему армией М. И. Кутузову, что для защиты Москвы «кроме сил двух армий, никаких более войск не было, коими можно было располагать и сделать преграду неприятелю»¹.

Корпус генерала Милорадовича прибыл для соединения с армиями 18 августа в Гжатск. В его составе имелось около 15 тыс. человек пехоты и кавалерии². Как малоопытные и не имеющие достаточной подготовки, эти войска были использованы для укомплектования полков действующей армии.

В целях усиления армии М. И. Кутузов приказал начальнику Московского ополчения генерал-лейтенанту И. И. Маркову направлять уже сформированные ополченские войска к Можайску. Их численность к Бородинскому сражению достигла 20 тыс. человек. К армии присоединилось и Смоленское ополчение, которое насчитывало 3 тыс. человек.

М. И. Кутузов имел основания полагать, что для защиты Москвы русская армия сможет получить довольно значительное подкрепление. По сведениям военного министерства, формировались новые полки в Костроме, Владимире, Рязани, Тамбове, Ярославле и Воронеже. М. И. Кутузов приказал генералу Д. И. Лобанову-Ростовскому, которому было поручено формирование резервных войск, направить «из каждого места по два полка» к Москве³. Одновременно Кутузов направил предписание генерал-лейтенанту А. А. Клейнмихелю, в котором указывалось, чтобы 12, 13 и 14-й полки немедленно шли для усиления действующей армии. Таким образом, на основе сведений, полученных от военного министерства, главнокомандующий мог рассчитывать, что в ближайшее время можно усилить армию значительным числом войск. К тому же генерал-губернатор Москвы граф Ф. В. Ростопчин сообщал М. И. Кутузову, что кроме уже сформированных войск Московского ополчения, имеется возможность вооружить более 80 тыс. человек.

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1, с. 88.

² Там же, с. 94.

³ Там же, с. 101.

Однако надежды М. И. Кутузова на скорое пополнение армии резервами не оправдались. Обнаружилось, что военное министерство не располагало точными данными о состоянии вновь формируемых полков.

Перед генеральным сражением с Наполеоном русская армия пополнилась в основном за счет войск, которые привел генерал Милорадович. Московское и Смоленское ополчения не были достаточно вооружены и обучены и, естественно, их боевое значение было невелико. В Бородинском сражении большая часть ратников ополчений использовалась для строительства полевых укреплений, выноса раненых с поля боя. Около 10 тыс. ратников приняло участие в боевых действиях в составе отряда генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова. Этот отряд находился на крайнем левом фланге русской позиции. Многие ратники ополчения героически сражались с врагом. Но только часть из них была вооружена ружьями, остальные лишь пиками.

30 августа, уже после Бородинского сражения, М. И. Кутузов получил рескрипт Александра I, в котором последний запретил использовать в настоящий момент резервные войска «по неготовности еще сих полков, а особливо по необходимости иметь устроенное войско для образования и содержания нового рекрутского набора, по коему поступает до 180 000 рекрут, которых и предполагается содержать и образовать при сих новоформируемых полках, без чего и самой сбор рекрут учинится невозможным»¹.

Царь этим распоряжением поставил главнокомандующего армиями в довольно трудное положение. М. И. Кутузов принимал все меры к тому, чтобы как можно быстрее приблизить к войскам резервы. Он требовал от Д. И. Лобанова-Ростовского «наискорейшим образом» направлять пополнение к Москве и предупреждал, что «если помощь, которую я ожидаю, не последует в надлежащее время, то вся ответственность падет на вас...»². Великий русский полководец все делал для защиты Москвы, надеясь укрепить армию после серьезных потерь в Бородинском сражении, нанести поражение неприятелю у стен древней столицы. Однако приказ царя, запре-

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1, с. 138.

² Там же, с. 171.

щающий использовать в ближайшее время резервные полки, отсутствие новых формирований Московского ополчения, которые обещал граф Ф. В. Ростопчин,— все это заставило М. И. Кутузова принять в тех условиях единственно правильное решение — оставить Москву, с тем чтобы сохранить армию. Он убедился, что в ближайшее время не получит необходимое пополнение. Резервные полки готовились крайне медленно, не доставало оружия, снаряжения.

Оставив Москву, русская армия совершила знаменитый фланговый марш с Рязанской дороги на Старую Калужскую. Вскоре она расположилась укреплённым лагерем у села Тарутино, юго-западнее столицы, заняв очень важное стратегическое положение. М. И. Кутузов умело организовал активные действия армейских отрядов и партизан на коммуникациях противника, поставив его в трудные условия.

Вместе с тем основные силы русских усиленно готовились к предстоящим сражениям. В 1-й Западной армии вместе с присоединенной к ней 2-й армией имелось в строю 75 тыс. человек¹. Необходимо было восполнить убыль в войсках, понесших значительные потери в сражениях, подготовить резервы для наступательных действий, создать нужные запасы оружия, боеприпасов, снаряжения.

В начале сентября к армии присоединились три пехотных полка из шести, сформированных генералом А. А. Клейнмихелем. Остальные части по приказу М. И. Кутузова были отправлены в Ярославль «для лучшего их усовершенствования». Кроме того, из Калуги прибыло до 6 тыс. человек пехоты. Два полка (Рязанские) были направлены генералом Д. И. Лобановым-Ростовским². В это же время поступило в действующую армию два пехотных и два егерских полка, прибывшие с генерал-майором В. А. Русановым, несколько егерских батальонов, кавалерийских эскадронов. Был отправлен для пополнения войск ряд рекрутских партий. Личный состав прибывших полков был распределен для укомплектования действующей армии, а офицеры и старослу-

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1, с. 355—358.

² Там же, с. 277.

жащие солдаты — возвращены к местам формирования войск¹.

Войска формировались из рекрутов 82-го и 83-го наборов. Генералу Лобанову-Ростовскому было поручено формирование 77 батальонов в Арзамасе. Генерал Клейнмихель готовил 24 гренадерских и пехотных батальона в Ярославле. Гвардейские резервы формировались в Петербурге. Центром кавалерийских резервов под командованием генерала Л. С. Кологривова был Муром. Здесь для каждого кавалерийского полка, находившегося в действующей армии, формировалось два эскадрона, а всего — 94 эскадрона. Артиллерийские резервы были расположены в Нижнем Новгороде, Петербурге, Костроме и Тамбове.

При формировании резервных войск возникли серьезные трудности в обеспечении их оружием и амуницией. М. И. Кутузов настойчиво требовал от военного ведомства быстрее обеспечения резервных формирований необходимым количеством ружей и предметами вещевого снабжения². Между тем формирование резервных войск медленно шло из-за недостатка оружия и снаряжения. Возникло немало сложных проблем в обеспечении кавалерийских резервов строевыми лошадьми.

В начале октября М. И. Кутузов направил в места формирования войск для руководства специальные «правила», утвержденные царем. Эти «правила» М. И. Кутузов сопроводил рядом замечаний, «объясняющих причины, по которым некоторые из сих правил отменяются по стечению обстоятельств и с означением, какое по остальным сделано мною испытание»³. Согласно указанию Александра I, от каждой дивизии должно быть отделено по одному пехотному и одному егерскому полку в составе определенного числа офицеров и старослужащих солдат. М. И. Кутузов не согласился с этим предписанием царя. Он расформировал лишь 9 егерских полков вместо 23 полков согласно этим «правилам». Полководец не мог рассчитывать на быстрое пополнение армии за счет резервных войск и, естественно, стремился укомплектовать действующие полки,

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 2. М., 1955, с. 540—543.

² Там же, ч. 1, с. 371—372.

³ Там же, ч. 2, с. 42—49.

максимально сохранив их число. Для пополнения убыли в гренадерских дивизиях М. И. Кутузов использовал сводногренадерские батальоны, а в пехотных полках — рекрутские партии и вновь сформированные полки, возвращая командование этих полков и старослужащих солдат для нового формирования. М. И. Кутузов готовился к длительной борьбе с наполеоновской армией, поэтому он решил часть резервных полков не присоединять к действующей армии, «дабы сберечь людей по наступившему холодному времени и на весну иметь хороших солдат»¹.

В ходе наступления русской армии по изгнанию наполеоновских войск из России возникла потребность приблизить к району боевых действий формируемые резервы. Генералу Д. И. Лобанову-Ростовскому было приказано переместиться с войсками в Черниговскую и Могилевскую губернии. Кавалерийские резервы генерала Л. С. Кологривова должны были занять квартиры между Могилевом, Чичерском, Слуцком и Минском.

М. И. Кутузов с первых же дней командования всеми русскими армиями постоянно заботился о подготовке и регулярном пополнении действующих войск людскими резервами. Его переписка с управляющим военным министерством генералом А. И. Горчаковым, генералами Д. И. Лобановым-Ростовским, А. А. Клейнмихелем и Л. С. Кологривовым свидетельствует о том, как глубоко полководец вникал в самые различные вопросы, связанные с обеспечением резервных войск оружием и снаряжением, обучением солдат. Он требовательно подходил к качественному составу поступающего пополнения, нередко возвращал слабо подготовленных солдат и, наоборот, добивался всяческого поощрения военачальников за хорошую боевую выучку резервных войск.

К концу 1812 года для пополнения действующей армии страна располагала довольно значительными резервами. Всего формировалось 124 кавалерийских эскадрона численностью 26 тыс. человек и 176 пехотных и гренадерских батальонов — 176 тыс. человек². Кроме того, важным людским резервом являлись ополчения. В ходе Отечественной войны в составе Московского,

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 2, с. 42—43.

² Там же, с. 668—671.

Смоленского, С.-Петербургского, Новгородского, Тульского, Ярославского, Калужского, Тверского, Владимирского и других ополчений насчитывалось более 310 тыс. ратников. Из них 280 тыс. человек приняло участие в боевых действиях против наполеоновских войск¹.

Следует сказать, что в начале 1813 года для более удобного комплектования войск, действовавших уже за границей, а также «соединения всех формируемых резервов и для поспешнейшего их образования» была учреждена резервная армия в составе 4 пехотных, 2 кавалерийских корпусов и 27 артиллерийских рот, общей численностью 179 тыс. человек. Возглавил армию генерал Д. И. Лобанов-Ростовский². Для укомплектования этой армии требовалось 134 тыс. человек. По данным же военного министерства, за счет 84-го набора рекрутов должно было поступить 118 тыс. человек. К тому же по 83-му набору было «недоимочных» 35 тыс. рекрутов. Итого — 153 тыс. человек. Однако и в этих условиях не представлялось возможным регулярно пополнять действующие войска, которые имели значительные потери в боевых действиях, и одновременно держать в комплекте резервную армию³. Как правило, действующая армия не получала объявленного числа рекрутов почти в каждом наборе. Однако военное министерство считало, что если все «рекруты прибудут на место», то некомплект резервной армии составит более 40 тыс. человек. И последующие рекрутские наборы не могли дать нужное число людей для ликвидации некомплекта как в действующих, так и в резервных войсках. Существовавшая система комплектования русской армии за счет рекрутского набора, несмотря на невиданные ранее высокие нормы (по 10 человек с 500 душ), не обеспечивала восполнения людских потерь. Эти факты еще раз свидетельствовали о том, что рекрутская система комплектования армии отживала свое время. И даже привлечение значительных сил за счет ополченских формирований не решало этой острой проблемы.

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, с. 71—72.

² Там же, приложение 11, с. 37.

³ В июле 1813 года некомплект в действующих полках составлял около одной трети их штатной численности. (Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, приложение 12, с. 39.)

Глава IV

УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ

Система управления войсками, оставленная в наследство Павлом I, была, как уже отмечалось, далеко не совершенной. Ликвидация в армии штабов, излишняя централизация военного управления — все это порождало немало трудностей и неурядиц. С приходом к власти Александра I были предприняты первые шаги с целью изменить характер управления войсками, прежде всего со стороны центральных органов. Манифестом от 8 сентября 1802 года учреждается, наряду с другими министерствами, министерство военных сухопутных сил¹. В сущности, этим манифестом была введена должность министра, обладавшего правами единоначальника, который «управляет всеми местами и делами», находящимися в ведении военной коллегии. Однако во всем остальном центральный орган военного управления остался прежним. Первым военным министром был назначен генерал С. К. Вязьмитинов, бывший до этого вице-президентом военной коллегии. Таким образом, коллегия передавалась в полное подчинение министра, являясь при нем органом совещательного характера. Вся же исполнительная власть принадлежала только министру.

Подобное переустройство военного управления имело положительное значение, так как усиливало принцип единоначалия в его центральном органе. Однако был сделан лишь первый шаг в этом направлении. Работа коллегии мало изменилась к лучшему. Согласно манифесту, коллегия, «в образе производства государствен-

¹ ПСЗ, т. 27, № 20405.

ных дел», остается на прежних основаниях¹. Все вопросы, которые рассматривались в коллегии и экспедициях, решались, как и раньше, коллегиальным порядком. Но в связи с тем что в военном управлении того времени царяла полнейшая централизация власти, в коллегию обращались по всяким мелким вопросам, особенно если это касалось хозяйственных дел.

Такое большое количество текущих дел, которые решались в военной коллегии, серьезно затрудняло контроль за правильностью их исполнения. Поэтому при министре военных сухопутных сил вскоре была учреждена особого рода канцелярия, получившая название департамента².

Произошли некоторые изменения и в самой структуре военного ведомства. Артиллерийская экспедиция была разделена на две самостоятельные экспедиции: артиллерийскую и инженерную.

Такая мера, предпринятая в 1802 году, вскоре после учреждения министерства, давала возможность несколько упорядочить управление инженерным и артиллерийским ведомствами, которые, в сущности, мало имели между собой общего. Артиллерийская экспедиция во главе с генерал-инспектором всей артиллерии стала ведать исключительно артиллерийским делом, а инженерная экспедиция под управлением инспектора всего инженерного департамента — инженерной службой, постройкой крепостей и т. д.

Вместе с тем существовавшее разграничение деятельности таких экспедиций, как комиссариатская и провиантская, не было целесообразным³. В их работе имелось немало точек соприкосновения. В связи с этим в 1805 году учреждается должность генерал-интенданта армии, на которого была возложена обязанность управления обоими этими ведомствами и председательствования в провиантской и комиссариатской экспедициях.

Много неурядиц и серьезных осложнений вызывало то обстоятельство, что медицинская часть армии находилась в ведении министерства внутренних дел. В его обязанности входило управление всей службой медицин-

¹ ПСЗ, т. 27, № 20406.

² Там же, № 20582.

³ Комиссариатская экспедиция занималась денежным, вещевым довольствием войск и снабжением ручным оружием.

ского персонала, вплоть до увольнения и перемещения врачей. Военное же ведомство должно было предоставлять под госпитали необходимые помещения, снабжать больных пищей и одеждой. Однако отсутствие знающих людей в этой области, а также слабая связь с министерством внутренних дел приводили к тому, что состояние медицинского обслуживания в армии было далеко не удовлетворительным. В своем докладе на имя царя министр военных сухопутных сил генерал Вязьмитинов сообщил по этому поводу, что «разделение управляющей власти по предметам, к одной цели стремящимся, а потому в ближайшей связи между собой состоящим и одинакового действия требующим, есть причина несообразностей в следствиях, повод к вредным несогласиям и неповиновениям, к медленности и запутанности. Течение медицинских дел служит убедительным тому доказательством»¹.

Вскоре после доклада министра последовала передача медицинской части армии, госпиталей и всех заведений, имеющих отношение к военному ведомству, в полное распоряжение министерства военных сухопутных сил. Для руководства этой частью в составе военной коллегии была учреждена медицинская экспедиция.

И наконец, в 1808 году в состав министерства военных сухопутных сил вошла военно-походная канцелярия, находившаяся до этого в непосредственном ведении царя, и фельдъегерский корпус. Объединение военно-походной канцелярии с министерством имело положительное значение, так как этим устранялся параллелизм в управлении войсками.

Однако обширный круг деятельности военного министра, сосредоточение в его руках многочисленных дел, часто малозначащих, отвлекало его внимание от решения важных проблем. В связи с этим в 1808 году вводится должность дежурного генерала, по существу являвшегося помощником военного министра. В круг деятельности дежурного генерала входили вопросы устройства и службы войск, их материального обеспечения. Нередко дежурный генерал выезжал для инспектирования войск и различных служб армии, сообщая о результатах таких поездок непосредственно министру.

¹ ПСЗ, т. 28, № 21866.

Таким образом, после организации министерства военных сухопутных сил было осуществлено еще немало реформ, чтобы этот орган военного управления соответствовал назревшим потребностям времени. Вместе с тем феодально-абсолютистские порядки в стране были серьезной преградой на пути осуществления тех или иных преобразований, связанных с системой управления государством. На примере устройства военного ведомства мы видим, что старые принципы, на которых строилась работа коллегий, продолжали существовать наряду с элементами новой министерской системы. Все это вызывало серьезные затруднения в ходе управления и приводило к крайне медленному решению важных задач. Если в прошлом коллегия, как совещательный орган, делала свои представления по тем или иным делам непосредственно императору, то теперь многие вопросы мог решать министр. Однако решал он все эти вопросы как бы со стороны, имея свою канцелярию и свой архив как самостоятельные учреждения при военном министре. Новая организация управления не определяла, какова степень власти министра, какова ответственность тех, кто готовит дела для решения.

В соответствии с манифестом от 8 сентября 1802 года контроль за деятельностью министров должен был осуществлять правительствующий сенат. Вместе с тем на практике получалось так, что отчетность министерств перед сенатом превратилась в простую формальность. С одной стороны, в сенате не было лиц, способных со знанием дела рассматривать те или иные специфические вопросы деятельности министерств, а с другой — министры, большей частью, действовали по «высочайшему повелению», контролировать которое сенат не имел права.

В 1810 году был образован Государственный совет, созданный «к утверждению и распространению единообразия и порядка в государственном управлении»¹. Совет состоял из четырех департаментов: законов, дел военных, дел гражданских и духовных, государственной экономии.

Председателем департамента военных дел был на-

¹ ПСЗ, т. 31, № 24064.

значен А. А. Аракчеев, а военным министром — генерал М. Б. Барклай-де-Толли.

С учреждением Государственного совета, и в частности его департамента военных дел, возник новый орган высшего военного управления в стране, занимавшийся делами военного и морского министерств. Теперь военный министр не имел права непосредственно докладывать Александру I, а должен был вносить те или иные вопросы на рассмотрение департамента военных дел.

Активно действовал департамент военных дел лишь в первый год своего существования. В это время он рассмотрел 61 представление, из которых 52 — военного министерства и 9 — морского. В 1811 году, когда начались приготовления к новой войне с Наполеоном, многие мероприятия решались царем непосредственно через военного министра. А в ходе Отечественной войны 1812 года представления в департамент военных дел почти прекратились¹.

В январе 1812 года в соответствии с новым положением об общем учреждении министерств 1811 года министерство военных сухопутных сил было преобразовано в военное министерство. Новое министерство состояло из семи департаментов, канцелярии министра, совета министра и «особых установлений».

В составе военного министерства находились следующие департаменты:

1. Артиллерийский департамент был образован из артиллерийской экспедиции. Во главе этого департамента находился инспектор всей артиллерии. Департамент был разделен на пять отделений. К первому отделению относились вопросы снабжения армии и крепостей артиллерией. Второе отделение артиллерийского департамента занималось устройством и содержанием пороховых и селитренных заводов, комплектованием полков и артиллерийских бригад боевыми патронами и снарядами, содержанием всех запасных парков и т. д. Третье отделение занималось устройством арсеналов, литейных домов, изготовлением орудий, лафетов, зарядных ящиков, постройкой и содержанием всех артиллерийских зданий. Четвертое отделение ведало изготовлением огнестрельного и холодного оружия, а также их ремонтом и

¹ Столетие военного министерства, т. 3, ч. 1. Спб., 1907, с. 107.

обеспечением этим оружием войсковых частей. И пятое отделение занималось учетом и контролем финансовой стороны дела.

2. Инженерный был создан из инженерной экспедиции, во главе с инспектором инженерного корпуса. Департамент делился на четыре отделения и ведал постройкой крепостей, различных воинских зданий и их содержанием, наймом рабочих, обеспечением и поставкой всех необходимых материалов.

3. Инспекторский департамент имел пять отделений. В его ведении находились: рассылка приказов по армии, исполнение решений по суду, рассмотрение различного рода жалоб, а также вопросы личного состава армии и ее комплектования.

4. Аудиторский департамент делился на три отделения и ведал военно-судными делами, собранием постановлений и законов. Во главе департамента стоял генерал-аудитор.

5. Комиссариатский департамент состоял из пяти отделений и заведовал снабжением амуниций и другими предметами вещевого довольствия войск. Кроме того, департамент ведал также вопросами денежного обеспечения, снабжения армии медицинскими средствами, аптечными материалами. Возглавлял комиссариатский департамент генерал-кригскомиссар.

6. Провиантский департамент имел четыре отделения. В его ведении находились вопросы, связанные с заготовкой и снабжением армии фуражом и провиантом.

7. Медицинский департамент состоял из двух отделений: медицинского и аптечного.

Общими для всего министерства учреждениями были: канцелярия и совет министра. Канцелярия ведала приказами, донесениями, производством в чины генералов, штаб- и обер-офицеров, составлением денежной сметы и отчетами по расходам.

Совет министра являлся органом только совещательным. Председателем этого совета был министр. В его состав входили кроме руководителей департаментов лица из генералитета, назначаемые царем. Члены совета были постоянные и временные. Временными членами совета являлись, как правило, генералы, служившие в войсках, и менялись они каждый год.

В числе «особых установлений» состояли военно-уче-

ный комитет, военно-топографическое депо, особая канцелярия, находившиеся при военном министре, и типография.

Военно-ученый комитет занимался изучением вопросов военного искусства и распространением всего нового в этой области. Комитет собирал лучшие сочинения по военному делу не только русских, но и зарубежных авторов, делал переводы их; рассматривал различные проекты и предложения, связанные с вопросами военного искусства, организации, управления и боевой подготовки войск, издавал военный журнал и т. д.

В круг деятельности военно-топографического депо входило соби́рание, составление и хранение карт, планов, чертежей, топографических и статистических описаний, журналов и донесений о военных действиях, проектов и диспозиций для ведения войны, составление на основе собранных материалов записок, описаний исторических военных событий, а также проведение астрономических наблюдений и тригонометрических съемок, необходимых для составления карт.

Кроме этих «особых установлений», созданных при министерстве, имелись еще «общее по армии дежурство» и «дежурство по рекрутской части». Во главе этих «дежурств» стояли дежурные генералы.

Таким образом, военное министерство сосредоточило в себе почти все отрасли военного управления. Более четко был определен круг вопросов, входивших в сферу деятельности того или иного департамента. В частности, артиллерийскому департаменту было передано снабжение армии огнестрельным и холодным оружием. Инженерный департамент теперь осуществлял все дела, связанные с постройкой и содержанием зданий и других военных сооружений. Важное значение для усиления боевой подготовки войск имел военно-ученый комитет, впервые созданный при военном министерстве. В его обязанность входило также и представление рекомендаций по различным проектам и исследованиям для «введения их в употребление».

В это же время была ликвидирована военная коллегия. Теперь военный министр управлял непосредственно через руководителей департаментов и других служб министерства, а не через коллегия в целом, как это имело место в прошлом. Устранялась, таким образом,

коллегиальность в исполнительном органе высшей военной власти. Принцип единоначалия утвердился во всей структуре военного управления.

Вместе с тем наряду с положительными сторонами структуры военного министерства этот орган военного ведомства был еще далек от совершенства. Между определенными департаментами не было точного разграничения дел. Так, инспекторская часть находилась в одно и то же время в ведении инспекторского департамента, общей канцелярии, а также генерал-инспекторов артиллерии и инженерного корпуса. Далее, многочисленность в структуре министерства отдельных составных его частей — департаментов, отделений, сложная система делопроизводства, бесконечная переписка,— все это приводило к крайне медленному движению дел, ибо, по словам одного из современников, «нет решения, пока не кончится весь круг движения бумаг в канцелярии, департаменте и т. д.»¹. Следовательно, этот серьезный недостаток — медленность и сложность делопроизводства, который был отличительной чертой коллегиального управления, сохранился и в новом министерстве. Кроме того, много внимания военного министра по-прежнему поглощала масса мелких дел, которые для решения нередко еще представлялись на усмотрение царя. Да и сам принцип единоначалия заключался большей частью в том, что руководители всех ступеней военного ведомства имели право не столько на самостоятельное решение тех или иных дел, сколько на представление их для решения в вышестоящие инстанции. И наконец, такой важный военный орган, как квартирмейстерская часть, лишь номинально находился в подчинении военного министра. По существу же ее управляющий относился к числу приближенных царя, и с таким положением военному министру приходилось считаться.

Вместе с образованием военного министерства 27 января 1812 года было объявлено и «Учреждение для управления большой действующей армией»². Следует сказать, что это «Учреждение» имело важнейшее значение

¹ Добровольский А. Основы организации центрального военного управления в России и в важнейших западноевропейских государствах. СПб. 1901, с. 120.

² ПСЗ, т. 32, № 24975.

для создания в канун войны более совершенной организации полевого управления войсками.

В соответствии с этим положением главнокомандующий большой действующей армией получал все необходимые права. Его приказания должны были безоговорочно исполняться как в армии, так и всеми гражданскими чиновниками пограничных областей и губерний.

Главного командующий управлял большой армией при помощи главного полевого штаба армии, «в котором соединяются все части полевого воинского управления, в высшем им отношении».

В круг обязанностей главного штаба входили: составление карт и планов движения войск и сражений; составление ведомостей и табелей, представляющих положение разных частей управления армии; ведение военного журнала и составление донесений; распределение войск и расписание начальников; рассмотрение донесений из корпусов, дивизий и крепостей; издание и рассылка приказов и приказаний; обеспечение армии провиантом, фуражом, амуницией, жалованием, оружием, артиллерией, боеприпасами; обеспечение «порядка и повиновения» с помощью полиции и суда; устройство лагерей, обозов, движение транспортов, госпиталей и т. д.

Главный полевой штаб состоял из четырех главных отделений: начальника главного штаба, инженерного, артиллерийского и интендантского. Возглавлялись главные отделения соответственно начальником главного штаба, начальником инженеров, начальником артиллерии и генерал-интендантом. В составе главного отделения (управления) начальника главного штаба находились: часть квартирмейстерская и дежурство армии. Во главе первой стоял генерал-квартирмейстер, а во главе второго — дежурный генерал.

Квартирмейстерская часть делилась на два отделения. 1-е отделение делало «все приуготовительные соображения к военным операциям». Здесь имелось в виду «сбор всех сведений о земле, где война происходит»: подготовка карт и военно-топографических описаний, сведения о местности, численности населения, исторические данные о происходивших здесь ранее войнах, исследование местности, расположенной в тылу армии, и т. д. К этому отделению принадлежала также чертежная и походная типография для тиснения карт; 2-е от-

деление осуществляло «приготовительные соображения» 1-го отделения и ведало делами, содержащими военную тайну: диспозицией к бою и движением войск, наставлениями для начальников отдельных частей, рекогносцировкой, расположением лагерей, выбором мест для боя, проектами укреплений этих мест, расписанием временных и зимних квартир, ежедневными записками и реляциями военных действий, сводом общих представлений к наградам за военные отличия, секретной перепиской о военных операциях.

«Общее по армии дежурство» состояло из четырех отделений. 1-е отделение обязано было вести учет численности войск и объявлять приказы, определять «пароли, лозунги, отзывы и сигналы», передавать распоряжения о движении армии, подготавливать расписание войск и «чинов, к оным принадлежащих, рапорты о числе людей» и ведать походной типографией. 2-е отделение занималось вопросами, относящимися к деятельности полевой воинской комиссии: готовило распоряжения о военнопленных, принимало и отправляло курьеров, списки чинам главной квартиры, расписание для нее помещений. Это отделение ведало также денежным, вещевым, провиантским довольствием, конвоем главной квартиры, готовило сведения о всех обозах армии и т. д. 3-е отделение занималось делами, связанными с разрешением разного рода представлений, перепиской по вопросам внутренней службы с военным министерством, командирами корпусов, а также с другими лицами из военных и гражданских учреждений. Оно занималось также материалами военных судов, выполняло некоторые другие административные функции. 4-е отделение ведало устройством госпиталей, «надзором за оными», распределением священников, списками умерших, отправлением и перевозкой больных.

Начальник главного штаба армии определялся по представлению главнокомандующего «высочайшим именным указом». Он избирался из состава генералитета «по единому уважению отличных способностей». В обязанности начальника главного штаба входило: иметь точные сведения о числе войск в армии, знать состояние продовольствия армии; «сочинять с генерал-квартирмейстером, по приказанию и особенным назначениям главнокомандующего, диспозиции к бою и движе-

ниям и наставления генералам, командующим отдельными частями войск», «избирать удобнейшие дороги для прохода войск, по роду их, и в случае надобности фуражировок наряжать нужное для того число войска, назначать выгоднейшие места и давать подробные распоряжения о произведении фуражирования в действие, с местным положением и обстоятельствами соображения». Начальник главного штаба назначал места для лагерей, магазинов, артиллерийских парков, госпиталей, обозов и штаб-квартир до дивизионных включительно, объявлял через дежурного генерала пароли, лозунги, отзвывы, сигналы и приказы главнокомандующего, наблюдал за точным их исполнением. Он представлял главнокомандующему по его требованию все сведения о расположении и силах армии, о способах ее продовольствия и фортификационных работах и т. д.

Во время сражения или при осмотре войск начальник главного штаба всегда находился при главнокомандующем. Его приказания должны были приниматься, как приказания главнокомандующего. В случае болезни или гибели главнокомандующего начальник штаба должен был выполнять его обязанности, «и хотя бы в то время были в армии старшие его генералы...».

Начальнику главного штаба подчинялись все начальники корпусных и дивизионных штабов «со всеми оных чиновниками».

Генерал-квартирмейстер назначался «по выбору главнокомандующего армией» и «избирался из генералитета по единому уважению отличных познаний». Ему подчинялись все находящиеся в армии генералы и офицеры квартирмейстерской части.

Дежурный генерал назначался в том же порядке, что и генерал-квартирмейстер. Под его начальством находились старшие адъютанты, стоявшие во главе соответствующих отделений, и «все чиновники, дежурство армии составляющие».

Среди них особенно важное значение имел капитан над вожатыми, который избирался «из обер-офицеров квартирмейстерской части по отличным способностям». В его распоряжении находились две колонновожатых и конная команды. Он заблаговременно получал из квартирмейстерской части сведения «о назначении дорог, которыми следовать будут войска, о числе колонн, отря-

дов, конвоев и приуговлял для них проводников». Капитан над вожатыми подбирал проводников из местных жителей, хорошо знавших дороги, часто из охотников, лесничих и т. п. Для вождения же войск «в деле с неприятелем и для нечаянных нападений, засады, отступлений и других воинских движений употреблялись вожатыми офицеры квартирмейстерской части, и особенно из тех чиновников, которые делали съемку самых мест действия или оныя обозревали».

«Учреждение для управления большой действующей армией» определяло также и структуру управления и в войсковых соединениях. В соответствии с уже утвердившейся организацией армию составляли корпуса, а корпуса — дивизии. Во главе корпуса находился корпусной начальник, управлявший им при помощи корпусного штаба. «Корпусной штаб армии, — говорилось в этом документе, — есть средоточие, через которое исполняются приказания и распоряжения, из главного штаба получаемые, и восходят донесения и представления к главнокомандующему».

Когда же корпус действовал отдельно, то «власть корпусного начальника, выходя из пределов, ей назначенных существующими положениями, постановляется на особенных... правилах». В этих случаях «приказания корпусного начальника исполняются, яко повеления главнокомандующего». Соответственно и в права и обязанности корпусного штаба входили «все предметы главного штаба армии».

Дивизию возглавлял дивизионный начальник, управлявший ею при помощи дивизионного штаба. «В «Учреждении» отмечалось, что «дивизионный штаб армии есть средоточие, через которое исполняются предписания корпусного начальника и восходят к нему представления, ко всем частям управления дивизии». Его структура во многом напоминала структуру корпусного штаба. Однако должность начальника штаба учреждалась лишь в том случае, когда дивизия действовала отдельно от корпуса и армии. При этом к «чинам дивизионного штаба» добавлялись кроме начальника штаба те же службы, что и в аналогичных условиях к корпусному штабу.

В числе штабных работников армии важное место занимали старшие адъютанты. Они избирались «из отлич-

нейших штаб- и обер-офицеров армии» и определялись «при главном штабе по представлению начальника главного штаба; в корпусы и дивизии по представлению корпусных и дивизионных командиров и вообще по одобрению главнокомандующего и высочайшему утверждению». Старшие адъютанты в дивизиях имели те же обязанности, что и дежурные штаб-офицеры в корпусах или же дежурный генерал при армии. В главном дежурстве армии также была введена должность старших адъютантов. Они «управляют отделениями оного, развозят важнейшие приказания, посылают осматривать войска, караулы, госпитали и исполняют разные сего рода поручения».

В день сражения все старшие адъютанты, как правило, находились при своих генералах.

«Учреждение для управления большой действующей армией» устанавливало и взаимоотношения между главным, корпусными и дивизионными штабами. В нем указывалось, что эти штабы составляют «одно общее управление». «Они суть орудия, помощью коих власть главнокомандующего, корпусных и дивизионных начальников приводится в действо во всех подробностях скорого и точного исполнения». Начальники этих штабов «имеют непрерывное взаимное сношение по делам, нужным для их сведения». Здесь определялся и характер подчиненности начальников штабов. В «Учреждении» говорится: «Получая от сих начальств своих руководство в том разуме, в котором все действия чиновников генерального штаба должны быть постоянно направляемы, могут начальники корпусных и дивизионных штабов представлять усмотрения свои по разным предметам их обязанностей на уважение корпусных и дивизионных начальников». И далее: «Зависимость их от корпусных и дивизионных начальников состоит в исполнении всех их приказаний; но будет дано им приказание, с порядком и правилами несогласное, то они обязаны, исполнив его, донести о том своему начальнику благовременно, и за последствия исполняемого приказания не ответствуют».

В таких же взаимоотношениях в порядке подчиненности находились начальники всех штабных служб.

Дивизионные штабы были обязаны представлять корпусным, а корпусные — главному штабу армии ра-

порты о численности войск, сведения о состоянии продовольствия, людей и наличии фуража для лошадей, расписание и расположение войск, топографические съемки, «военные замечания местоположений» и все нужные статистические сведения, а также журнал о военных действиях.

В «Учреждении» предусматривались также права и обязанности других должностных лиц, составлявших управление армией: генерал-гевальдигера, занимающегося вопросами военной полиции; генерал-вагенмейстера, который «ответствует за порядок и число обоза»; коменданта главной квартиры. Оно устанавливало правила для полевой военной полиции, определяло состав обоза для различных служб и команд армии. В нем значительное место занимают так называемые «особенные установления при большой действующей армии» — о военном суде, «полевое уголовное уложение», «положение для временных военных госпиталей», «положение для полевого почтамта». «Учреждение» предусматривало образование интендантского управления «со всеми принадлежащими к оному частями», полевого комиссариатского управления, а также инженерного, артиллерийского управлений и канцелярии главнокомандующего и подробно определяло характер деятельности всех этих служб армии.

Таким образом, «Учреждение для управления большой действующей армией» образовало стройную систему полевого военного управления. Оно устанавливало единую власть главнокомандующего армией, действующей на определенном театре войны, предусматривало систему штабов и управлений, с помощью которых главнокомандующий и другие высшие войсковые начальники могли четко и оперативно управлять войсками. В нем были показаны роль и место вспомогательных служб армии, от слаженности действия которых во многом зависел успех дела. И наконец, «Учреждение» довольно ясно определяло не только права военачальников, но и их ответственность за руководство службами и подчиненными им войсками.

Несколько обособленное положение в системе военного управления занимала так называемая «Свита его императорского величества по квартирмейстерской части». Следует отметить, что после ликвидации Павлом I

генерального штаба взамен этого органа управления, по существу, не было ничего создано. Особенно остро возникала необходимость иметь такой орган высшего управления, который бы выполнял роль генерального штаба, в результате боевых действий русских войск в конце XVIII и начале XIX столетия.

Некоторые мероприятия по улучшению деятельности «Свиты» были проведены генералом П. К. Сухтеленом, который был назначен в 1801 году генерал-квартирмейстером. Он привлек в состав «Свиты» хорошо подготовленных людей, знающих съемку и картографию, организовал подготовку колонновожатых в специальном депо, где преподавали геометрию, полевую фортификацию, учили черчению планов¹. Под руководством П. К. Сухтелена была проведена большая работа по составлению так называемой «столистой карты», которой пользовались в России вплоть до 40-х годов прошлого столетия.

Однако «Свита» в своей деятельности была слабо связана с армией, а ее офицеры в большинстве своем имели довольно смутное представление о боевой практике войск. И это, в свою очередь, отрицательно сказывалось на развитии этого органа, хотя и вспомогательного, но очень важного в системе военного управления. «Свита» не имела правильно организованного управления, определенной системы ее комплектования и даже узаконенных штатов. Не распределены были и обязанности ее должностных лиц.

В 1810 году во главе квартирмейстерской части был поставлен генерал П. М. Волконский. Он сделал первые шаги по устройству центрального управления «Свиты». Прежде всего появилась собственная канцелярия управляющего квартирмейстерской частью. Она состояла из четырех отделений: текущих дел, топографического, маршрутного, ведавшего всеми вопросами, связанными с движением войск, военными дорогами, размещением войск по квартирам и лагерям, и, наконец, отделения, занимавшегося казначейской частью и архивом².

Важное значение для квартирмейстерской части имело «Руководство к отправлению службы чиновникам ди-

¹ Глиноецкий Н. История русского генерального штаба, т. 1. Спб., 1883, с. 173.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 1, с. 271.

визионного генерал-штаба». Этот документ был составлен под редакцией К. Ф. Толя — начальника 3-го отделения канцелярии¹. «Руководство» впервые установило определенный круг обязанностей чинов квартирмейстерской части как в мирное, так и в военное время. В нем подчеркивалось: «Искусство избирать позиции и укреплять оные... искусные общие и частные движения войск и приличное размещение каждого рода оружия есть главные орудия побед и решительности компании целой войны»². «Руководство» обязывало офицеров квартирмейстерской части быть ближе к войскам, к их устройству и боевой практике. «Ежели обширные сведения топографии и статистики нужны офицеру квартирмейстерской части, не менее необходимо ему знать: образ устройства войск, их эволюции и порядок отправления службы, как по фронтовой, так и внутренней части». И далее: «Из сего изложенного понятия о звании офицера квартирмейстерской части можно усмотреть, что познание устройства, вождения, расположения и размещения войск, или тактика, есть главнейшая его должность. Познания сии приобрести только можно, находясь безотлучно среди самых войск, на какой конец необходимо нужно, дабы все чиновники квартирмейстерской части, не счисляющиеся при депо, были разделены по дивизиям, руководствуясь в отпращивании службы излагаемыми здесь правилами»³.

В дальнейшем квартирмейстерская часть получила свое развитие в связи с введением «Учреждения для управления большой действующей армией».

В период, предшествовавший войне 1812 года, квартирмейстерская часть осуществила ряд важных мероприятий, связанных с «военным обозрением» дорог в западной части страны и определением пунктов для ночлега, с указанием всех деревень, лежащих в радиусе 30 верст от этих пунктов. В итоге квартирмейстерские офицеры осмотрели свыше 25 тыс. верст таких дорог⁴.

В 1810 году было предпринято в больших размерах

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 1, с. 272.

² Там же, с. 273.

³ Там же.

⁴ Глиноецкий Н. История русского генерального штаба, т. 1, с. 242—243.

«военное обозрение» непосредственно западной границы. Для этого было выделено пять партий офицеров-квартирмейстеров. К сентябрю 1811 года они представили П. М. Волконскому военную карту западной пограничной территории на 55 листах и 37 отдельных планов позиций, описание всей осмотренной местности.

Другой важной частью в деятельности квартирмейстерской части было составление маршрутов для передислокации войск и «расписание квартир» полкам, дивизиям, корпусам. Многочисленные документы того времени — записки военно-походной канцелярии, письма военного министра генералу Волконскому — свидетельствуют о характере действий квартирмейстерской части. Здесь мы видим просьбы военного министра «изготовить маршруты запасным (резервным) эскадронам», командировки для «военного обозрения» какой-либо местности.

Многие офицеры квартирмейстерской части в мирное время числились в войсках часто номинально. Большой объем работ, связанных со съемками местности, составлением топографических карт, вынуждал их большую часть времени находиться далеко за пределами тех дивизий и корпусов, к которым они принадлежали. Да и распределение их в армии неоднократно менялось. Так, в марте 1811 года было утверждено «Расписание Свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части гг. генералам, штаб- и обер-офицерам по корпусам и по дивизиям»¹. Затем через год офицеры квартирмейстерской части были перераспределены в войсках согласно «Учреждению для управления большой действующей армией». И наконец, перед началом войны, в связи с увеличением числа пехотных и кавалерийских дивизий, вновь меняется расписание квартирмейстерской части.

В начале войны 1812 года около 140 штаб- и обер-офицеров квартирмейстерской части было назначено в армии, действовавшие против наполеоновских войск. Постоянно же находилось при каждой пехотной дивизии 1—2 офицера, при пехотном корпусе не более 2—3 офицеров и около 10—15 офицеров при штабе армии. Исключение составляли кавалерийские корпуса, при ко-

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА, т. 2, отд. 1, с. 93—95.

торых состояло по одному колонновожатому. Кроме того, в полках имелись квартирьеры, которые состояли при офицерах квартирмейстерской части¹.

Такова была структура квартирмейстерской части русской армии, выполнявшей в какой-то мере роль генерального штаба. Однако несовершенство ее во многих вопросах отчетливо проявилось в деятельности этой службы управления войсками при подготовке и особенно в ходе войны 1812 года.

Прежде всего, руководство квартирмейстерской частью со стороны управляющего ею князя Волконского не было четко налажено. Далеко не всегда он мог знать, где и каким образом распределены в войсках подчиненные ему офицеры. Многие приказы в адрес старших начальников этого ведомства содержат напоминания, внушения и требования регулярно сообщать о всех переменах, происходящих в служебном положении «чинов квартирмейстерской части». Однако все эти меры не дали нужных результатов. В первые же дни войны нередко обнаруживалось, что те или иные офицеры-квартирмейстеры, значащиеся по «расписанию», например, во 2-й армии, в действительности служили в совершенно других войсковых соединениях. Кроме того, находясь большую часть времени вне расположения армии, в связи с выполнением различных поручений по квартирмейстерской части, многие ее офицеры слабо знали внутренний распорядок и боевую практику войск, что, в свою очередь, отрицательно сказывалось на их деятельности в ходе начавшихся военных действий. И наконец, квартирмейстерская часть в период подготовки к войне, по существу, была отстранена от выработки плана военной кампании 1812 года. Вся ее деятельность была сведена к выполнению лишь частных поручений².

Начавшаяся война с Наполеоном не внесла каких-либо принципиальных изменений в систему военного управления. Феодално-абсолютистские порядки в стране в немалой степени сказались на состоянии руководства боевыми действиями русской армии, сковывали деятельность главного командования.

¹ Глиноецкий Н. История русского генерального штаба, т. 1, с. 248.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 1, с. 301—302.

Еще накануне войны Александр I прибыл в Вильно, где находился главный штаб 1-й Западной армии. Присутствие императора мешало главнокомандующему генералу М. Б. Барклаю-де-Толли оперативно управлять войсками, затрудняло его действия. К тому же царь с самого начала военных действий, по существу, взял на себя командование вооруженными силами страны, непосредственно отдавал распоряжения войскам, нередко минуя главнокомандующего. Естественно, все это в значительной мере отрицательно влияло на ход военных действий.

В связи со сложившейся ситуацией Александр I был вынужден оставить армию. Однако единого руководства русскими войсками им обеспечено не было. Формально значился во главе русской армии Барклай-де-Толли, как старший по должности, будучи военным министром, но, по существу, каждый главнокомандующий армией имел право обращаться с рапортами и донесениями непосредственно к царю и выполнять его прямые указания.

Отступление русской армии в глубь страны, нерешительность в действиях Барклая-де-Толли по руководству боевыми операциями войск вызывали недовольство им в армии и определенной среде русского дворянства. В связи с этим царь был вынужден согласиться с широко распространенным мнением о назначении главнокомандующего всеми действующими армиями из наиболее опытных и авторитетных военачальников. Назвать такую кандидатуру было поручено чрезвычайному комитету.

В постановлении этого комитета отмечалось: «...Бывшая доселе недеятельность в военных операциях происходит от того, что не было над всеми действующими армиями положительной единоначальной власти... Истина сего основывается как на положении вообще нынешних обстоятельств, так и на том, что по действую разным армиям на столь значительном пространстве армии сии обязаны всегда соглашать все свои движения и действия одна с другой; а посему члены комитета и находят необходимо нужным назначение над всеми действующими армиями одного общего главнокомандующего...»¹

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1, с. 72.

Кроме того, по мнению комитета, «звание военного министра, соединенное с постом главнокомандующего, производит различные неудобства в достижении желаемой пользы»¹. И поэтому комитет предложил генерала Барклая-де-Толли оставить в должности или главнокомандующего 1-й Западной армией, или же в качестве военного министра. Комитет пришел к выводу, что «назначение общего главнокомандующего армиями должно быть основано, во-первых, на известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, на доверии общем, а равно и на самом старшинстве, посему единогласно убеждаются предложить к сему избранию генерала от инфантерии князя Кутузова»².

Чрезвычайный комитет принял такое решение, учитывая огромную популярность М. И. Кутузова в армии и народе. Многие современники свидетельствуют, что в то трудное для России время повсюду называли Кутузова вождем русской армии. Царь был вынужден с общим мнением согласиться.

В соответствии с «Учреждением для управления большой действующей армией» главнокомандующий наделялся императорской властью на всей территории военных действий и примыкаемых к ней губерний. Все его распоряжения должны были исполняться как «высочайшие именные повеления». Располагая такой властью, главнокомандующий имел право подчинить все материальные и людские ресурсы одной цели — борьбе с противником. Однако на деле все обстояло несколько иначе. Царь постоянно пытался вмешиваться в руководство войсками. Он нередко отдавал распоряжения непосредственно командирам корпусов, дивизий, отдельных отрядов. 31 августа Александр I направляет М. И. Кутузову план военных действий против французских войск для армий А. П. Тормасова и П. В. Чичагова и корпусов П. Х. Витгенштейна и Ф. Ф. Штейнгеля³. Этот план плохо учитывал сложившуюся в то время обстановку, состояние главных сил русской армии, недооценивал боевые возможности неприятельских войск. Основная идея плана заключалась в следующем: армии

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1, с. 72.

² Там же.

³ Там же, с. 194—195, 463—470.

Тормасова и Чичагова действиями в тыл главных сил Наполеона совместно с корпусами, находящимися в Прибалтике, должны были отрезать пути отхода французской армии, с тем чтобы она «из пределов наших отступить не могла»¹.

Этот план ставил М. И. Кутузова в довольно затруднительное положение. Дело в том, что Кутузов намеревался эти армии приблизить к главным силам, чтобы они могли непосредственно угрожать тылу противника. Незадолго до получения плана Александра I М. И. Кутузов предписал адмиралу Чичагову и генералу Тормасову переместиться к Могилеву и с войсками генерала Ф. Ф. Эртеля двигаться на сближение с главной армией, отрезав все сообщения неприятеля. Одновременно Кутузов поручил Тормасову с корпусом генерал-лейтенанта Ф. В. Сакена «пребывать в Волини и Подолии для охранения того края, наипаче Киева, от покушений неприятельских»². Кроме того, ему была поставлена задача обеспечивать тыл армии Чичагова³. Однако, имея превосходящие силы против находящегося там австрийского корпуса под командованием князя Шварценберга, ни Чичагов, ни Тормасов не спешили выполнять указания М. И. Кутузова. Получив операционный план царя, они, по существу, игнорировали предписания главнокомандующего. Адмирал Чичагов направлял донесения о ходе военных действий непосредственно царю, всячески пытался пробить как можно дальше в районе, значительно отдаленном от главного театра военных действий. Он стремился добиться разрешения на преследование отходившего корпуса Шварценберга в сторону Бреста и далее действовать в Польше. В связи с этим Кутузову не раз приходилось сообщать Александру I о том, что командующий Молдавской (Дунайской) армией не представляет сведений о действиях и направлении движения его войск⁴. В письме полтавскому губернскому предводителю дворянства Д. П. Трощинскому он пишет: «Адмирал, который имеет сильную армию, должен бы действовать на сообщения неприятельские и тем способствовать мне, так что-то

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1, с. 465.

² Там же, с. 245.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 432—433.

скромней, что и не рапортует мне о том, что делает»¹. Уже в конце октября, когда русская армия перешла в наступление, Кутузов вновь был вынужден поставить в известность Александра I о том, что в ущерб общему плану действий адмирал Чичагов «так долго должен заниматься около Бреста-Литовского»². Однако, несмотря на многочисленные донесения царю и резкие требования к Чичагову, М. И. Кутузов так и не добился, чтобы Дунайская армия действовала в соответствии с его предписаниями. Это сказалось и во время боев на Березине, где важное место отводилось войскам Чичагова. Невыполнение им указаний Кутузова привело к тому, что полной ликвидации армии Наполеона тогда не удалось осуществить и определенная часть неприятельских войск вместе с французским императором сумела переправиться через Березину и отступить на запад.

Таким образом, некоторые важные положения «Учреждения об управлении большой действующей армией» не могли в силу указанных обстоятельств полностью быть проведены в жизнь. М. И. Кутузову приходилось часто действовать в сложной обстановке. Нужно было обладать непоколебимой волей, великим мужеством и глубокой верой в победу, чтобы принять, например, решение об оставлении неприятелю Москвы. Впоследствии царь не раз напоминал Кутузову о его ответственности за сдачу древней русской столицы.

М. И. Кутузов не мог не считаться с непосредственными указаниями царя и вместе с тем настойчиво добивался осуществления намеченных им планов, несмотря на прямое вмешательство Александра I в его функции как главнокомандующего. В этом отчетливо проявились обострившиеся в начале XIX века противоречия в системе государственного и, в частности, военного управления. С одной стороны, жизнь заставляла значительно расширить права главнокомандующего армией, официально передав ему всю полноту власти на всем театре военных действий. Важным шагом в этом направлении явилось законодательное определение этих прав в принятом накануне войны «Учреждении для управления большой действующей армией». С другой стороны, су-

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 2, с. 56.

² Там же, с. 189.

ществовавший в стране монархо-абсолютистский государственный строй не позволял в полной мере осуществлять те положения, которые в какой-то части касались власти царя. По-прежнему многие частные, даже мелкие дела, связанные с управлением войсками, решались по «высочайшему повелению». В 1812 году «имянные указы» Александра I нередко принимались в связи с изменением квартирования тех или иных полков, входящих в резерв, комплектованием такого-то батальона и даже роты. Как правило, перемещение по службе командного состава, не только генералов, но и штаб-офицеров, не могло осуществляться без согласия императора.

Естественно, все это сковывало инициативу русских военачальников, сказывалось на оперативности решения военных дел.

Вместе с тем следует сказать, что реорганизация системы военного управления в России накануне Отечественной войны дала и ряд положительных результатов. Это особенно касается полевого управления армии. Была образована его стройная система, которая позволяла в ходе боевых действий против наполеоновской армии четко и оперативно управлять войсками. В сражениях при Бородино, Тарутино и Малоярославце в ходе наступления русской армии в 1812 году было обеспечено умелое взаимодействие войск, быстрота маневра, своевременная концентрация сил на решающем направлении. Создание более совершенной системы полевого управления явилось одним из важных факторов, обеспечивших высокую боеспособность русской армии в 1812 году.

Глава V

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ВОЙСК

Состояние боевой подготовки армии в значительной степени зависело от качества обучения поступавших на пополнение солдат и офицеров. Существовавшие на рубеже XVIII и XIX веков уставы и наставления далеко не отвечали требованиям боевой практики. Войска обучались правилам линейной тактики, изложенным в «Воинском уставе о полевой пехотной службе 1796 года» и других уставах и наставлениях. Первые годы XIX столетия не дали заметных изменений в характере боевой подготовки войск. Несмотря на явное отставание уставных положений от уровня развития военного искусства, русское правительство не предприняло серьезных мер для радикальных изменений в характере и содержании воинского обучения. В это время имело место лишь одно изменение, внесенное в устав 1796 года: устанавливалась другая величина шага, когда армия находилась на марше. Более того, Воинской комиссии 1801 года было «высочайше указано» не касаться «строевого учения и школьной тактики»¹.

Однако опыт военных действий русских войск в конце XVIII и начале XIX столетия, особенно в войнах 1805 и 1806—1807 годов, постепенное утверждение в бою тактики колонн и рассыпного строя оказали определенное влияние и на развитие уставных положений того времени.

Начало этому было положено появлением в 1807 году сочинения «Общий опыт тактики» А. И. Хатова. Это со-

¹ ПСЗ, т. 26, № 19926.

чинение, как уже отмечалось выше, состояло из двух частей: «Опыт начальной тактики» 1807 года и «Опыт высшей тактики» 1810 года. Некоторые положения книги в дальнейшем были использованы в новых уставах и наставлениях.

В книге «Общий опыт тактики» автор утверждал, что военная наука еще не стала «предметом публичного учения», формы и методы ведения войны не могут быть неизменными: развивается военное искусство, меняется и тактика¹. Он писал: «Тактика, доньше не утвержденная, зависящая от времени, оружия, нравов и всех физических и нравственных способностей народов, должна по необходимости переменяться и оставлять в одном веке правила, отвергаемые веком ему последующим»². Вместе с тем, по его мнению, нет ни одного «поучительного» военного сочинения, «которое бы утвердило тактические правила и распространило надлежащие по сей части познания; а от того произошло ложное и вредное мнение, будто бы все военные сочинения бесполезны и что войне не можно учиться по книгам»³.

Таким образом, выдвигая положения о постоянном изменении тактических правил в зависимости от времени, состояния оружия и национальных особенностей войск, автор книги, однако, придерживается в своей работе в основном принципов линейных боевых порядков, хотя и допускает возможность иных построений войск. Он писал: «Весьма благоразумно поступили, приняв за первоначальный строй инфантерии порядок в три шеренги, ибо он более прочих соответствует нашему оружию»⁴. Что касается применения в боевых порядках колонн и рассыпного строя, то, по мнению Хатова, это возможно лишь в некоторых исключительных обстоятельствах. «Ежели случится, что местоположение, позволяющее закрытым образом подойти к неприятелю, или атака ретраншемента, или другая какая причина необходимо потребует, чтобы, сократя фронт, усилиться против одного места, тогда инфантерия должна строить-

¹ Общий опыт тактики, ч. 1, с. 25.

² Там же, с. 26.

³ Там же, с. 29.

⁴ Там же, с. 48.

ся в колонну... для того, что строй в колоннах внушает доверенность солдатам и устрашает неприятеля»¹.

Значительная часть работы отводится обучению войск по принципам линейной тактики. Вместе с тем «Общий опыт тактики» в какой-то мере отражает назревшую необходимость ломки устаревших тактических положений. В нем мы видим отдельные элементы новых приемов и методов ведения боя. Автор выступает против ружейной пальбы во время движения. По его мнению, наилучшим образом может быть употреблен в сражении «произвольный, батальонный огонь»². Много внимания автор уделяет тактике артиллерии. «Совершенство артиллерии, — пишет он, — состоит в искусстве делать многое с малым числом орудий. Следовательно, стараться иметь артиллерию хорошую, а не многочисленную»³. Здесь по-иному, вопреки правилам линейной тактики, рассматриваются вопросы боевого применения артиллерии. «Потребно, чтобы батареи составлены были из соразмерного числа орудий; тогда они имеют решительное действие, ломают фронт неприятельский и приготавливают победу. Напротив того, то же самое число орудий, но по фронту разбросанное, более только раздражает неприятеля, нежели вреда ему сделает»⁴.

В книге много внимания уделено боевому и походному построению войск, маршам и маневрам. Марш «есть основательная и важнейшая часть солдатского учения; ибо посредством марша войско делается способным к маневрам. Марш служит к двум предметам: для маневра и для похода. Первый род марша требует точности и совокупности, и потому должно ему учиться по правилам... Второй род, оставляя человека на свободе, не требует никаких правил... В марше маневренном солдаты подвержены шагу единообразному и некоторым образом искусственному; ибо сей марш требует согласия и точности. В походном же или путевом марше, напротив того, должно позволять людям идти, как кому легче и свободнее»⁵. Автор выступает против сложных пере-

¹ Общий опыт тактики, ч. 1, с. 54.

² Там же, с. 91.

³ Там же, с. 265.

⁴ Там же, с. 277.

⁵ Там же, с. 64, 66.

строений, которые, по его мнению, должны быть просты, легки в исполнении, немногочисленны, пригодны для применения их в условиях боевых действий.

В разделе книги «О пальбе» оспаривается целый ряд положений, утвердившихся в существовавших тогда уставах. В этом разделе указывается на важность неторопливой, прицельной стрельбы. Солдатам «внушали, буд-то величайшее совершенство в пальбе состоит в том, чтоб сделать в одну минуту сколько можно более выстрелов; и для того солдаты не прицеливаются, опускают ружье очень низко, и пуля, не будучи направлена глазом, вры-вается в землю на четверти ружейного выстрела...»¹. И далее: «Пехоте приличен один только огонь на мес-те... Можно положить за общее правило, чтоб стрелять только тогда, когда не можно идти»². Наступая, «лучше будет ударить в штыки, не останавливаясь и не стреляя... ибо тем замедлишь свое движение и выдержишь на-прасный урон...»³. Автор не согласен с уставным поло-жением, по которому при стрельбе передняя шеренга становилась на колени. Он считает, что «нет ничего смешнее и неприличнее сего коленопреклонения»⁴.

Значительное место в книге уделено тактике кавале-рии. Ее боевые действия рассматриваются в тесной свя-зи с методами ведения боя пехоты. «Кавалерия нередко решает сражения и часто довершает успехи: она прикры-вает разбитую и рассеянную инфантерию, делает разъ-езды, содержит передовые посты и, по быстроте ее дви-жений, способна ко всем спорым предприятиям...»⁵ Гово-ря о вооружении кавалерии, автор считает, что она «может сражаться только одним образом, то есть уда-ром; всякая же пальба ей не свойственна; ибо известно, сколь бесполезен и неопасен огонь фланкером; хотя оные, будучи рассыпаны, и могут стрелять с большею удобно-стью. Итак, кавалерия имеет огнестрельное оружие не для того, чтобы употреблять оно на лошади, но дабы пользоваться им только в некоторых случаях, а особли-во, когда по недостатку инфантерии принуждена будет

¹ Общий опыт тактики, ч. 1, с. 81—82.

² Там же, с. 88.

³ Там же, с. 87.

⁴ Там же, с. 82.

⁵ Там же, с. 183.

частью спешиться для занятия дефилен или другого какого-либо важного поста»¹. И далее: «Главная и решительная выгода кавалерии состоит в быстроте ее движений, ибо быстрота увеличивает силу удара... Дабы получить сию быстроту столь выгодную, когда она соединена с устройством, кавалерия не должна быть отягощена ни оружием, ни порядком, в котором она построена»².

В книге обращается внимание на то, что «должно освободить кавалерию от всего, могущего ее обременить и сделать тяжелою, как-то: от кирас, нагрудников и прочего оборонительного противу огня вооружения; ибо кавалерия должна атаковать инфантерию только тогда, когда сия последняя уже разбита или начинает колебаться и приходит в беспорядок; а в сих случаях огонь инфантерии не опасен и успех атаки почти верен»³.

В разделе книги, посвященном тактике артиллерии, отмечается, что артиллерийский огонь должен быть сосредоточен не столько по артиллерии противника, сколько по его пехоте и кавалерии. По мнению автора, для артиллеристов неприятельские войска «суть главный предмет, и что артиллерия сделается бесполезною, когда войска будут разбиты или приведены в беспорядок, вместо того, что, истребив артиллерию, остается еще победить войска...»⁴. Здесь заслуживают внимания мысли автора о более эффективном использовании артиллерии в бою, которые впоследствии были развиты в «Общих правилах для артиллерии в полевом сражении», составленных генералом А. И. Кутайсовым — начальником артиллерии русской армии в 1812 году. Он пишет, что артиллерия «должна держаться смело... не смотреть, имеет ли прикрытие, и орудия свои оставлять не прежде, как когда неприятель будет почти на батарее, ибо последние выстрелы наиболее вреда ему сделают; честь же свою полагать не в сбережении орудий, но в том, чтоб сколько можно более и решительнее оными действовать...»⁵.

Вторая часть сочинения содержит в себе опыт высшей тактики. Здесь довольно подробно изложены вопросы

¹ Общий опыт тактики, ч. 1, с. 186.

² Там же, с. 186—187.

³ Там же, с. 189.

⁴ Там же, с. 287.

⁵ Там же, с. 289—290.

о лагерях, маршах, боевых порядках и квартирах армии.

По мнению автора, «ничто так не показывает способности генерала, как выбор места для лагерей, только в военном деле важных, что от одного лагеря, хорошо или худо занятого, нередко зависит успех всей кампании... Лагери имеют одинаковый предмет с фортификацией, ибо при занятии оных главное состоит в том, чтобы избирать места, в коих бы слабейшая в числе армия могла с выгодой действовать противу превосходной (особливо в войне оборонительной)...»¹.

В книге особо подчеркивается важная роль в боевых действиях легкой пехоты. Автор не согласен с положениями устава 1796 года, по которому сторожевая служба возлагалась только на гусар, а о егерях там даже не упоминается. По его мнению, «егеря могут быть расположены перед армией, но гусары в такой позиции скоро изнурены будут. Легкая инфантерия, поставленная впереди, может иметь покой, потому что егерь всегда готов схватить ружье и сражаться...»².

Значительное место в сочинении уделено действиям войск на марше. Исходя из опыта, накопленного в боевой практике русской армии конца XVIII столетия, особенно суворовских походов 1799 года, автор пишет: «Марши... можно почитать ключом всех военных операций, ибо посредством маршей армия действует, переходя из одной позиции в другую... нечаянно атакует неприятеля или предупреждает его в важном случае... Отважный марш, обеспеченный ото всех опасных случаев и предпринятый с решительностью, может доставить самый счастливый конец кампании и разрушить наилучшие обдуманые неприятельские намерения»³.

В главе «О расположении и распределении войск в боевом порядке» автор в основном придерживается положений линейной тактики. Однако в ряде его рассуждений заметен отход от тактических правил прошлого. Так, например, он много внимания уделяет резервам армии, их составу и размещению.

Автор не является сторонником боевых действий

¹ Общий опыт тактики, ч. 2, с. 2, 4—5.

² Там же, с. 26.

³ Там же, с. 74, 86.

войск в колоннах, вместе с тем он считает, что «противу неприятеля, атакующего в колоннах, надлежит употребить иное расположение, нежели противу войск, нападающих развернутою линиею»¹. По его мнению, войска могут много потерять людей при атаке колоннами, «но потеря сил некоторым образом вознаграждается тем, что сражения стали короче и решительнее прежних перестрелок, иногда по целому дню продолжавшихся... Сие примечание делается не для того, чтобы одобрять атаку в колоннах, но дабы показать, что тактика французов требует некоторых перемен в расположении боевого порядка противодействующей им армии...»².

Таким образом, в книге «Общий опыт тактики» был в какой-то мере обобщен опыт, накопленный в боевых действиях войск конца XVIII и начала XIX столетия, выдвинут ряд интересных положений о необходимости перемен в тактике русской армии в соответствии с требованиями времени.

Следует сказать, что значительное отставание существовавших тогда уставов, инструкций и наставлений от уровня развития военного искусства заставило правительство Александра I обратить на это внимание. В 1808 году был создан комитет «для сочинения воинского устава». Предполагалось «сочинить» не только пехотный, но и кавалерийский и артиллерийский уставы. Однако к началу войны 1812 года был составлен лишь «Воинский устав о пехотной службе».

Устав состоял из отделений «Шкала рекрут или солдат» и «О ротном учении»³. В нем более систематично излагались основные положения одиночного обучения рекрутов или солдат и ротного учения. Вместе с тем в уставе главное внимание по-прежнему уделялось подготовке войск только на учебном плацу путем строевых упражнений и крайне сложных построений. «Школа рекрут или солдат» разделена на три части. Первая часть включала обучение рекрута без ружья: выправке, поворотам, тихому и скорому маршу. Ружейные приемы изложены во второй части. Третья часть содержала порядок обучения солдат различным построениям.

¹ Общий опыт тактики, ч. 2, с. 233—234.

² Там же, с. 232.

³ Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1812.

В отделении «О ротном учении» были предусмотрены правила обучения солдат в составе роты маршу, различным маневрам и перестроениям в движении. Привлекает внимание раздел «О обучении стрелять в цель»¹. В отличие от прежних уставов, в которых эта часть обучения солдат отличалась лишь общими указаниями, новый устав придавал большее значение стрелковой подготовке. В нем говорится: «Нет нужды доказывать, сколь важно и необходимо, чтобы солдаты обучены были целю стрелять. Опыты научают, что и самые успехи в военных действиях много от совершенства в искусстве сем зависят»².

Определенный шаг вперед по сравнению с прежними уставами сделан в разделе «Как полк строится». В нем предусмотрено создание специальных взводов стрелков, и этим положено начало официальному утверждению некоторых элементов тактики колонн и рассыпного строя. Свидетельством тому — обучение солдат прицельной стрельбе и построению в «густые колонны». Однако дальнейшего развития эти уставные положения не получили. Главное внимание в боевой подготовке войск по-прежнему уделялось правилам линейной тактики, далеко не отвечавшим условиям боевой практики и уровню развития военного искусства того времени.

Поскольку составление кавалерийского устава к началу войны 1812 года закончено не было, часть его была издана лишь под названием «Предварительное постановление о строевой кавалерийской службе», состоявшее из двух разделов: «Основание учения» и «О эскадронном учении»³.

В «Основании учения» указывался расчет эскадронов и полка, их боевой порядок и характер построений кавалерии. В боевом порядке предусматривался строй полка из шести эскадронов в развернутом фронте, вытянутых в одну линию, со взводными интервалами⁴.

Изложение раздела об эскадронном учении начиналось с обучения кавалеристов правилам построения в составе взвода, эскадрона. Основное внимание уделялось

¹ Воинский устав о пехотной службе, с. 198.

² Там же.

³ Предварительное постановление о строевой кавалерийской службе. Спб., 1812.

⁴ Там же, с. 3—26.

внешнему виду строя: равнению в шеренгах, различным эволюциям в построениях кавалерии. Большое внимание обращалось на порядок перестройки эскадронов из колонн во фронт, видам марша, развертыванию в боевой порядок. В разделе давались подробные указания, как переходить в атаку, отмечалась скорость движения. Так, эскадрон шел шагом первые 50 шагов, затем 100 шагов двигался рысью, последующие 80 шагов — галопом, после чего подавалась команда «аллюр». В уставе предусматривались и атаки «с места в карьер»¹. «Предварительное постановление» внесло мало изменений в существовавшие в то время положения устава 1796 года. Более сложными стали построения и маневры кавалерии, предусматривались многочисленные эволюции в колоннах, много внимания уделялось действиям кавалеристов в качестве фланкеров и в рассыпном строю, со стрельбой с коня. Тут налицо стремление составителей кавалерийского устава максимально сохранить уже отжившие свое время многие тактические приемы и положения прежних уставов, их консерватизм в отношении всего нового и передового, что дала русская военная мысль в начале прошлого столетия.

Для боевой подготовки артиллеристов в то время не существовало какого-то единого устава или наставления. Многие годы характер обучения и боевой деятельности личного состава артиллерии определялся многочисленными распоряжениями, правилами и наставлениями.

Отсутствие единого артиллерийского устава создавало немало трудностей для артиллеристов. Об этом свидетельствует доклад Александру I, подготовленный инспектором артиллерии А. А. Аракчеевым. Последний в нем сообщал: «Рассмотрев в л.-гв. артиллерийском батальоне и 1-м полку ротные учения их с орудиями, я нашел, что даже в сих местах существует не только великая разность в образе действия и движения орудием, но даже разность и неизвестность в употреблении и самых командных терминов»².

Вскоре после этого было утверждено «Краткое изложение всех артиллерийских командных слов, употреб-

¹ Предварительное постановление о строевой кавалерийской службе, с. 26—48.

² Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 3, вып. 1, Спб., 1902, с. 318.

ляться должествующих». Затем издается «Распоряжение о движении зарядных ящиков», устанавливающее в этой части единый порядок. В соответствии с «Распоряжением» зарядные ящики размещались на артиллерийской позиции в едином порядке, т. е. находились в 30 шагах позади каждого орудия.

Важнейшее значение имели «Общие правила для артиллерии в полевом сражении». В них генерал А. И. Кутайсов подробно разъяснял, на каком расстоянии наиболее действенны орудийные выстрелы, каков должен быть темп артиллерийской стрельбы в случае приближения противника на то или иное расстояние. Здесь имеется ряд важных замечаний по вопросам тактики артиллерии и ее боевых порядков. «Когда еще не примечено настоящее намерение неприятеля, то батареи должны состоять из малого числа орудий и быть рассеяны в разных местах. В сем положении вы представляете самую малую цель, а сами имеете более средства ему вредить косвенными и перекрестными выстрелами и затруднить в его предприятиях. Батареи же из большого числа орудий должно ставить в таких случаях, когда нужно сделать пролом в линии неприятельской или остановить сильное его стремление на какой-либо пункт или когда необходимо нужно сбить его с какой-нибудь позиции»¹.

«Общие правила для артиллерии в полевом сражении» дают обстоятельные рекомендации, как лучше занять позицию, по каким объектам противника сосредоточить огонь в зависимости от обстановки в ходе боя. «Можно без исключения взять за правило, что когда мы намерены атаковать, то большая часть нашей артиллерии должна действовать на артиллерию неприятельскую; когда же мы атакованы, то большая часть нашей артиллерии должна действовать на кавалерию и пехоту»².

Талантливый русский артиллерист А. И. Кутайсов обобщил в этом документе богатый боевой опыт предшествующих войн, вопреки положениям линейной тактики он внес много нового в характер деятельности русской артиллерии, определил ее роль и место в тесной

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 3, вып. 1, с. 316.

² Там же.

связи с ходом сражения, в непосредственном взаимодействии с другими родами войск.

В начале Отечественной войны 1812 года вместе с «Общими правилами для артиллерии в полевом сражении» в войска был направлен другой важный документ: «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения». В. Харкевич, известный русский собиратель и исследователь документальных материалов по истории войны 1812 года, обнаружил печатный экземпляр этого документа в Военно-ученом архиве главного штаба, в делах 2-й Западной армии¹.

«Наставление господам пехотным офицерам в день сражения» содержит много ценных указаний, как действовать войскам в зависимости от тех или иных условий боя. В нем излагается ряд требований к пехотным офицерам, обязанным тщательно следить за состоянием оружия, боевых припасов у каждого солдата, добиваться максимальной готовности войск к ведению боя².

В «Наставлении» указывается на необходимость каждому офицеру проявлять в ходе сражения самостоятельность и инициативу, «не довольствоваться одной перестрелкой, но высматривать удобного случая, чтобы ударить в штыки и пользоваться сим, не дожидаясь приказа...»³. Заслуживает внимания ряд положений о применении боевых порядков, состоящих из цепи стрелков с сомкнутыми резервами позади⁴. Этот строй, говорится в «Наставлении», «достоеин, чтобы его часто употребляли, и может быть полезен всякого рода пехоте»⁵. «Наставление» рекомендует офицерам широко использовать подобный боевой порядок. «Когда офицер держится цепью в лесу, то значительную часть своего резерва пусть поставит по рядам на одном фланге, голова оной части чтобы была несколько шагов в сторону; ежели цепь принуждена отступить, то сей резерв остается недвижим и спрятан, а как скоро неприятель занесется в преследовании за отступающими, то оный резерв, вдруг открыв огонь ему во фланг, непременно приведет его в смятение. Ежели неприятель, опомнясь, на оный обратится,

¹ «Военный сборник», 1902, № 7, с. 238.

² Там же, с. 238—244.

³ Там же, с. 241.

⁴ Там же, с. 242.

⁵ Там же.

то тогда те, кои прежде отступали, сами во фланг ударят, и так сии две части наилучшим образом одна другой взаимно помогать будут»¹.

Здесь же указывается на необходимость чаще применять атаки в колоннах; отвергая предварительный ружейный огонь по противнику, рекомендуется «постепенно его атаковать штыком»².

В «Наставлении» уделяется большое внимание меткой стрельбе, тесному взаимодействию между войсками. Рекомендуется офицерам не допускать «излишеств» в обучении солдат, учить их больше тому, что требуется в сражении, даются советы, как следует относиться к солдатам. «Чем больше офицер в спокойное время был справедлив и ласков, тем больше на войне подчиненные будут стараться оправдать сии поступки и в глазах его один перед другим отличаться»³.

Как видим, многие положения, выдвинутые в «Наставлении» господам пехотным офицерам в день сражения», содержали передовые для того времени взгляды на тактические правила ведения боя. В нем широко использовался опыт предшествующих войн, многие элементы тактики, развитые А. В. Суворовым и П. А. Румянцевым, их методы обучения и воспитания солдат.

Таким образом, накануне 1812 года русская армия получила ряд важных правил и наставлений, разработанных талантливыми русскими военачальниками. Все это значительно восполнило пробел в боевой подготовке войск, имевшийся вследствие неудовлетворительного содержания воинских уставов того времени или из-за отсутствия их вообще.

В ходе Отечественной войны новые методы ведения боя довольно прочно утвердились в действиях войск. Вместо устаревших линейных боевых порядков, малоподвижных и очень сложных, войска стали широко применять тактику колонн и рассыпного строя. И хотя уставы и наставления по-прежнему предписывали войскам основные положения линейной тактики, они в боевой практике действовали не «по правилам», а широко использовали богатейший опыт, накопленный в многочисленных сражениях.

¹ «Военный сборник», 1902, № 7, с. 242.

² Там же, с. 241.

³ Там же, с. 244.

Яркий тому пример — Бородинская битва.

Войска строились в колонны, занимая позиции на значительную глубину, а не в трехшереножную линию в соответствии с уставными положениями. Умело используя рельеф местности, русская армия опиралась на укрепленные пункты. Сильные узлы сопротивления в районах Шевардино, Бородино, Багратионовых флешей, батареи Раевского и Утицкого кургана являлись опорой боевого порядка. Войска, расположенные на позиции, имели значительные интервалы, а не строились сплошным фронтом, как это требовалось по правилам линейной тактики. Защита позиции в интервалах обеспечивалась тесным огневым взаимодействием между ее опорными пунктами. Такой боевой порядок русской армии стал возможен лишь при условии широкого применения в бою тактики колонн и рассыпного строя.

На Бородинском поле в центре занял позицию 6-й пехотный корпус, за которым встали в боевых порядках полки 3-го кавалерийского корпуса. Впереди основных сил расположились пять егерских полков, рассыпав по кустарнику стрелковую цепь. Следует отметить, что боевой порядок русских войск, занимавших центральный участок позиции, имел в глубину более одного километра. Впереди рассыпался цепью батальон гвардейских егерей, за ним в 200 м два других батальона, построенные в колоннах. А на возвышенности у деревни Горки расположились в две линии батальонных колонн полки 6-го корпуса с артиллерией, за которыми, также в две линии, встала кавалерия. Эти войска построились в таком боевом порядке, который отвечал условиям местности и важности позиции в оборонительном отношении¹.

На левом фланге войска были также построены в несколько линий. Этим М. И. Кутузов значительно усилил оборону позиции на направлении главного удара наполеоновской армии. Участник Бородинского сражения Н. Н. Муравьев отмечал в своих воспоминаниях, что такое глубокое построение войск делало русскую оборону более прочной. По его словам, на левом фланге войска

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1, план сражения при Бородине 26 августа 1812 года (№ 1).

«стояли в шесть и даже семь линий» и поэтому «неприятелю было весьма трудно прорвать наш фронт...»¹.

Кутузов, разместив войска на позиции, оставил сильные резервы пехоты, кавалерии и артиллерии. Придавая им важное значение в предстоящем сражении, он указывал в диспозиции, что «резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден»².

В каком же боевом порядке были построены батальоны на бородинской позиции?

В диспозиции для 1-й и 2-й Западных армий, подписанной Кутузовым перед сражением, конкретно не говорится о построении батальонных колонн пехоты. Там лишь указывается, что «в случае наступательного во время действия движения оное производить в колоннах к атаке...»³. Вместе с тем, обобщая отдельные факты расположения войск, которые сообщают участники Бородинского сражения, можно сделать вывод, что батальоны на бородинской позиции были построены в густые взводные колонны.

По мнению Н. В. Медема, известного теоретика по вопросам стратегии и тактики первой половины XIX века, построение войск в батальонные колонны было выгодно⁴.

Батальон, построенный в густую взводную колонну, располагался следующим образом: все восемь взводов, поставленные каждый в три шеренги, ставились в колонну один за другим. Поэтому батальон, построенный в такую колонну, имел ширину фронта 24 ряда, а глубину — 24 шеренги. Гренадерский и стрелковый взводы располагались соответственно в голове и в хвосте колонны. Густые взводные колонны занимали на позиции небольшое пространство. Они могли быть удобно расположены даже на сильно пересеченной местности⁵.

Кавалерия строилась за пехотой в две линии эскадронных колонн. В первой, как правило, располагались

¹ Записки Н. Н. Муравьева. — «Русский архив», 1885, кн. 3, с. 250.

² М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1, с. 143.

³ Там же.

⁴ Медем Н. В. Тактика, ч. 1. Спб., 1837, с. 23—24.

⁵ Там же.

драгуны, во второй — легкая кавалерия (гусары и уланы).

Таковы были боевые порядки русской армии на Бородинской позиции.

Создав благоприятные условия для свободного маневра крупными силами в условиях сильно пересеченной местности, М. И. Кутузов смог быстро осуществить переброску войск на важнейшие участки.

Так, к 2 часам дня 26 августа почти вся пехота правого фланга была переведена на левый фланг и в центр позиции для подкрепления русских войск, защищавших батарею Раевского, Багратионовы флеши и Утицкий курган.

Кутузов постепенно наращивал силы на важнейших направлениях, вводя в бой войска в то время, когда срочно требовалось укрепить оборону того или иного опорного пункта.

Тактика колонн и рассыпного строя, с успехом применявшаяся русскими войсками в Бородинском сражении, давала возможность создавать отдельные боевые участки с укрепленными опорными пунктами, между которыми существовала тесная огневая связь. Такими пунктами были Багратионовы флеши и батарея Раевского, подвергшиеся ожесточенным атакам. Противник не мог рассчитывать на успех без занятия этих укреплений, так как любая попытка продвинуться вперед в интервалах между ними была обречена на неудачу: его войска оказались бы под уничтожающим фланговым огнем русской артиллерии и пехоты. Именно так произошло с корпусом наполеоновского генерала Латур-Мобура, предпринявшего обход батареи Раевского во время третьей атаки. Противник, не выдержав шквального огня, вынужден был поспешно отступить. В упорной борьбе за эти опорные пункты русской позиции были обескровлены атакующие войска противника. И даже когда ценой тяжелых потерь неприятелю удалось несколько продвинуться вперед, система обороны русской армии не была серьезно нарушена, так как быстро возникали новые опорные пункты, например на высотах деревни Семеновская и за центральным курганом, вокруг которых вновь разгоралась ожесточенная борьба.

Выше отмечалось, что боевой порядок русской армии был построен с учетом основных тактических при-

емов Наполеона. Как и предвидел Кутузов, французский император расположил главные силы — 95 тыс. пехоты и кавалерии — против русского левого фланга. Только 4-й корпус Е. Богарне и 5-й корпус И. Понятовского получили от Наполеона задачу: действиями на флангах способствовать наступлению основных сил армии.

Французские войска были построены колоннами в несколько эшелонов. Наполеон решил осуществить против русской позиции наступление пехотных дивизий, расположенных на значительную глубину. Достаточно сказать, что дивизия генерала Лендрю имела четыре линии (эшелона) батальонных колонн. В связи с этим становится понятным решение Кутузова, поставившего свои войска на левом фланге позиции в несколько линий.

Русская пехота, построенная в батальонные колонны, могла активно действовать против неприятеля даже в тех случаях, когда его войска осуществляли прорыв. Участник Бородинского сражения Ф. Глинка в своих воспоминаниях отмечал высокое совершенство тактических приемов, применявшихся русскими войсками в бою. «Опыт показывает, — писал он, — что линия русская, пробитая, разрезанная, изломанная, все еще держится. В первом периоде сражения несколько конных полков французских вдруг заскакали в тыл 6-му и 7-му корпусам. Линия казалась разорванной, но полки Д. С. Дохтурова и Н. Н. Раевского нисколько не смешались. Им пришла самая простая, естественная мысль: «Неприятель сзади, выворотимся наизнанку, станем бить по передним с передних, по задним с задних фасов». И развернув эти фасы, они открыли такой огонь, что неприятель, неистово опрометчивый в своих наскоках, сам не знал, что с собою делать!»¹

В Бородинском сражении Наполеон не смог добиться успеха. Его испытанные во многих сражениях тактические приемы не дали ожидаемых результатов. Французский император в этой битве встретился с армией, имевшей высокую боевую подготовку и стремление победить врага, во главе которой стояли опытные военачаль-

¹ Глинка Ф. Очерки Бородинского сражения (воспоминания о 1812 годе), ч. 2. М., 1839, с. 10—11.

ники, умело применявшие передовую для того времени тактику ведения боя и вполне совершенные боевые порядки.

В ходе Отечественной войны было немало и других примеров искусных действий русских войск. В сражениях при Тарутино и Малоярославце, в многочисленных боях по изгнанию наполеоновской армии из России проявлялись не только массовый героизм солдат и офицеров, но и высокое их боевое мастерство. Преумножались славные суворовские традиции, широко применялось в боевой практике все лучшее, что было накоплено в предшествующих войнах.

М. И. Кутузов постоянно требовал от военачальников инициативы, умения правильно ориентироваться в сложившейся обстановке. После оставления Москвы, как известно, многие отряды регулярных войск стали действовать методами партизанской борьбы. В этих условиях командиры отрядов получали большую самостоятельность, так как вели бои на значительном расстоянии от главных сил. В одном из таких боев отряд генерал-майора И. С. Дорохова оказался в окружении неприятельских войск. М. И. Кутузов по этому поводу высказал свое недовольство и приказал объяснить командиру отряда, что «партизан никогда в сие положение притти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько ему нужно для накормления людей и лошадей. Марши должен партизан делать скрытные, по малым дорогам. Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оного не выпускать, дабы не можно было дать об нем известия. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом сказать, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим»¹.

В период нахождения русской армии в Тарутинском укрепленном лагере М. И. Кутузов много внимания уделял боевой подготовке войск. В своих приказах главнокомандующий подчеркивал необходимость обучения солдат главным образом «цельной стрельбе», что особенно важно в бою. Он всемерно заботился о боевой выучке пехотинцев, кавалеристов и артиллеристов, тщательно проверял качество поступавшего пополнения.

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1, с. 301.

В Отечественной войне 1812 года ярко проявились способности таких крупных русских военачальников, как М. Б. Барклай-де-Толли, П. И. Багратион, Н. Н. Раевский, А. П. Ермолов, Д. С. Дохтуров, П. П. Коновницын, А. И. Кутайсов, К. Ф. Толь и многие другие. Умело организуя руководство войсками, они внесли значительный вклад в развитие русского военного искусства. В их приказах, инструкциях, наставлениях войскам нашли отражение многие новые тактические положения, сыгравшие важную роль в успешных боевых действиях армии.

В период наступления русские войска наносили крупные удары по отступающему противнику и, несмотря на большие трудности боев в зимних условиях, сохраняли высокие боевые качества.

После упорного сражения при Малоярославце противник был вынужден отступать по разоренной Смоленской дороге. Отходя на запад, неприятель уничтожал все, что встречалось на пути. Это создавало определенные сложности для русской армии, которая перешла к наступательным действиям. Учитывая эти обстоятельства, М. И. Кутузов организовал преследование неприятеля путем параллельного движения, прикрывая южные, не разоренные губернии России. В письме П. Х. Витгенштейну он сообщал, что предполагает нанести Наполеону «величайший вред параллельным движением и, наконец, действовать на его операционную линию...»¹. Основная часть русской армии, наступавшая параллельно отходящим неприятельским войскам, вела активные боевые действия, часто атаковала противника крупными силами. Казачий корпус М. И. Платова, усиленный пехотной дивизией И. Ф. Паскевича, преследовал вражеские войска с тыла, а партизаны действовали на флангах и в голове движения неприятельских колонн. Это было большим достижением русского военного искусства. Гениальность великого полководца особенно ярко проявилась в тот ответственный период войны.

В ходе ожесточенных боев, в которых русские войска умело действовали в самых неожиданных ситуациях, противник нес огромные потери. Крупное поражение армия Наполеона потерпела в сражении под Вязьмой, в котором был разгромлен корпус маршала Даву. А в сра-

¹ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 2, с. 139.

жении под Красным наступающие почти полностью уничтожили корпус маршала Нея. Многочисленные удары по неприятельским войскам наносили партизанские отряды Давыдова, Сеславина, Фигнера, казаки атамана Платова. Войска Милорадовича, шедшие в авангарде армии, своими искусными действиями не раз ставили неприятеля в безвыходное положение.

В боевых схватках с врагом русские войска действовали смело и решительно, используя новые методы ведения борьбы. Широко применялись в наступательном бою колонны к атаке и другие элементы расчлененного боевого порядка. Артиллерия концентрировалась, как правило, на решающих направлениях удара, действовала массированно. Так, в сражении под Красным, на небольшом участке, где ожидалось движение значительных сил корпуса Нея, было сосредоточено против французских войск до 40 орудий. Уничтожающий огонь артиллерии сыграл важную роль в успешном исходе боя. Довершили разгром противника мощная штыковая атака пехоты и стремительный натиск кавалерийских полков. Используя накопленный опыт, многие русские военачальники умело обеспечивали тесное взаимодействие различных родов войск, проявляли широкую инициативу и высокое воинское мастерство.

Таким образом, наряду с другими факторами хорошая боевая подготовка русских войск, активное применение в военных действиях новейших для того времени достижений русского военного искусства, наличие в армии большого числа умелых и храбрых офицеров и генералов — все это решающим образом сказалось на победном исходе Отечественной войны 1812 года.

Глава VI

ВООРУЖЕНИЕ АРМИИ

В рассматриваемый период в русской армии существовало довольно разнообразное стрелковое и холодное оружие.

Рядовые пехотных и гренадерских полков были вооружены кремневыми гладкоствольными ружьями с трехгранным штыком, последний образец которых был утвержден в 1808 году. Унтер-офицеры этих полков одно время имели винтовальные ружья, вначале по 16 на полк, а позже — по 48, остальные же — только алебарды¹. В 1809 году на вооружение всех унтер-офицеров были приняты обычные солдатские ружья. Одно время алебарды имели только фельдфебели. Но в конце 1811 года вооружение алебардами было полностью отменено и все, начиная от рядового до фельдфебеля включительно, носили лишь солдатские ружья со штыками.

В егерских полках рядовые имели ружья егерские. Они отличались от пехотных только тем, что их стволы были несколько короче. Унтер-офицеры и лучшие стрелки вооружались штуцерами с примкнутыми кортиками, по 12 на роту. Последний образец егерского штуцера был введен в 1805 году. Он отличался от обычного солдатского ружья тем, что канал ствола у штуцера имел восемь нарезов, а также особый прицел для стрельбы.

¹ Винтовальное ружье (штуцер) было с нарезным стволом. Первые образцы имели прямые нарезы, впоследствии их стали делать винтовыми. По устройству винтовальные ружья не отличались от гладкоствольных. Алебарда (бердыш) — широкий топор с лезвием в виде полумесяца, насаженный на длинное древко. На конце древка имелось острие в виде наконечника копья.

В него при зарядании с силой забивалась свинцовая пуля, обмотанная промасленной тканью. Поэтому прицельная дальность стрельбы из штуцера была выше, чем из пехотного ружья.

Огнестрельное оружие имела и кавалерия. Кирасирские и драгунские полки были вооружены пистолетами (по два на каждого рядового), штуцерами, подобными егерским (по 16 на эскадрон). Кроме того, кирасиры имели еще карабины, а драгуны — мушкетеры, переименованные в 1810 году в кирасирские и драгунские ружья.

Гусары были вооружены карабинами, мушкетонами (по 16 на эскадрон), предназначавшимися для стрельбы дробью и имевшими в дульной части овальный раструб, и пистолетами (по два на каждого рядового).

Рядовые уланских полков имели по два пистолета. Кроме того, 16 человек, называвшихся карабинерами, были вооружены штуцерами.

В соответствии со штатами того времени предусматривалось «патронов с пулями содержать на каждое ружье по 75, из которых, кроме чрезвычайных случаев, в суммах иметь по 40, а по 35 в ящиках, получая порох и свинец от артиллерии»¹.

Холодное оружие имелось в пехоте и артиллерии — тесаки (у рядовых и унтер-офицеров) и шпаги (у офицеров). Кирасиры и драгуны вооружались палаши (рядовые и офицеры), а гусары — саблями. Пики были только у улан и казаков².

Таким образом, на вооружении в пехоте и кавалерии находилось довольно много различных видов ручного огнестрельного оружия: гладкоствольные пехотные ружья, егерские штуцера, кирасирские, драгунские, гусарские ружья, кавалерийские штуцера, мушкетеры и пистолеты. Однако, несмотря на это разнообразие, огнестрельное оружие, состоявшее на вооружении войск, в принципе было одинаковым — заряжалось с дула и имело кремневый замок.

Стрелковое оружие, имевшееся в русской армии, не уступало по своим боевым качествам подобному оружию западноевропейских армий. Вместе с тем известный исследователь истории русского оружия XIX столетия

¹ ПСЗ, т. 43, ч. 2, кн. штатов, № 23824.

² Габаев Г. С. Роспись русским полкам 1812 года, с. 57—81.

В. Г. Федоров в своем труде отмечает, что действенность выстрелов из огнестрельного оружия, бывшего на вооружении в начале прошлого века, была довольно низкой. Например, вероятность попадания в цель из пехотного ружья: на расстоянии 100 шагов — $\frac{3}{4}$ всех произведенных выстрелов, 200 шагов — $\frac{1}{2}$, 300 шагов — $\frac{1}{4}$ выстрелов; из драгунских и кирасирских ружей: $\frac{3}{4}$ произведенных выстрелов на 80 шагов, $\frac{1}{2}$ — на 160 шагов и $\frac{1}{4}$ — на 240 шагов. При стрельбе из пистолета с лошади на расстоянии более 30 шагов пуля могла попасть в цель только случайно. Несколько выше была эффективность стрельбы из штуцеров. Однако в боевых условиях действенность выстрелов из ручного огнестрельного оружия была еще ниже. В. Г. Федоров утверждает, что при стрельбе из пехотного ружья на расстоянии 100 шагов считалось нормальным явлением, если одна десятая пуль попадет в цель¹.

Наибольшая дальность стрельбы из пехотного ружья была только на 300 шагов. При слабой эффективности выстрелов из этого ружья скорострельность его была также низкой. Дело в том, что процесс заряжания ружья был довольно сложным. Ружейный патрон состоял из бумажной гильзы, заряда пороха и круглой свинцовой пули. Для того чтобы зарядить ружье, стрелок должен был вначале откусить патрон, часть заряда высыпать на полку кремневого замка, остальную часть — в канал ствола. Бумага от патрона использовалась в качестве пыжа, который забивался ударами шомпола. Еще сложнее было зарядить штуцер. Естественно, на всю эту «процедуру» требовалось много времени. Хорошо натренированный стрелок мог сделать один выстрел только за одну или полторы минуты².

Учитывая все эти обстоятельства, войска стали чаще применять не пальбу, а хорошо организованный прицельный огонь, выделяя для этой цели специальных стрелков, действовавших в рассыпном строю и способных вести меткую стрельбу.

Однако в исходе сражения все более значительная роль стала принадлежать артиллерии, как наиболее

¹ Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. Спб., 1911, с. 33.

² Там же, с. 19, 345.

мощному огневому средству, которым располагали войска.

Напомним, что основной тактической единицей в русской полевой артиллерии была рота. Артиллерийские роты подразделялись на батарейные, легкие и конные.

Батерейные роты, как правило, занимали огневую позицию в полевых укреплениях. На вооружении такой роты имелось четыре полупудовых единорога, четыре 12-фунтовых пушки средней пропорции и четыре 12-фунтовых пушки меньшей пропорции.

Легкие роты были более подвижны. Они действовали чаще всего в боевых порядках войск и поддерживали их артиллерийским огнем. Эти роты, так же как и батарейные, имели по 12 орудий: четыре четвертьпудовых единорога и восемь 6-фунтовых пушек.

Конные роты больше использовались в качестве резерва. Имея сравнительно высокую маневренность, они могли быстро выдвигаться на тот или иной участок позиции, в зависимости от хода сражения. В конных ротах также насчитывалось по 12 орудий: шесть четвертьпудовых единорогов и шесть 6-фунтовых пушек.

На каждое орудие во всех ротах полагалось иметь боекомплект из 120 зарядов: 80 — с ядрами или гранатами, 30 — с картечью и 10 — с брандкугелями. Заряды размещались в специальных ящиках и перевозились вместе с орудиями. К полупудовым единорогам и 12-фунтовым пушкам средней пропорции придавалось по три зарядных ящика, четвертьпудовым единорогам, 12-фунтовым пушкам меньшей пропорции и 6-фунтовым пушкам — по два зарядных ящика.

Наиболее тяжелыми орудиями в полевой артиллерии являлись 12-фунтовые пушки средней пропорции. Вес только орудия (без лафета) составлял 50 пудов, а вместе с лафетом и передком — 118 пудов. Его калибр — 4,76 дюйма, вес снаряда — 14 фунтов, а вес заряда — 4 фунта. На каждое орудие полагалась прислуга — 13 человек. Для перевозки 12-фунтовой пушки назначалось 6 лошадей.

В отличие от этих орудий, 12-фунтовые пушки меньшей пропорции были значительно легче. Вес такого орудия составлял 29 пудов, хотя калибр был тот же — 4,76 дюйма. Разница заключалась в длине ствола и толщине его стенок. Пушка имела такой же по весу

снаряд — 14 фунтов, однако заряд ее был значительно меньше — 2,5 фунта. 6-фунтовая пушка имела калибр 3,76 дюйма, вес — 22,5 пуда; стрельба велась 7-фунтовыми снарядами.

Следует отметить, что название того или иного орудия (12-фунтовые, 6-фунтовые, 3-фунтовые) не всегда точно соответствовало весу его снаряда. Нередко были и отклонения в большую или меньшую сторону.

Орудиями типа гаубиц считались единороги¹. Это были наиболее совершенные для того времени орудия, имевшие конические каморы². Устройство подобных камор, как бы сливающихся с каналом ствола, значительно повысило боевые качества единорогов. В сравнении с аналогичной категорией орудий иностранных армий действенность выстрелов из единорогов была значительно выше. Если у последнего начальная скорость полета гранаты была около 1200 фут/сек, то у иностранных гаубиц — 750 фут/сек.

Полупудовый единорог имел калибр 6,1 дюйма. Вес орудийного ствола — 42 пуда. Стрельба из единорогов, как правило, велась разрывными снарядами — гранатами и картечью.

Четвертьпудовые единороги были значительно легче и поэтому более подвижны. Их калибр составлял 4,84 дюйма. Они подразделялись на пешие и конные единороги. Разница заключалась лишь в весе орудий: пешие — 22 пуда, конные — 19,3 пуда. Кроме того, конные единороги обслуживали 14 человек, пешие — 10. Объяснялось это тем, что к орудиям в конных ротах назначалось больше лошадей, чем в пешей артиллерии.

Наиболее легкими орудиями были 3-фунтовые единороги. Эти орудия придавались батарейным ротам, по два на каждую.

В каждой артиллерийской роте имелась полевая кузница. Ее назначение — производить ремонт артиллерий-

¹ Подобного типа орудия появились на вооружении русской армии еще в середине XVIII века. Назывались они тогда шуваловскими единорогами, так как на орудиях имелся герб графа П. И. Шувалова, изображающий мифического зверя — единорога. Гаубица — вид артиллерийского орудия, ствол у которого несколько короче, чем у пушки. Стрельба из этих орудий производилась при значительном угле возвышения.

² Камора — расширенная часть канала орудийного ствола, куда помещался заряд.

ского снаряжения, лафетов зарядных ящиков, ковать лошадей.

Из снарядов, употребляемых в полевой артиллерии, широко использовались ядра, картечь, гранаты, а также зажигательные: брандкугели, каркасы, светящиеся ядра¹.

Уже говорилось, что от веса снарядов получили названия определенные виды артиллерийских орудий, однако это не всегда соответствовало в точности. Дело в том, что в русской артиллерии принято считать 2 дюйма за диаметр однофунтового ядра, т. е. чугунное ядро, имеющее в диаметре 2 дюйма, названо однофунтовым, хотя в действительности оно тяжелее одного фунта. Подобным же образом определялся вес 3-, 6-, 12-фунтовых ядер и т. д.².

Пороховой заряд помещался в так называемом картузе³. Считалось, что этот заряд должен быть не больше чем в одну треть веса ядра.

Процесс заряжания артиллерийского орудия был довольно сложным. Чтобы произвести выстрел из пушки или единорога, вначале банником хорошо очищали канал ствола от пороховой гари, затем засылали в него картуз, в котором находился порох и снаряд, но так, чтобы пороховая часть касалась дна канала или каморы. После этого орудие наводилось с помощью прицела⁴. В отверстие казенной части ствола, называемой за-

¹ Картечный снаряд имел вид жестяного цилиндра с железным поддоном, наполненного чугунными пулями определенного диаметра. Картечь называлась ближней, состоявшей из небольших по размеру пуль, и дальней — из более крупных. Граната отличалась от ядра тем, что имела в середине пустоту, которая заполнялась порохом. Через отверстие вставлялась в гранату деревянная трубка с зажигательным составом. При выстреле граната летела с зажженной трубкой, которая сообщала огонь пороху, находившемуся в ней, и затем взрывалась. Гранаты, весившие пуд и более, назывались бомбами. Брандкугели, каркасы и светящиеся ядра использовались как зажигательные снаряды.

² Основания артиллерийской и понтонной науки, ч. 1. Спб., 1816, с. 121.

³ Картуз имел вид мешка, сделанного из шерстяной ткани.

⁴ В начале XIX столетия применялись прицелы Маркевича (1802 г.), представлявшие собой привинченную к казенной части ствола планку с делениями, вдоль которой двигался щиток с прорезью и указателем. Однако в 1812 году были введены во всей артиллерии прицелы Кабанова, которые были подвесными. Этот прицел являлся более совершенным, так как во всех случаях сохранял вертикальное положение.

травкой, вставлялась скорострельная трубка, и, когда было необходимо произвести выстрел, к ее верхней части — чашечке прикладывался огонь фитиля. Но при заряджании орудий большого калибра порох в картузе и ядро засылались отдельно.

Каждый вид артиллерийских снарядов имел свое назначение. Так, ядрами стреляли из пушек для разрушения различных предметов и укрепленных мест. Кроме того, в сражении они применялись для ведения огня по колоннам войск. Картечь использовалась для стрельбы из пушек и единорогов только по живой силе противника. На расстоянии до 300 сажен¹ вели огонь дальней картечью, при приближении неприятельских войск до 200 сажен — ближней. Считалось, что наибольшие потери войска несут от картечного огня, особенно если из орудий стреляют с близкого расстояния.

Огонь гранатами вели, как правило, из единорогов. Стрельба производилась по наступающим колоннам. Выстрелы были навесными и могли поразить даже цель, защищенную валом или стеной.

Существовало несколько видов зажигательных снарядов: каленые ядра, брандкугели, бомбы, начиненные порохом и зажигательной смесью, и т. д.

При стрельбе из орудий на дальних дистанциях увеличивался угол возвышения ствола: у 12-фунтовых пушек наибольшим был 20 градусов, у 6-фунтовых — 28 градусов. Причем предельное расстояние полета снаряда — 1200—1300 сажен. Из единорогов стреляли гранатами до 1000 сажен при угле возвышения 30 градусов. Однако для прицельного огня ядрами и гранатами наибольшей дистанцией считалось 600 сажен, «действительной» — около 450 сажен и «решительной» — 300 сажен.

В одном из номеров «Артиллерийского журнала» сообщалось о практическом учении, которое проходило на Волковом поле, близ Петербурга, 2 августа 1808 года². В учении принимало участие несколько артиллерийских рот. Стрельбу вели на расстоянии сначала 500, затем 415, 370 и 325 сажен. В сообщении приводятся данные

¹ Сажень — мера измерения, существовавшая до введения метрической системы; 1 сажень — 2,13360 метра.

² «Артиллерийский журнал», 1808, № 4, с. 60—67.

о результатах стрельбы. Из 176 зарядов в цель попало 83, часть снарядов попала в земляной вал. Следовательно, цель поразило около половины снарядов. Значительно ниже были результаты стрельбы картечью. Из 81 выстрела в деревянные щиты попало немногим более 300 пуль. Если учесть, что снаряд дальней картечи имел 40—50 пуль, ближней — 130—150 пуль, то достигло цели около одной десятой произведенных выстрелов. Итоги этих учений были отмечены как положительные¹.

В книге «Основания артиллерийской и понтонной науки» приводятся данные опытных стрельб, проведенных Ученым комитетом по артиллерийской части в 1810 году²: из 6-фунтовой пушки попадало в щит шириной 2 сажени и высотой 6 футов (высота человеческого роста) на расстоянии 300—400 сажен только половина выстреленных ядер; на расстоянии 600 сажен — лишь шестое или седьмое ядро. При стрельбе по цели, отстоящей на расстоянии более 600 сажен, попадание ядра могло быть только случайным. Из 12-фунтовых пушек на расстоянии 750 сажен положительных результатов при удачной стрельбе достигало лишь одно ядро из трех. Сравнительно небольшой процент попадания артиллерийских снарядов являлся следствием значительных отклонений их в ту или иную сторону при стрельбе на дальние дистанции. Так, установлено, что из 6-фунтовой пушки на расстоянии от 150 до 250 сажен половина ядер отклонялась от цели на 5—7 футов, остальные — до 20 футов. В пределах до 500 сажен отклонение ядер резко возрастало: половина из них отклонялась в сторону на 5—6 сажен, а немалая часть и до 20—25 сажен³.

Действенность выстрелов картечью была наиболее эффективна на расстоянии 150—300 сажен. Согласно данным Ученого комитета по артиллерийской части, наилучшие результаты стрельбы картечью по щитам 18×6 футов, например, из 12-фунтовой пушки на расстоянии 300 сажен дальней картечью (в цель попало менее половины пуль) и 150 сажен — ближней картечью (в цель попало около трети пуль). Примерно такие

¹ «Артиллерийский журнал», 1808, № 4, с. 67—68.

² Основания артиллерийской и понтонной науки, ч. 2. Спб., 1816, с. 48—58.

³ Там же.

же показатели при стрельбе картечью и других орудий¹.

Естественно, что в боевых условиях вероятность попадания при стрельбе из орудий была значительно меньшей.

Из опытов Ученого комитета по артиллерийской части можно сделать заключение и о пробивной силе артиллерийских снарядов. Так, при стрельбе из 6-фунтовой пушки на расстоянии 400 сажен земляной вал только что сооруженного укрепления ядро пробивало на глубину 6,5 фута, а из 12-фунтовой — на 7 футов. Деревянный сруб толщиной 2 фута 10 дюймов с расстояния 425 шагов 6-фунтовая пушка пробивала на 1 фут 9 дюймов, а 12-фунтовая — насквозь. Значительные разрушения приносила стрельба гранатами. Последние при выстреле глубоко врезались в землю и взрывом сильно разрушали укрепления. Стрельба по неприятельским войскам гранатами велась, как правило, под небольшим углом, так чтобы «они не врывались в землю и черепья при разрыве их лучше бы разлетались в стороны»².

Таковы некоторые данные о боевых свойствах русской полевой артиллерии в начале прошлого столетия.

Кроме артиллерии полевой существовала еще артиллерия осадная и гарнизонная (крепостная).

Осадная артиллерия предназначалась для взятия крепостей, и поэтому ее орудия были намного тяжелее, чем полевые. Они предназначались для разрушения крепостных стен, различных построек и других долговременных укреплений. К разряду осадных орудий относились 24- и 18-фунтовые пушки, а также 12-фунтовые пушки большой пропорции, пудовые единороги, 5- и 2-пудовые мортиры³. Кроме того, в составе осадной артиллерии имелись 6-фунтовые кагорновые мортирцы.

Орудия осадной артиллерии постоянно хранились в арсеналах. Они использовались в боевых действиях лишь тогда, когда в них возникала потребность. Поэтому осад-

¹ «Артиллерийский журнал», 1811, № 1, с. 73—77.

² Основания артиллерийской и понтонной науки, ч. 2, с. 53—55.

³ Там же, ч. 1, с. 52.

Мортира — вид артиллерийского орудия с коротким стволом для стрельбы по закрытым целям. Орудие применялось главным образом при осаде крепостей.

ная артиллерия не имела такой четкой организации, как, например, полевая артиллерия. В 1803 году по указу царя полагалось иметь «осадной артиллерии 180 орудий, в том числе 30 единорогов пудовых; 60 пушек 24-фунтовых, 50 пушек 18-фунтовых и 12-фунтовых большой пропорции; 20 мортир 5-ти и 20 же двухпудовых; сии орудия до надобности их употребления хранить в арсеналах: С.-Петербургском, Рижском, Киевском и Херсонском. А о принадлежностях, фураже, обозе, лошадей и о всем прочем, для движения их потребном... при генеральном сочинении табелей представить особое положение»¹.

Однако никакого положения по этому поводу принято не было. Поэтому и в дальнейшем роты осадной артиллерии формировались в зависимости от степени потребности в них. Постоянной орудийной прислуги у них не имелось. К осадным орудиям назначалась прислуга из состава батарейных и легких рот полевой артиллерии, чаще из резервных артиллерийских бригад.

Накануне войны 1812 года было решено сформировать 2 роты осадной артиллерии в Петербурге, по одной — в Риге, Киеве и Тирасполе, всего 5 рот.

До 1809 года гарнизонная (крепостная) артиллерия состояла из различного рода команд, нескольких рот, не имевших определенного состава. Формировались подобные артиллерийские команды в зависимости от обстоятельств.

В ноябре 1809 года военный министр генерал А. А. Аракчеев направил доклад царю о необходимости преобразования артиллерийских гарнизонов. В докладе говорилось о том, что артиллерийские гарнизоны должны образом не оборудованы, многие крепости числятся только на бумаге². Исходя из этого предлагалось «по примеру армейских гарнизонов, соображаясь с местным положением крепостей, а также и дороговизною, какая в некоторых местах существует... содержать гарнизонных артиллерийских рот на полевом содержании — 46, внутреннем — 23, лабораторных на полевом — 4, всего 73 роты»³.

¹ ПСЗ, т. 43, ч. 2, кн. штатов, № 20672.

² ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 2150, л. 1.

³ Там же, л. 2.

Гарнизонные роты были расположены во всех крепостях, а также «в местах хотя неукрепленных, но содержащих в себе запасы артиллерийские и на пороховых заводах». Лабораторные же роты — в Петербурге и Москве — по одной; в Вильно и Несвиже — одна; Киеве и Полонном — одна¹.

Вводилось единое командование гарнизонной артиллерии. В докладе военного министра говорилось: «Для содержания в современной исправности крепостной артиллерии и всего артиллерийского имущества и для строгой за противное тому ответственности — ввести артиллерийских чинов в крепостях и других местах... подчинив командирам как хозяевам в полную команду артиллерийские гарнизонные роты, парки, гарнизонные арсеналы, орудия и, словом, все то, что по части артиллерийской находится там будет»².

Все 62 крепости были разделены на 10 «департаментов», или округов.

Материальная часть крепостной артиллерии была очень разнообразна. Орудия в ней были представлены всех видов и калибров. Они подразделялись на орудия большой пропорции — 36-, 30-, 24-, 18-фунтовые пушки, 5- и 2-пудовые мортиры и однопудовые единороги; средней пропорции — 12-, 6-фунтовые пушки и полупудовые единороги; и меньшей пропорции — 3-фунтовые пушки, фальконеты и мортирцы³. Если в полевой артиллерии орудия изготавливались из сплава меди с оловом (в соотношении десять к одному), то крепостные орудия отливались из чугуна. Делалось это потому, что чугун как металл был значительно дешевле. А если учесть, что для вооружения крепостей требовалось значительно больше артиллерийских орудий, чем в полевой армии, к тому же они редко перемещались, то изготовление этих орудий из чугуна было вполне оправданным.

По данным «генеральной ведомости», датированной мартом 1810 года, непосредственно в крепостях имелось 2775 орудий разных калибров⁴.

¹ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 2150, л. 2.

² Там же, л. 3.

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и связи (далее — Архив ВИМАИВС), ф. 3. (Материалы артиллерийского департамента военного министерства), 1810, оп. «Крепостное», д. 3324, л. 41.

⁴ Архив ВИМАИВС, ф. 3, оп. «Крепостное», д. 3324, л. 41.

«Генеральная ведомость» о числе орудий в крепостях была подготовлена в связи с осуществлением вышеуказанных мероприятий со стороны военного ведомства, направленных на усиление боеспособности артиллерийских гарнизонов, их вооружения.

Для принятия подобных мер были серьезные основания. Дело в том, что в большинстве крепостей состояние артиллерии было довольно запущенным. Так, согласно ведомости 1808 года, в артиллерийских командах, расположенных в крепостях, имелось 2261 орудие «старого литья», из них «к действию сомнительных» — 605 орудий¹.

Поэтому «для содержания в совершенной исправности крепостной артиллерии» и были введены, как отмечалось выше, «артиллерийские чины», в подчинение которых входили все артиллерийские службы, находящиеся в крепости.

В конечном счете все эти меры сыграли определенную роль в целях лучшей организации артиллерийских гарнизонов, повышения боевых качеств крепостной артиллерии.

Однако следует отметить, что к началу прошлого столетия роль крепостей для обороны страны стала заметно падать. Они уже не имели столь решающего значения в условиях боевых действий тех времен, когда резко расширился театр войны, когда участие в ней стали принимать огромные массы войск. Скорее они могли служить опорными пунктами обороняющимся войскам на тех или иных направлениях наступления противника. Кроме того, в крепостях сосредоточивались значительные запасы вооружения, боевых припасов, продовольствия и фуража.

В период подготовки к войне с наполеоновской армией русское правительство было поставлено перед необходимостью укрепить районы, прилегающие к западным границам страны. Однако отсутствие определенного плана войны, ошибочное представление о возможных действиях противника и надежда на то, что сражаться с Наполеоном придется только за пределами страны, привели к тому, что до последнего времени вопросам усиления существующих крепостей и строительству но-

¹ Архив ВИМАИВС, ф. 3, оп. «Крепостное», д. 3576, л. 55.

вых уделялось крайне мало внимания. Накануне войны на таком важнейшем стратегическом направлении, как московское, была построена лишь одна крепость — Бобруйская. Завершалось строительство Динабургской крепости (в Даугавпилсе). Роль этих крепостей в боевых действиях начала войны, по существу, сводилась на нет принятием Александром I так называемого плана Пфуля. В нем вообще не предусматривалось использование крепостей как опорных пунктов в обороне западных районов страны. В ходе военных действий 1812 года, если не считать обороны Смоленска, крепости так и не сыграли сколько-нибудь значительной роли.

Вооружение русской армии в Отечественной войне 1812 года, как отмечалось, вполне отвечало уровню того времени. Накануне войны были введены новые образцы солдатских ружей, штуцеров, карабинов. Постоянно совершенствовалась техника их изготовления. Ряд изменений был внесен в устройство артиллерийских орудий, лафетов, зарядных ящиков и снарядов, осуществлялись меры по повышению боевых качеств пороха.

Во всем этом важная роль принадлежала Ученому комитету по артиллерийской части, образованному в 1808 году. До создания подобного комитета различными вопросами артиллерийской техники занимались временные комиссии, созываемые по тем или иным вопросам. Состав этих комиссий был не постоянным, часто случайным. Так, в 1803 году инспектор всей артиллерии А. И. Корсаков приказывал: «Для рассмотрения в свойстве вылитого на партикулярном Демидова заводе чугунного 8-фунтового с медным каналом единорога предписано от меня г. г. артиллерийскому генералитету и штаб-офицерам, здесь находящимся, собраться в артиллерийской экспедиции...»¹

В том же году А. А. Аракчеев, назначенный перед этим инспектором всей артиллерии, поручил артиллерийской экспедиции «положение артиллерийских орудиев с их упряжью и запасными вещами определять не одним заключением присутствующих членов в артиллерийской экспедиции, но отдавать на заключение и одобрение слу-

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, с. 405.

жащих в полках и батальонах артиллерийских генералов и штаб-офицеров»¹.

В 1804 году для рассмотрения предложений директора Олоневского и Луганского заводов Г. Гасконья «Об уменьшении пропорций чугунных орудий гарнизонной артиллерии» был создан Временный артиллерийский комитет. В его состав вошли генерал-майоры В. Ф. Берх, И. Ф. Касперский, подполковник А. И. Маркевич, майор В. К. Плотто и несколько чиновников артиллерийской экспедиции. Кроме предложения Гасконья Временный артиллерийский комитет занимался испытанием орудий усовершенствованной конструкции, рассмотрением пушки и мортиры нового изобретения, отдельных приспособлений к орудиям и т. д.

В 1808 году Временный артиллерийский комитет был переименован в Ученый комитет по артиллерийской части, утвержден штат и положение о составе и характере деятельности комитета.

В положении об Ученом комитете по артиллерийской части отмечалось, что «главнейший предмет занятий комитета есть изыскивание всех способов к доведению до возможного усовершенствования всех до артиллерийского искусства относящихся предметов как со стороны теории, так и со стороны практики»². В связи с этим комитету поручалось рассматривать «рассылаемые по арсеналам и заводам чертежи орудиям, снарядам и прочим артиллерийским принадлежностям, и ежели за полезное признать в оных сделать какие отмены, представлять о том генерал-инспектору всей артиллерии»³. Комитет также следил за характером лагерных учений личного состава артиллерийских рот и высказывал свои замечания, рассматривал «всякие прожекты, до артиллерии касающиеся», делал «по оным подробные опыты», представлял «о полезности оных свое мнение генерал-инспектору всей артиллерии», объявлял «через ведомости, каковыми оные прожекты по исследовании оказались»⁴.

Важной частью в деятельности Ученого комитета являлось проведение экзаменов «всем к производству по

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, с. 405.

² ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 1701, л. 30.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 31.

артиллерии представляемым юнкерам и фейерверкерам»¹. Кроме того, комитету поручалось издавать журнал для артиллерийских офицеров.

В заключение в положении указывалось, что «все дела, суждению комитета подвергаемые, должен комитет рассматривать на основании правил артиллерийской науки, без всякого пристрастия...»².

Ученому комитету по артиллерийской части разрешалось иметь библиотеку «из лучших до военного искусства относящихся книг» и свою типографию³.

Создание комитета способствовало определенному прогрессу в совершенствовании артиллерийского и оружейного дела, развитию научно-технической мысли в этой области. Членам Ученого комитета приходилось рассматривать множество различных предложений по технологии производства, отдельных видов вооружения, давать оценку всевозможным изобретениям, высказывать свои соображения о целесообразности тех или иных нововведений.

Так, Ученый комитет по артиллерийской части провел многочисленные опыты по поводу предложения Г. Гасконья об укорочении и облегчении крепостных орудий. В своем заключении комитет обосновал несостоятельность этого предложения. В нем отмечалось: «Мысль его (Г. Гасконья), что не от заряда прибавляется сопротивление, на которое из пушек ядра бросать можно, но оно более зависит от тяжести бросаемых тел и от уменьшения зазора, должно принять за не хорошо изъясненную...»⁴. По мнению же комитета, «пороховой заряд и есть главнейшая и деятельнейшая причина, полет ядра производящая, а тяжесть ядра и малой зазор суть вспомогательные лишь причины, пособляющие пороховому заряду лучшим успехом произвести действие свое на ядро»⁵.

Отвечая на ряд доводов Г. Гасконья о том, что сокращение длины орудия и толщины стенок ствола дает экономию металла и облегчает перевозку этих орудий в крепости, Ученый комитет пришел к выводу, что «обе

¹ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 1701, л. 31.

² Там же.

³ Там же, л. 36.

⁴ «Артиллерийский журнал», 1810, № 1, с. 86.

⁵ Там же.

«сии выгоды», при «исследовании, оказываются мнимыми»¹. Если, по мнению комитета, «тяжесть орудия, которая в полевой артиллерии есть неудобство весьма важное потому, что она препятствует скорому движению оной, в крепостной артиллерии, напротив того, за неудобство почти и считать не должно...»². И далее отмечается, что в крепостной артиллерии «вместо неудобства тяжесть орудия (разумеется, не излишняя) доставляет две выгоды: 1) сильнейшие и дальнейшие выстрелы через большой упор, который пороховая жидкость в тяжелом орудии встречает, и 2) меньший откат орудия, что при нешироком валганге иногда составляет предмет весьма важный. Сверх сего с большею тяжестью орудия сопряжена и большая длина оного, которая также весьма сильное влияние имеет на дальность выстрелов и при том лучше сберегает щеки амбразурные: два обстоятельства, которые при крепостной артиллерии никак из виду упускать не должно»³.

Несколько раньше, в феврале 1807 года, Временный артиллерийский комитет рассматривал «проект» часового мастера Гамеда. Он считал, что его изобретение придаст «обыкновенным пушкам, ружьям и пистолетам... свойство производить выстрелы, вдвое дальнейшие против нынешних, не рассматривая при том внутренней их конструкции»⁴. Одновременно Ученый комитет получил задание произвести «надлежащий опыт» в связи с предложением «тульского оружейника Медведева, проектировавшего усовершенствовать выстрелы нынешних ружей»⁵.

В апреле 1807 года комитет доложил генерал-инспектору всей артиллерии, что изобретение часового мастера Гамеда не дает никакого существенного преимущества «приготовленным по оному огнестрельным орудиям». И если при этом достигалась несколько большая дальность полета пули, то вследствие «не соразмерной неверности выстрелов... пользы от них ожидать не можно»⁶. «Способ же исправления оружейника Медведева

¹ «Артиллерийский журнал», 1810, № 1, с. 90.

² Там же.

³ Там же, с. 90—91.

⁴ Там же, № 2, с. 63—65.

⁵ Там же, № 1, с. 67.

⁶ Там же, № 2, с. 68, 73.

сам по себе гораздо дельнее и основательнее Гамедова прожекта и заслуживает введен быть при оружейных заводах...»¹

В заключение комитет отметил, что «оружейник Медведев имеет основательные сведения о ремесле своем и что многие из его мыслей о улучшении оружейных работ на заводах с пользою бы в действо употреблены быть могли. Часовой же мастер Гамед, напротив того, не токмо что никакого понятия ни об огнестрельном оружии, ни о действиях оного не имеет, но и сам признается, что он от роду не стреливал...»²

С «изобретениями» типа «Гамедова прожекта» Ученому комитету приходилось сталкиваться нередко. Часто технически неграмотные предложения по усовершенствованию оружия являлись предметом многочисленных опытов, исследований, отнимавших очень много времени. В военном ведомстве с пристрастием относились ко всевозможного рода «прожектам» иностранцев, среди которых было немало авантюристов, требовавших, как и часовщик Гамед, «монаршей щедроты».

Важнейшим предметом в деятельности Ученого комитета по артиллерийской части было рассмотрение преимуществ новых образцов вооружения.

Так, по предписанию военного министра в 1808 году комитет изучил боевые качества новых тульских ружей, винтовки, штуцера и пистолета. Опыты над новыми видами оружия производились в сравнении с иностранными образцами.

Выводы членов комитета представляли значительную ценность для последующего усовершенствования русского стрелкового оружия. В своем рапорте военному министру Ученый комитет сообщил: «Опыты сии охотно с теориею доказали, что ружья, которые длиннее и калибром больше, сильнейшие и, следовательно, дальнейшие выстрелы производят...»³

Далее комитет отмечал, что в результате исследований «из всех сил испытанных ружей преимущество имеет ныне в армии употребляемое тульское с английским, за ним следуют французские, а потом новые тульские...»⁴.

¹ «Артиллерийский журнал», 1810, № 2, с. 74.

² Там же.

³ Там же, с. 48—49.

⁴ Там же, с. 49.

Что касается винтовок, штуцеров и пистолетов, то, по мнению комитета, они «в действии почти равны между собою...»¹.

Новый образец тульского ружья вследствие уменьшения калибра был по весу значительно легче существовавшего. Однако боевые его качества не только не улучшились, но стали несколько хуже, и «ныне употребляемое тульское ружье и английское, несмотря на то, что заряд их, по соразмерности веса пуль, был меньше всех прочих, сохранили преимущество перед оными»². По мнению комитета, «малое облегчение тремя с четвертью фунтами нового тульского ружья, против ныне употребляемого, не признает достаточным вознаграждением за потерянную, против ныне употребляемого, силу выстрелов; ибо фунта три больше или меньше в ружье для солдата большой разницы не делают, а, напротив того, ежели неприятель, имея ружья большего против нашего калибра, будет с дальнейшего расстояния с большею силою и верностью стрелять по нем, да к тому же еще и большими пулями, то скоро почувствует он, сколь дорого заплачено за малое сие облегчение ружья и за мнимую экономию в порохе и свинце»³, уменьшение пороха и свинца на счет силы и верности выстрела.

Конструкция новых образцов винтовок, штуцеров и пистолетов, по заключению членов комитета, не дает «в действии» особых преимуществ по сравнению с прежней. У нового штуцера ствол был сделан несколько длиннее старого. Внесен и ряд других небольших конструктивных изменений. Однако отмечались и некоторые недостатки этого образца. В частности, винтовальные нарезки давали возможность свободно доставлять свинцовую пулю в ствол, подобно тому как и в ружье. Это обстоятельство снижало эффективность выстрела. С точки зрения комитета, «силою же вгонять пули в винтовки и штуцера необходимо должно, ибо без того были бы они по вышеописанной причине хуже всякого ружья»⁴.

Как на достоинство новых образцов оружия в рапорте указывалось на более качественную их отделку. «Жела-

¹ «Артиллерийский журнал», 1810, № 2, с. 49.

² Там же, № 3, с. 50.

³ Там же, с. 51—52.

⁴ Там же, с. 54.

тельно, чтобы вообще более старания приложено было к исправнейшему отделяванию всякого оружия»¹.

Ученый комитет провел множество опытов для определения боевых качеств нового образца картечных снарядов.

Существовавший в то время картечный снаряд имел два вида. Один из таких снарядов представлял собой жестяной цилиндр с деревянным поддоном, в который насыпали свинцовые, а позже чугунные пули, заполняя промежутки деревянными опилками. Такая картечь называлась насыпной. Другой вид картечного снаряда состоял из холстинного мешка, обтянутого вокруг деревянного поддона, в центре которого имелся стержень. Вокруг этого стержня укладывались в мешке более крупные чугунные пули. Затем мешок обвязывали и засмаливали. Такая картечь носила название вязаной².

Упомянутые картечные снаряды не были эффективны. Выстрелы такой картечью имели действенность на дистанции не более 200 сажен.

В целях значительного улучшения устройства подобных снарядов, прежде всего для увеличения расстояния эффективной стрельбы и пробивной силы картечных пуль, предлагалось много способов сделать их более совершенными.

Наилучшим из них, по мнению комитета, был снаряд с жестяным цилиндром и железным поддоном. Для того чтобы картечные пули плотно в них укладывались, члены Ученого комитета рассчитали их диаметр и число, необходимое для полного заполнения этого цилиндра³.

Новый вид картечи был испытан в 1807 году. В «Артиллерийском журнале» давалась «Таблица сравнительным выстрелам картечью с деревянным и картечью с железным поддоном»⁴. Из 12-фунтовой пушки средней пропорции стрельба велась дальней картечью на расстоянии 400, 350, 300 сажен. В результате выстрелы картечью с деревянным поддоном по установленным щитам не произвели никакого действия. Картечь же с желез-

¹ «Артиллерийский журнал», 1810, № 3, с. 52.

² Там же, № 1, с. 70.

³ Там же, с. 80.

⁴ «Артиллерийский журнал», 1811, № 1, с. 82—86.

ными поддонами оказалась более эффективной. На расстоянии 400 сажен попала в цель $\frac{1}{4}$ пуль, 350 — $\frac{1}{5}$ часть пуль и 300 сажен—почти половина¹. Показатели стрельбы из орудия другого калибра ближней и дальней картечью также свидетельствовали о значительно большей эффективности нового вида картечного снаряда. Пробивная сила картечных пуль этого вида оказалась втрое выше, чем картечи с деревянным поддоном². Многочисленные опытные стрельбы дали возможность Ученому комитету исследовать вопрос о том, какой целесообразнее всего иметь пороховой заряд, угол возвышения орудия при стрельбе. Вполне естественно, что материалы комитета оказывали действительную помощь русским артиллеристам, чтобы достичь наибольшей эффективности орудийных выстрелов.

Представляют значительный интерес акты и записи в журнале Ученого комитета в связи с рассмотрением им нового устройства прицела к артиллерийским орудиям, изобретенного подполковником Кабановым в 1809 году³.

Употребляемое до этого прицельное приспособление привинчивалось к орудию, и поэтому правильность его наводки можно было обеспечить лишь тогда, когда орудие находилось в горизонтальной плоскости. Малейший наклон орудия создавал серьезные трудности для верного прицеливания.

Проблема создания более совершенного артиллерийского прицела существовала не только в русской армии. Конструировались различные устройства подвижных прицелов, которые могли бы учитывать степень наклона стоящего орудия. Так, в Швеции прицел имел подвижную планку, которая могла приводиться в вертикальное положение посредством ватерпаса. Однако подобное устройство было довольно сложным и вызывало целый ряд неудобств.

Из предложенных подполковником Кабановым двух подвижных диоптров (прицелов) более удачным оказался так называемый висячий прицел. Он был прост в устройстве и удобен в применении. Висячая часть прицела

¹ «Артиллерийский журнал», 1811, № 1, с. 82—86.

² Там же, с. 87.

³ Там же, с. 69—94.

обеспечивала его вертикальность и вместе с тем давала исходные данные для правильной наводки орудия¹.

Однако новая конструкция прицела получила официальное признание лишь в начале 1812 года. По существу, накануне войны Александр I распорядился ввести в артиллерии диоптры подполковника Кабанова. Способ прицеливания, изобретенный Кабановым, был признан «весьма полезным». Инспектор всей артиллерии генерал П. И. Меллер-Закомельский приказал немедленно ввести «оной в употребление во всей артиллерии»².

Для изготовления диоптров Кабанова были привлечены арсеналы Москвы, Брянска, Петербурга и Киева. Кроме того, в целях скорейшего их внедрения в артиллерии поручалось каждой артиллерийской роте приступить к изготовлению новых прицелов своими силами.

Круг вопросов, которыми занимался Ученый комитет по артиллерийской части, был довольно широким. В 1808 году члены комитета разработали «Инструкцию для приема артиллерийских орудий», в которой подробно излагалось, на что следует обращать внимание при определении качества изготовленных орудий. При этом требования, которые предъявлялись при приемке орудий, были весьма высокими. Особое внимание уделялось точному размеру диаметра канала орудия. Канал с минимальным отклонением от нормы считался непригодным.

Ученый комитет одобрил способ отливки свинцовых пуль, «изобретенный фабрикантом Грейсоном», при осуществлении которого «вместо теряемых ныне при отливании пуль на угар по 1 1/4 фунта свинцу, терялось не более 3/8 фунта с пуда»³. Было приказано военной коллегией «мнение Ученого комитета разослать во все полки, гарнизоны, рекрутские депо и особенно в артиллерийскую экспедицию для повсеместного введения означенного средства при отливке пуль»⁴.

¹ «Артиллерийский журнал», 1811, № 6, с. 77.

² Архив ВИМАИВС, ф. 3 (Материалы артиллерийского департамента военного министерства), 1812, оп. 9 «Арсенальная», д. 2287, л. 6.

³ ПСЗ, т. 30, № 24009. Указ военной коллегии с приложением выписки из рапорта Ученого комитета по артиллерийской части.

⁴ Там же.

Ученый комитет высказал также свое мнение по поводу введения нового образца пехотного ружья, об изобретении механиком Бахом бумажных чашечек для скорострельных трубок, о новом ружейном замке и т. д.

Таким образом, с образованием Ученого комитета по артиллерийской части вопросы дальнейшего совершенствования стрелкового и артиллерийского вооружения, а также улучшения технологии производства оружия и боеприпасов стали рассматриваться более квалифицированно. Появилась система в этой работе. Многие предложения комитета сыграли важную роль в повышении боевых качеств русского оружия, что особенно было важно накануне Отечественной войны 1812 года.

Вместе с тем ряд ценных изобретений, предложений по усовершенствованию отдельных видов оружия, одобренных комитетом, длительное время не внедрялся в производство. Нередко проходили годы, прежде чем то или иное нововведение получало заключение царя «быть по сему». Существовавший в то время порядок прохождения по инстанциям военного ведомства различных, зачастую важных дел, в том числе и материалов Ученого комитета, серьезно затруднял возможность быстрого, оперативного решения вопросов, имевших нередко большое значение для повышения боевых качеств оружия.

К началу войны 1812 года русская армия была в основном обеспечена оружием и боеприпасами. К тому времени технико-экономическое отставание России от развитых европейских государств не было столь ярко выражено, как, например, перед Крымской войной.

Следует также иметь в виду, что уровень военной техники на протяжении многих десятилетий мало изменился. Характер вооружения войск в большинстве армий оставался прежним. Вносились лишь некоторые частные нововведения в устройство артиллерийского и стрелкового оружия, в технологию его производства. В результате Россия с ее сравнительно отсталой промышленностью сумела развить военное производство до такой степени, чтобы удовлетворить потребности армии в вооружении.

Изготовление орудий, снарядов, ружей и пороха в начале XIX века было сосредоточено в основном на казенных заводах. Характерным было для этих предприятий значительное число рабочих, сравнительно высокий уро-

вень технического оснащения и законченность производственного цикла. На одном и том же заводе нередко можно было видеть металлургию, металлообработку и заготовку сырья. В качестве рабочей силы широко использовались крепостные, отданные помещиками в счет рекрутских наборов.

Основными заводами, расположенными на северо-западе страны, были Александровский пушечный, Кончезерский, Кронштадтский и С.-Петербургские литейные.

В южной части России для снабжения оружием черноморских крепостей имелся Луганский завод. С 1805 года он производил не только снаряды, но и орудия¹.

На Урале производством вооружения и боеприпасов занимались главным образом частные предприятия. Казенные заводы здесь были маломощны.

Изготовлением стрелкового оружия занимались также Тульский, Сестрорецкий и Ижевский оружейные заводы.

В связи с подготовкой к войне правительство принимает ряд мер для максимального обеспечения армии и крепостей необходимым количеством орудий и боеприпасов. Была выработана программа по производству вооружения, согласно которой следовало изготовить в ближайшие два года орудий и снарядов 1,5 млн. пудов, в то время как казенная промышленность могла приготовить за год лишь около 320 тыс. пудов². Поэтому было решено привлечь к производству вооружения частные заводы. Но их владельцы всячески стремились уклониться от выполнения казенных заказов. Дело в том, что на частных предприятиях не было необходимых условий для производства артиллерийской продукции. Прежде всего, они не имели чугуна, годного для изготовления орудий и снарядов, у них отсутствовали мастера нужной квалификации.

Учитывая эти обстоятельства, правительство несколько повысило цены на выполненные работы по нарядам военного ведомства, рекомендовало казенным заводам

¹ Сперанский В. Н. Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812—1814 годах. Кандидатская диссертация. Горьковский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 1967, с. 43.

² Там же, с. 241.

взять на себя обучение мастеров с частных предприятий. Вместе с тем владельцы таких заводов обязаны были выполнять заказы на изготовление орудий и снарядов в принудительном порядке.

Наиболее значительный объем продукции из казенных предприятий давал Александровский государственный завод, который производил литье орудий из металла, получаемого из своих домен, а также из доменных печей Кончезерского и Кронштадтского заводов. Его среднегодовая выплавка составляла около 170 тыс. пудов. Изготовлением снарядов занимались Кронштадтский и Петербургский заводы. В каждом из них ежегодное производство доходило до 50—60 тыс. пудов. Примерно столько же изготавливали орудий и снарядов Луганский и Брянский заводы.

Значительное место в производстве артиллерийской продукции занимали уральские заводы. Наиболее крупными из них были Каменский, Екатеринбургский и Златоустовский литейные заводы. На 1812 год только частные заводы получили заказ для изготовления более 180 тыс. пудов снарядов. Однако выполнение правительственных заказов на частных предприятиях осуществлялось с трудом. Дело в том, что они не были подготовлены к производству такой продукции, оказалась несовершенной технология ее изготовления. Число забракованных снарядов достигало $\frac{3}{4}$ всех отливаемых. Все это привело к тому, что наряды зачастую не выполнялись, хотя правительство пошло на уступки и значительно сократило объем производства на 1812 год.

В итоге намеченная программа по обеспечению армии и крепостей артиллерийским вооружением была выполнена не полностью. Поэтому значительная часть намеченных работ проводилась на казенных заводах, особенно центра и юга страны, которые дали почти половину всех производимых для армии орудий.

Здесь следует также сказать о важной роли, которую сыграли арсеналы в изготовлении артиллерийской продукции.

В канун войны с Наполеоном отливкой артиллерийских орудий занимались два арсенала: Петербургский и Брянский. Как правило, их продукция шла для обеспечения артиллерией полевой армии. Если на казенных и частных литейных заводах основное место занимало

литье чугунных орудий, используемых главным образом для вооружения крепостей, то арсеналы отливали орудия медные, более высокого качества, которые назначались для пополнения ими артиллерийских бригад. Так, Петербургский и Брянский арсеналы за шесть лет (1807—1812 гг.) изготовили 1384 полковых, полевых и осадных орудия¹. Кроме того, арсеналы изготавливали также большое количество лафетов, зарядных ящиков, передков, запасных колес к лафетам и зарядным ящикам, оборудование походных кузниц².

Таким образом, производство орудий, боеприпасов и другой артиллерийской продукции значительно усилилось накануне войны 1812 года, что дало возможность обеспечить артиллерийские бригады и крепости необходимым вооружением.

Несколько иначе обстояло дело с производством и обеспечением армии стрелковым оружием. В 1810 году в арсеналах и на оружейных заводах имелось годных ружей пехотных 162 702, ружей кирасирских — 2766, ружей драгунских — 3549, карабинов гусарских — 6911 и пистолетов — 3956. Кроме того, в запасе находилось значительное количество холодного оружия — тесаков, сабель, палашей и т. д.³.

Однако этого оружия было недостаточно, чтобы обеспечить им вновь формируемые полки и создать необходимый запас на время войны. После реконструкции Тульский оружейный завод значительно увеличил производство и в 1810 году дал 95 944 ружья. На 1812 год этому заводу была установлена программа в 144 тыс. ружей. Сестрорецкий завод был менее мощным. В 1811 году он изготовил 10 032 пехотных ружья. Вступивший в строй в 1810 году Ижевский завод достиг к началу войны по производству ружей примерно такого же уровня.

Кроме оружейных заводов изготовлением ружей занимался Петербургский арсенал. В 1810—1812 годах им было сделано 12 102 новых ружья. Большое количество стрелкового оружия ремонтировалось в арсенальных ма-

¹ Архив ВИМАИВС, ф. 3 (Материалы артиллерийского департамента военного министерства), оп. 9 «Арсенальная», д. 2307, л. 8.

² Там же, л. 42—44.

³ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА, т. 1, ч. 2, отд. 1. Спб., 1900, с. 22—23.

стерских. Однако и этого было недостаточно. Русское правительство пыталось восполнить недостающее число ружей путем закупки их за границей. Так, в 1812 году оно закупило 50 тыс. английских ружей. Широко использовалось и трофейное оружие.

Накануне войны арсеналы и оружейные заводы отправили в войска для вновь формируемых полков и пополнения армии 347 250 ружей. В итоге на 10 июля 1812 года там осталось 24 215 ружей, из них более 7 тыс. австрийских ружей, находившихся в Киевском арсенале, оказались совершенно негодными.

Таким образом, принятые меры дали определенные результаты. Количество стрелкового оружия, необходимого для укомплектования армии, оказалось достаточным. Но создать запасы оружия на период войны так и не удалось. Чтобы как-то пополнить свои, по существу, пустые склады, военное министерство предпринимает меры по сбору оружия, где это представляется возможным. 10 июня 1812 года было отдано распоряжение об изъятии ружей «исправных починкою» в уездных командах Петербургской губернии. Предпринимались и другие меры для приобретения стрелкового оружия.

Однако уже в самом начале войны военное ведомство встретилось с серьезными трудностями в обеспечении армии стрелковым оружием. Оно не сумело выделить нужное количество ружей для ополченских формирований. В результате участвовавшее в Бородинском сражении Московское ополчение было вооружено ружьями только на одну четверть, остальные имели лишь холодное оружие¹. Всего для вооружения ополчений 1812 года было отпущено в ходе войны 37 349 ружей. Естественно, такое количество стрелкового оружия далеко не обеспечивало нужды ополченцев, которых насчитывалось свыше 230 тыс. человек.

Нехватка стрелкового оружия сказалась и на формировании новых полков регулярных войск. Для формируемых пехотных батальонов генералом Д. И. Лобановым-Ростовским необходимо было 64 757 ружей. Эти войска составляли основной резерв действующей армии в борьбе с Наполеоном. И естественно, было очень важно быстрее завершить их комплектование. В декабре

¹ Архив ВИМАИВС, ф. 3, оп. «Оружейная», д. 223, л. 3—4.

1812 года Лобанов-Ростовский сообщил в военное министерство, что из потребного количества ружей получено лишь 19,5 тыс.¹. Такое же положение создалось и при формировании войск генералом А. А. Клейнмихелем.

В мероприятиях по подготовке к войне правительство уделяло немало внимания обеспечению армии порохом и свинцом. Следует сказать, что проблема с производством нужного количества пороха в канун войны, по существу, была решена. Основное его производство концентрировалось на Охтенском, Шостенском и Казанском пороховых заводах, которые в 1811 году резко увеличили его изготовление и дали вместе с частными заводами 76,6 тыс. пудов². В целом к тому времени уже имелись довольно значительные запасы пороха. Так, в отчетной ведомости за 1811 год значилось, что «при пороховых заводах, гарнизонных артиллерийских командах и запасных парках состояло пороха 315 623 пуда»³.

Следует отметить, что качество русского пороха было довольно высоким. В 1808 году «Артиллерийский журнал» опубликовал сообщение об испытании взрывной силы русского пороха в сравнении с английским и австрийским. Результаты показали, что порох, изготовленный в России, несколько превосходил по качеству английский и имел взрывную силу в 2—2,5 раза больше, чем австрийский⁴.

С обеспечением нужд армии свинцом дело обстояло несколько иначе. В 1809 году ощущался острый недостаток свинца вследствие сокращения его ввоза из-за границы. Дело в том, что Россия присоединилась к континентальной блокаде, в то время как главным поставщиком свинца на русский рынок была Англия. Вместе с тем обстановка заставила русское правительство пойти на нарушение блокады и различными окольными путями сделать значительные закупки свинца у английских предпринимателей. Однако с введением в артиллерию картечных зарядов из чугунных пуль (вместо свинцовых) резко сократилась потребность армии в свинце. Поэтому

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 490, л. 228.

² Сперанский В. Н. Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812—1814 годах, с. 480.

³ Архив ВИМАИВС, ф. 3, оп. 1, д. 2394, л. 141.

⁴ «Артиллерийский журнал», 1808, № 2, с. 115.

уже в 1811 году правительство отказалось от ввоза его из-за границы.

Таким образом, в канун войны запасы пороха и свинца были вполне достаточны, чтобы обеспечить войска нужным количеством боеприпасов.

К тому времени русская экономика с ее феодально-крепостническим укладом еще не обнаружила заметного технического отставания от развитых европейских государств с уже утвердившимся капиталистическим способом производства. Уровень промышленного производства в России позволил в отдельных отраслях достичь нужных результатов. Правительству удалось в короткий срок значительно увеличить производство орудий и снарядов, широко используя на казенных и частных заводах труд крепостных людей, в определенной мере перестроить металлообрабатывающую промышленность для нужд армии. В результате принятых мер потребность войск в предметах вооружения к началу войны была в основном обеспечена.

В начале прошлого столетия в России существовала система арсеналов, лабораторий и запасных парков, занимавшихся производством и снабжением армии оружием и боеприпасами.

В арсеналах производилось литье орудий, изготовление к ним лафетов, зарядных ящиков, различного рода принадлежностей и инструментов, а также прочего оружия. В них хранилось стрелковое и холодное оружие, штандарты, знамена и т. д.

Старейшими в России арсеналами были Петербургский и Московский, основанные еще в 1724 году. В 1763 году начал действовать Киевский арсенал. В этом же году было решено создать Дерптский, Белгородский и Оренбургский арсеналы. Однако они, «хотя и были положены, но не содержались».

Брянский арсенал возник в 1784 году. Первые годы он не имел собственного штата, а «чины, мастера и мастеровые находились прикомандированными от Московского». Вместе с тем арсенал быстро развивался и стал к концу XVIII столетия одним из крупных арсеналов страны. В 1799 году к Брянскому арсеналу был присоединен Московский, который с этого времени перестал существовать как самостоятельный. Все работы по изготовлению орудий, лафетов, зарядных ящиков и дру-

гих артиллерийских предметов были сосредоточены в Брянске. В Москве же занимались лишь хранением и содержанием получаемого вооружения.

В 1808 году в «Артиллерийском журнале» было опубликовано «Краткое описание мастерских при Санкт-Петербургском арсенале»¹. В нем подробно освещался характер и назначение имеющихся там разного рода палат, где занимались производством и ремонтом орудий, лафетов и зарядных ящиков, а также других предметов, относящихся к артиллерии. Всего имелось одиннадцать таких палат. Например, в первой палате находились две «горизонтальные сверлильные машины, посредством коих высверливаются и обтачиваются в горизонтальном положении батарейные и легкие орудия, и в одно время по два»². Там же находились выгравированные на медных досках чертежи изготавливаемых орудий в «натуральную величину». В других палатах изготавливались различные детали: оковки для лафетов и зарядных ящиков, заготовки деревянной их части и т. д. В арсенале имелся «литейный дом», в котором производилась отливка орудия, три медеплавильные печи. Здесь же заготавливались формы для литья. Отделка орудий осуществлялась в трех палатах, имевших соответствующее оборудование. В двух палатах располагалась кузница, где действовало 60 горнов. В ней также изготавливались лафеты и зарядные ящики. В Петербургском, Московском и Киевском арсеналах было в наличии довольно значительное количество орудий, обеспечивающее потребность в них артиллерийских рот. Однако кроме материальной части артиллерии арсеналы должны были «содержать в запасе огнестрельного и белого оружия по числу полков в 4 дивизиях»³. Таким образом, всем трем арсеналам полагалось иметь стрелкового и холодного оружия на 12 дивизий. К началу войны военному министерству не удалось создать крупные резервы пехотного и кавалерийского оружия. По существу, все оружие пошло на формирование новых полков, и поэтому положенного количества «огнестрельного и белого оружия» арсеналы в 1812 году не имели.

¹ «Артиллерийский журнал», 1808, № 3, с. 67—76.

² Там же, с. 67.

³ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 1080, главная ведомость, л. 61.

В арсеналах проводился ремонт снаряжения, различного рода артиллерийских принадлежностей, стрелкового оружия, которое во многих полках содержалось плохо. Об этом свидетельствует письмо начальника Киевского арсенала: «Таковое небрежение полками остающего в них за неспособностью к службе оружия довести до сведения господина военного министра...»¹

Вскоре последовал приказ военного министра. В нем также отмечалось, что «от многих полков доставляется в сдачу к арсеналам и комиссариатским комиссиям всякого рода за неспособностью или излишнее оружие с большой ржавчиной...»²

При арсеналах полагалось иметь «ежедневно для валовых работ» 200 человек. Однако указанного числа людей не было. В связи с этим из армейских полков регулярно отправлялись для работы в арсеналах дополнительное количество солдат, главным образом для чистки оружия.

В 1808 году были созданы так называемые подвижные арсеналы при Петербургском, Киевском и Брянском арсеналах. Следуя за наступающими войсками, эти подвижные арсеналы должны были проводить необходимый ремонт орудий и другой артиллерийской техники.

В состав подвижных арсеналов были выделены мастеровые, состоявшие в штате основных арсеналов. При них находился обоз, материалы, инструменты «в таком положении, дабы по получении лошадей оные арсеналы могли в то же время выступить куда будет приказано»³.

Несколько иную задачу выполняли лабораторные роты, которые часто называли просто лабораториями. Еще в 1721 году указом Петра I «повелено в Санкт-Петербурге для лаборатории построить удобный дом, в оном делать и заготовлять всякие огнестрельные вещи как до воинских дел, так и потешных, к фейерверкам и прочим до артиллерии принадлежащих»⁴. Лабораторные роты занимались изготовлением артиллерийских снарядов: гранат, картечи, брандкугелей, каркасов, светящих ядер. Здесь же приготавливали картузы с зарядом пороха, «скорострельные трубки», ружейные патроны и т. д.

¹ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 1080, главная ведомость, л. 159.

² Там же, л. 161.

³ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 1696, л. 2.

⁴ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 2150, л. 7.

Лабораторных рот было всего четыре. Одна рота находилась в Петербурге, другая — в Москве. По полроты имелось в Вильно и Несвиже, в Киеве и Полонном.

Для обеспечения войск боеприпасами служили запасные парки, которые называли «магазейнами». «В оных имеют быть возимы готовые огнестрельные запасы, как то снаряды, порох, кремни, свинец, мастерской инструмент и прочие материалы для артиллерии и армии»¹. Впервые походный «магазейн» был учрежден в 1724 году. Однако до 1807 года запасным паркам и «магазейнам» не положено было иметь специальные штаты. Как правило, «чины и служители» отряжались от полков и других команд в необходимом количестве. Для перебазировки грузов нанимались в губерниях лошади и волы. На это отпускались в распоряжение главнокомандующего специальные денежные средства.

В 1807 году было утверждено «Положение о содержании запасных парков»². Это было первое узаконенное положение, связанное с организацией снабжения войск боеприпасами. Предусматривалось учредить запасные парки на 30 дивизий, разделив их на две дистанции. К первой дистанции относились запасные парки, которые «должны составить полный комплект снарядов для 14 дивизий с нужным числом для подъема лошадей»³. Эти парки предполагалось учредить в Риге, Вильно, Несвиже, Полонном, Киеве, Херсоне и Петербурге (в каждом городе на две дивизии). Кроме того, запасные парки первой дистанции должны были содержать в резерве «готовых запасов» на четыре дивизии, но без подъемных лошадей, расположив эти запасы в Риге, Вильно, Несвиже и Полонном.

Запасные парки второй дистанции должны были иметь боеприпасов на 12 дивизий, но без транспортных средств. Они находились в Петербурге, Москве, Смоленске и Киеве.

Для каждого из запасных парков первой дистанции были определены по 4—5 губерний, обязанных поставить нужное количество лошадей «при востребовании надобности к выступлению». Устанавливались сроки до-

¹ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 2150, л. 7.

² Архив ВИМАИВС, ф. 3, оп. «Пороховое и парковое», д. 1312, л. 185—191.

³ Там же, л. 185.

ставки лошадей к запасным паркам. Так, ближние губернии должны были поставить их через 2—4 недели, дальние — через 5—6 недель. Согласно положению полагалось иметь для подъема полного комплекта снарядов на две дивизии 1600 лошадей. Кроме того, каждая губерния должна была выделить по 150 человек погонщиков, в том числе коновала и трех кузнецов. Каждого погонщика требовалось обеспечить одеждой, «на том же основании, как и рекруты оною пользуются»¹.

Запасные парки должны были состоять в ведении командиров понтонных рот, которые обязывались взять под свое начальство весь их личный состав и имущество.

«В каждом запасном парке для содержания караула и конвоирования во время похода определяется из понтонной роты нужное число фейерверкеров и рядовых, которые обязаны знать лабораторное искусство, дабы могли сами готовить во время военных действий при армии потребные боевые заряды из состоящих в парках материалов»².

В Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и связи хранится ведомость, «означающая, сколько полагается в запасном артиллерийском парке на одну дивизию содержать снарядов, готовых патронов и припасов для артиллерийских рот». Для полупудовых единорогов полагалось 640 комплектов гранат (в каждом комплекте 80 шт.), 12-фунтовых пушек — 1280 комплектов ядер (в комплекте 80 ядер), пороха пушечного — 299 пудов, мушкетерного — 250 пудов, гренадерских и мушкетерских ружейных патронов — 599 тыс. штук, егерских — 271 тыс. штук и т. д. Кроме боеприпасов в запасных парках находились бумага патронная, кремни ружейные, трубки гранатные, свечи палительные, фитили, картечь в жестянках, инструменты, различные приспособления и т. д.³.

На каждый запасный парк для двух дивизий требовалось 496 повозок и 1564 лошади.

Уже в июне 1808 года поступили сообщения с мест о готовности парков и их укомплектовании снарядами

¹ Архив ВИМАИВС, ф. 3, оп. «Пороховое и парковое», л. 1312, л. 188.

² Там же, л. 191.

³ Там же, л. 36.

и боевыми припасами. К изготовлению ружейных патронов широко привлекались армейские полки. Так, для Петербургской лаборатории было изготовлено 4403 тыс. штук патронов, которых было достаточно для четырех дивизий.

Однако в 1810 году было утверждено новое положение о запасных парках. В соответствии с этим положением они составили три линии¹.

К первой линии относились парки в Вильно — на 3 дивизии, Динабурге — на 5 дивизий, Несвиже — на дивизию, Бобруйске — на 2 дивизии, Полонном — на 3 дивизии, Киеве — на 6 дивизий. Всего в парках линии должно было находиться боевых припасов на 20 дивизий.

Для укомплектования запасных парков первой линии недоставало 1530 повозок и 10 680 лошадей.

Ко второй линии относились парки в общей сложности на 19 дивизий: в Пскове, Порхове, Брянске — на 4 дивизии, Смоленске — на 2 дивизии, Новгороде-Северском — на 5 дивизий. В Брянске и Новгороде-Северском запасные парки должны были создаваться вновь. Кстати, несколько позже 5 парков были учреждены не в Новгороде-Северском, а на Шостенском пороховом заводе².

Запасные парки второй линии комплектовались без лошадей и повозок.

В третьей линии предполагалось создать парки также на 19 дивизий, расположив их в Новгороде — на 8 дивизий, Москве — на 2, Калуге — на 9 дивизий. Они, также как и парки второй линии, должны были иметь лишь боеприпасы и материалы.

Всего в трех линиях намечалось учредить запасные парки на 58 дивизий, в том числе вновь приготовить — на 26 дивизий.

Парки первой линии назначались для непосредственного обеспечения войск боеприпасами. Они имели необходимое количество повозок и лошадей. Возчики снаряжались вместе с лошадьми от приписанных к ним губерний, а конвой выделялся от понтонных рот. Как только возникала необходимость, запасные парки первой линии

¹ Архив ВИМАИВС, ф. 3, оп. 1, д. 2394, л. 179.

² Там же, л. 172.

снимались с мест и, разделенные на полудивизии, двигались в назначенные пункты.

В задачу парков второй линии входило пополнение боевыми припасами перволинейных парков. Сразу же после выступления последних командир парков второй линии обязан был найти нужное число повозок и лошадей и в течение 2—3 недель перебазировать все свои «готовые запасы». Определенного транспорта для этих парков не имелось. Перевозка грузов должна была осуществляться на «обывательских подводах», предоставляемых местными властями.

Запасные парки третьей линии назначались для восстановления запасов второлинейных парков. Действовали они на том же основании, что и последние. В этих парках имелись лишь материалы для заготовки боеприпасов.

К началу военных действий в 1812 году подавляющее большинство парков было укомплектовано полностью. В общей сложности в них имелось 296 тыс. артиллерийских снарядов и 37 540 тыс. ружейных патронов¹. Только девять запасных парков в Калуге находились в стадии организации. В ходе войны некоторые парки второй линии в результате сложившейся обстановки обеспечивали снарядами и патронами непосредственно действующие войска. Так, из Пскова были отправлены в корпус генерала Витгенштейна второлинейные парки на 3 дивизии.

Кроме того, ряд запасных парков, созданных еще по положению 1807 года, располагался в Финляндии (на 3 дивизии) и Молдавии (на 4 дивизии). В парках, расположенных на Кавказе и в Грузии, имелись лишь материалы для изготовления боеприпасов, в расчете на число находящихся там войск.

Разумеется, запасные парки не могли удовлетворить все потребности войск. Как правило, солдаты в частях сами для своих нужд делали ружейные патроны. К тому же обеспечение запасных парков боеприпасами осуществлялось с серьезными трудностями. В их штатах имелись лишь начальствующие чины и фурлейты. Поэтому, имея нередко только материалы, но не готовые снаряды и

¹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА, т. 21. Спб., 1914, с. 371.

патроны, командование парков было вынуждено обращаться за помощью к гарнизонным и даже полевым войскам. Положение с заготовкой боеприпасов особенно осложнилось, когда обнаружилось в 1809 году, что во многих запасных парках имелось большое количество ружейных патронов, которые не были прокалиброваны и поэтому не подходили к ружьям. Размер пуль не соответствовал установленному диаметру. В декабре 1809 года выяснилось, что запасные парки не имеют цилиндров для калибровки пуль к патронам карабинным, пистолетным, а также ружейным и штуцерным и что цилиндры нужны не только для «заготовления вновь», но и для перекалибровки уже изготовленных патронов. В связи с этим было дано распоряжение обеспечить все парки цилиндрами.

Следует отметить, что изготовление ружейных патронов для пополнения запасных парков оказалось довольно сложным делом еще и потому, что войска имели тогда оружие самого разнообразного калибра. Во-первых, для каждого рода войск был принят соответствующий вид огнестрельного оружия. Так, гренадерские и пехотные полки были вооружены пехотными ружьями, унтер-офицеры этих полков — винтовальными, егеря — егерскими ружьями и штуцерами, кавалерия — драгунскими, кирасирскими, гусарскими ружьями, кавалерийскими штуцерами, мушкетонами и пистолетами. Во-вторых, было немало таких полков, на вооружении которых находилось оружие множества образцов, начиная с фузеи времен Петра I и до ружей, принятых на вооружение в начале XIX столетия. В 1808 году командир Либавского пехотного полка доносил генерал-инспектору артиллерии: «Во вверенном мне Либавском пехотном полку ружья по давности их существуют с 1700 года»¹.

Разнообразие калибров оружия, имевшегося в войсках, объяснялось тем обстоятельством, что срок пригодности ружей был установлен 40-летний. Поэтому наряду с вводимыми новыми образцами продолжали оставаться на вооружении и старые. Кроме того, в войсках находилось значительное количество трофейного оружия — французского, шведского, а также купленных за

¹ Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие, с. 9.

границей прусских, австрийских, голландских и особенно большое число английских ружей. В кирасирских полках находились на вооружении карабины 6 разных калибров, в драгунских полках — ружья 14 калибров. Такое же разнообразие ружей существовало в пехотных и егерских полках.

Естественно, отливать пули и изготавливать ружейные патроны по каждому калибру отдельно не представлялось возможным. Поэтому было решено, что следует приготавливать пули трех калибров.

Для запасных парков были сделаны специальные цилиндры, через которые пропускали пули определенного размера. Работа по перекалибровке ружейных патронов оказалась довольно трудоемкой. По существу, следовало произвести переделку почти всех имевшихся в запасе патронов. Однако изготовление цилиндров для перекалибровки пуль не решило все проблемы. Обнаружилось значительное количество патронов, пули которых не проходили «ни в какие цилиндры». Так, командир Смоленской крепости докладывал в 1810 году артиллерийской экспедиции, что имеется 72 150 патронов, пули которых следует заново переливать¹.

Однако изготовление патронов по трем калибрам оказалось делом хлопотливым. Наличие патронов нескольких калибров усложняло порядок обеспечения ими войск. В 1810 году было запрещено изготавливать «винтовальные патроны», а все имеющиеся их запасы ликвидировать. Предполагалось егерские полки укомплектовать пехотными ружьями. В связи с этим инспектор артиллерии приказал в начале 1812 года «содержать в парках на егерские полки патроны того же калибра, какого содержат оные для полков пехотных...»².

Несмотря на стремление военного ведомства несколько унифицировать изготовление ружейных патронов, объем работы для обеспечения запасных парков нужным количеством боевых припасов оставался довольно значительным. В канун войны 1812 года в парках оставалось еще большое число патронов, требующих пере-

¹ Архив ВИМАИВС, ф. 3, оп. «Пороховое и парковое», д. 1347, л. 317—318.

² Архив ВИМАИВС, ф. 3, оп. «Пороховое и парковое», д. 1401, л. 2.

делки. Начальник гарнизонной артиллерии Новофинляндского округа докладывал, что в парках Гельсингфорском, Абовском и Вазовском почти все патроны, в особенности мушкетерские, «по новым присланным цилиндрам велики, кои одне составят до полутора миллионов...»¹. В Киеве подобных патронов имелось 1 250 тыс.².

В связи с создавшимся положением военный министр Барклай-де-Толли отдал распоряжение привлечь к изготовлению патронов армейские полки и даже гвардию. Так, в марте в гвардейских полках было приготовлено около 2 млн. бумажных гильз с вклейкой пули. Однако до начала военных действий, несмотря на широкое привлечение к заготовке боеприпасов солдат регулярных войск, работы по обеспечению парков нужным количеством патронов, и главным образом в связи с переделкой значительного их числа, так и не были завершены. Об этом свидетельствует переписка командира Бобринской крепости с начальствующими лицами Московского артиллерийского депо, датированная последними числами июня 1812 года³. В парках продолжало оставаться большое количество боеприпасов, которые нельзя было использовать для снабжения ими войск.

Таким образом, запасные парки не в полной мере выполнили задачу: создать накануне войны крупные запасы ружейных патронов и, таким образом, максимально обеспечить потребность в них действующей армии. Наличие в войсках большого числа ружей самого разнообразного калибра создало исключительно большие трудности в приготовлении нужного количества патронов. Несмотря на распоряжение военного министерства собрать со всех полков сведения об имеющихся в них калибрах огнестрельного оружия, полученные данные далеко не соответствовали действительному положению дел. Нередко в войсках не могли точно определить калибр ружей, так как для этого не было никаких измерительных приспособлений. Стремление произвести перекалибровку патронов по определенным размерам не

¹ Архив ВИМАИВС, ф. 3, оп. «Пороховое и парковое», д. 1401, л. 59.

² Там же, л. 133.

³ Там же, л. 96.

всегда давало нужные результаты. В парках имелось большое количество уже изготовленных свинцовых пуль, которые приходилось вновь переливать. В конечном счете значительная часть патронов, потребная войскам, изготовлялась непосредственно в полках, в соответствии с имевшимся в них оружием.

Однако организация более совершенной системы запасных парков накануне войны в целом положительно сказалась на улучшении снабжения войск боевыми припасами. Важную роль в этом отношении сыграло введение в парках постоянных штатов, более четкий порядок обеспечения транспортными средствами.

В период Отечественной войны все перволинейные запасные артиллерийские парки были приданы с учетом их размещения действующим армиям. М. И. Кутузов уделял много внимания бесперебойному снабжению войск всем необходимым, особенно боеприпасами. Он следил, чтобы в запасных парках имелось нужное количество снарядов и патронов и чтобы они содержались «впредь до востребования в совершенной готовности». Главнокомандующий всеми русскими армиями особое место в обеспечении действующих войск боеприпасами отводил запасным паркам. Их местоположение вблизи театра военных действий было удобным для организации бесперебойного снабжения войск.

Несмотря на немалые трудности, связанные с доставкой большого количества снарядов и патронов к действующим армиям, нехваткой транспорта, значительными расстояниями перевозок, в целом запасные артиллерийские парки сыграли важную роль в успешных боевых действиях русских войск в Отечественной войне 1812 года.

Из всего этого можно сделать вывод, что русская армия в борьбе с Наполеоном была в основном обеспечена вооружением, не ощущала серьезных недостатков в боеприпасах и снаряжении, и это, естественно, положительно сказалось на уровне ее боеспособности. В тот период экономика России располагала необходимым промышленным потенциалом, чтобы обеспечить армию потребным количеством артиллерийских орудий. Это свидетельствовало о значительных возможностях, которые имела русская металлургия и металлообрабатывающая промышленность. Войска были в основном укомплекто-

ваны стрелковым и холодным оружием, хотя необходимый запас его создать так и не удалось. Заметно было стремление военного ведомства улучшить порядок обеспечения войск оружием и боеприпасами. Появление более совершенной системы запасных парков, организация подвижных арсеналов говорили о намерении приблизить вспомогательные службы к действующей армии, оперативнее решать вопросы, связанные с доставкой к войскам снарядов и патронов, ремонтом оружия.

Некоторые усовершенствования в технологии производства оружия помогли повысить его боевые качества. В этом деле важную роль сыграл Ученый комитет по артиллерийской части.

В условиях того времени, когда в военных действиях стали принимать участие массовые армии, вопросы обеспечения войск оружием и снаряжением приобрели особую остроту. Никогда ранее не была столь многочисленной русская армия, как в Отечественную войну 1812 года. Несмотря на трудности комплектования войск на основе рекрутской системы, правительству все же удалось увеличить численный состав войск. Но полностью решить проблему обеспечения их стрелковым оружием и различными предметами снаряжения оно не смогло. Экономика России с ее феодально-крепостническим укладом не могла быстро перестроиться для нужд армии, несмотря на все попытки военного ведомства резко увеличить производство стрелкового оружия, создать необходимые его запасы.

В то же время перевод ряда металлургических предприятий на изготовление орудий, реконструкция и расширение оружейных заводов не дали ожидаемых результатов вследствие технической отсталости промышленного производства в целом. Кроме того, освоение на частных заводах производства артиллерийских орудий и снарядов повлекло за собой серьезные издержки для их владельцев. А повышение цен на изготовление оружия, в свою очередь, заметно сказалось на государственной казне. К тому же серьезные финансовые трудности, которые испытывало правительство России, не могли не повлиять на производство вооружения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно с полным основанием утверждать, что русская армия в Отечественной войне 1812 года была хорошо организована, обладала высокими боевыми качествами. Ее структура управления, боевая подготовка и характер вооружения вполне соответствовали уровню развития военного искусства того времени.

В начале прошлого века экономическая отсталость России еще не оказала столь заметного влияния на состояние вооруженных сил страны, как в середине этого столетия. Несмотря на финансовые трудности, которые переживала царская казна, русскому правительству в какой-то мере удалось мобилизовать имеющиеся материальные средства для увеличения численности войск.

На рубеже XVIII и XIX столетий во многом изменился характер военных действий. Основным противник России — буржуазная Франция располагала массовой армией, насчитывавшей сотни тысяч человек. Наполеон получил возможность концентрировать на поле сражения довольно значительные силы. Изменилась тактика ведения боя.

Новое, передовое в военном деле пробивало себе дорогу и в русской армии. Она сохранила многие традиции, связанные с полководческой деятельностью П. А. Румянцева и А. В. Суворова. В ее рядах находилось немало талантливых военачальников. Вопреки устаревшим уставным положениям, основанным на линейной тактике, идеи глубокого боевого порядка получили применение в действиях русских войск еще задолго до того, как новая тактика утвердилась во французской армии.

Однако консерватизм правящих кругов России, слепое преклонение перед отжившей свой век военной си-

ствием прусского короля Фридриха II были серьезным препятствием для развития русского военного искусства.

Новейшие достижения в развитии стратегии и тактики, значительное увеличение численности действующих армий, возрастание роли отдельных родов войск вызвали насущную необходимость военных преобразований. К тому же политические и военные события в Европе заставили русское правительство уделить значительно больше внимания усилению армии, повышению ее боеспособности.

Но решение этого вопроса в условиях феодально-крепостнических порядков неминуемо влекло за собой серьезные классовые противоречия. Подавляющая часть дворянства очень ревниво относилась ко всему, что в какой-то мере задевало его классовые интересы. Это прежде всего относилось к увеличению численности армии за счет повышения нормы рекрутских наборов. Здесь сказывалось прямое сопротивление помещиков, явный саботаж в осуществлении рекрутской повинности. В результате правительство нередко шло на уступки дворянству, разрешая платить деньгами за «недоимочных» рекрутов, предоставляя другие льготы. Правящие круги не могли не видеть, что, привлекая на военную службу все большее и большее число крепостных, которые уже никогда не возвращались к помещикам, они тем самым серьезно подрывали устои, на которые опирался общественный строй. Следовательно, в системе комплектования армии за счет рекрутских наборов наметился кризис. Эта система уже не в полной мере могла обеспечить потребное для армии количество людей.

Начавшаяся война показала, что по числу войск русская армия значительно уступала армии Наполеона. В этом, в частности, была одна из причин быстрого продвижения неприятельских войск в глубь страны. В сражениях под Салтановкой, Красным и Смоленском русские войска были вынуждены вести борьбу с превосходящими силами противника. После назначения главнокомандующим М. И. Кутузов настойчиво требует пополнения, быстрее усиления армии за счет вновь формируемых полков. Некоторые русские дивизии имели перед Бородинским сражением до 20—30 процентов некомплекта¹.

¹ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962, с. 32.

Однако система комплектования за счет рекрутских наборов являлась основным источником пополнения войск людьми. Для России того времени с ее феодально-крепостническим строем не могло быть другой системы комплектования армии. Как известно, поиски путей и способов улучшения этой системы, которые нередко предпринимались представителями правящего класса, оказались безуспешными. И это понятно. Только с ликвидацией крепостничества могли быть осуществлены коренные изменения и в системе комплектования армии.

Следовательно, рекрутщина, как и весь существовавший в России строй, отживала свое время. Вместе с тем кризис системы рекрутских наборов еще не настолько обострился, чтобы решающим образом повлиять на исход войны.

В начале XIX столетия масштабы войн, число участвовавших в них войск еще не настолько возросли, как, например, во времена Крымской войны. Поэтому в 1812 году «пороки» рекрутской системы не столь отрицательно сказались на боеспособности армии.

Как известно, царское правительство использовало для комплектования армии и такой источник, как ополчение. Однако правящие круги не могли пойти на формирование ополчений, не придав ему феодально-крепостнический характер. Согласно манифесту царя крепостные крестьяне были невольны вступать в ополчение без согласия помещиков. По существу, дворяне направляли в армию своих крепостных в качестве ратников ополчения на тех же основаниях, как и при рекрутских наборах, с той лишь разницей, что после окончания войны ополченцы возвращались вновь в «крепостное состояние». Не случайно по этому поводу среди ратников ополчения было немало волнений.

Несмотря на все эти ограничения и узкоклассовые установки правительства, борьба с наполеоновским нашествием приобрела народный характер. Этот народный характер борьбы проявился прежде всего в том, что и солдат регулярной армии, и ратник ополчения были проникнуты чувством высокого патриотизма, они защищали от наполеоновских завоевателей свою Россию. А уж если говорить о формах народной борьбы в 1812 году, то особенно ярко она проявилась в действиях крестьянских

отрядов в тылу противника, возникших далеко не по желанию феодально-крепостнических правителей России.

В 1806—1811 годах были осуществлены мероприятия по улучшению организации и управления армии. Создание пехотных дивизий из определенного количества тяжелой и легкой пехоты, наличие в них довольно значительной артиллерии, а также некоторого числа приданной легкой кавалерии и затем объединение дивизий в пехотные корпуса делало их сильными и вполне управляемыми высшими тактическими соединениями. Имела также важное значение и реорганизация органов военного управления. Здесь следует особенно подчеркнуть положительную роль «Учреждения для управления большой действующей армией». Оно способствовало образованию более стройной системы полевого управления, установило единую власть главнокомандующего армией, предусматривало систему штабов и управлений, с помощью которых главнокомандующий и другие высшие войсковые начальники могли четко и оперативно руководить войсками. Преобразование полевого управления армией, несомненно, сказалось на повышении боеспособности войск.

Вместе с тем следует отметить несовершенство квартирмейстерской части русской армии. Не было четко налажено руководство этой службой. Многие ее офицеры находились большую часть времени вне расположения армии, выполняя различные поручения по квартирмейстерской части. В результате они слабо знали внутренний распорядок и боевую практику войск, что отрицательно сказалось на их деятельности в ходе начавшихся военных действий.

В целом заметно улучшилась и боевая подготовка войск. Организация рекрутских депо, предварительное обучение в них новобранцев в значительной мере повысили качество пополнения, поступавшего на укомплектование армии. Создание ряда новых военно-учебных заведений повысило уровень подготовки офицерских кадров. Однако количество офицеров, получивших специальную подготовку, было далеко не достаточным. Поступление в кадетские корпуса и военные училища разрешалось только дворянам. В этом проявлялось стремление правительства сохранить сословный характер офицерства,

закреть пути, по которым в среду военной олигархий могли проникнуть люди других состояний.

Первые годы XIX столетия не дали заметных изменений в содержании обучения войск. Несмотря на явное отставание уставных положений от уровня развития военного искусства, правительство не предприняло серьезных мер для радикальных изменений в характере боевой подготовки войск. Вместе с тем опыт военных действий русской армии в конце XVIII и начале XIX столетия, особенно в Отечественной войне 1812 года, постепенное утверждение в бою тактики колонн и рассыпного строя оказали значительное влияние на уровень боевой подготовки войск. В этом деле важная роль принадлежит различным инструкциям и наставлениям, разработанным талантливыми русскими военачальниками.

Среди мероприятий по усилению боеспособности армии накануне войны с Наполеоном не последнее место занимало обеспечение ее необходимым количеством оружия и боеприпасов. Уровень промышленного производства в России позволил значительно увеличить изготовление орудий и снарядов, в какой-то мере мобилизовать имеющиеся материальные ресурсы для нужд армии. Принятые меры дали возможность в основном обеспечить войска артиллерийским и стрелковым вооружением, создать запасы снарядов и ружейных патронов. В ходе войны ощущался недостаток стрелкового оружия, так как обеспечить необходимый резерв не удалось. По своим же боевым качествам русское оружие было для того времени совершенным.

К началу войны уже имелась система снабжения войск вооружением и боеприпасами. Организация значительного числа запасных артиллерийских парков с постоянными штатами, более четкий порядок обеспечения их транспортными средствами — все это положительно сказалось на своевременной доставке в действующую армию снарядов и патронов.

Вместе с тем правительству не удалось полностью осуществить намеченные меры по увеличению производства оружия, снаряжения и боеприпасов. Здесь, естественно, обнаружились ограниченные возможности русской промышленности. В условиях феодально-крепостнических отношений в стране, кризис которых уже явно обнару-

жился, стремление перестроить экономику для военных нужд не дало ожидаемых результатов. В итоге военное ведомство не сумело создать накануне войны необходимые материальные ресурсы. По этим же причинам не было завершено формирование и резервных армий.

Вместе с тем целый ряд военных преобразований, осуществленных незадолго до войны, несомненно, оправдал себя в ходе военных действий. Следует отметить большую работу, которую провели военное министерство и русские военачальники по повышению боеспособности русских войск в канун 1812 года. Дальнейшие события показали, что русская армия в тяжелой борьбе с превосходящим по численности противником показала высокие боевые качества. Самоотверженность, героизм ее солдат и офицеров, высокий боевой дух, хорошая организация и умелые действия на поле боя — все это в огромной мере определило успешный исход народной борьбы в 1812 году.

Отечественная война, разгром и изгнание наполеоновских войск из России — славные страницы героической истории нашего народа. Национально-освободительный характер войны оказал сильнейшее воздействие на все стороны общественной жизни страны, способствовал росту социальной активности народных масс, формированию революционных взглядов в передовой части русского общества.

Богатейший боевой опыт, накопленный в 1812 году, успешные действия русской армии против наполеоновских завоевателей — все это вызывало необходимость глубокого обобщения и анализа боевой практики, достижений русского военного искусства.

Отечественная война убедительно показала важность многих нововведений в способы боевых действий войск, подтвердила преимущества расчлененных боевых порядков, жизненность ряда мер, предпринятых накануне 1812 года по улучшению организации, управления и боевой подготовки армии.

В связи с этим назрела потребность закрепить все новое, передовое, рожденное боевой практикой, и широко его использовать для улучшения боевых качеств войск, соответственно пересмотреть уставные положения, наставления и инструкции. О необходимости глубокого изучения и применения на деле боевого опыта

1812 года высказывались многие передовые военные деятели того времени.

Вместе с тем в условиях царского самодержавия, усиления реакции внутри страны и за рубежом все прогрессивное, в том числе и в военном деле, встречало серьезное сопротивление правящих кругов. Послевоенный период был характерен для русской армии подавлением передовых тенденций в военном искусстве, введением в войсках крайне жестокой муштры, широким распространением телесных наказаний.

На крупные командные должности выдвигались наиболее реакционные генералы, усиленно насаждавшие в войсках палочную муштру и жестокие репрессии.

Аракчеевщина охватила тогда все стороны жизни армии. Многие талантливые военачальники, отличившиеся в Отечественной войне 1812 года, в знак протеста против реакционных порядков, которые вводились в армии, подавали прошения об отставке. Участились волнения среди солдат.

В обучении войск основное внимание уделялось внешней стороне дела: подготовке к парадам, многочисленным строевым занятиям, бессмысленной муштре. Несмотря на отсталость линейной тактики, «линейное учение» занимало в боевой подготовке главное место.

Вместе с тем замечательные традиции русской армии, возникшие во времена А. В. Суворова и М. И. Кутузова, в значительной степени сохранялись. В войсках служило немало офицеров — участников Отечественной войны 1812 года, имевших богатый боевой опыт. Вопреки царившей в армии обстановке реакции, палочной муштры многие талантливые военачальники стремились не допускать грубого обращения с солдатами, ликвидировать телесные наказания, проявлять заботу о нуждах своих подчиненных. Они активно боролись за передовое русское военное искусство, старались внедрять в обучение и воспитание солдат положительный опыт минувшей войны.

В 1815 году М. Б. Барклай-де-Толли, будучи главнокомандующим армией, издал инструкцию о порядке обучения войск в мирное время. Часть инструкции была посвящена обучению пехоты прицельной стрельбе. В ней обращалось внимание на подготовку стрелков из гренатер. «Стрелки гренатерских рот, — указывалось в инст-

рукции, — сверх отличного поведения и храбрости, качества гренадер составлять должествующих, должны отличаться искусством цельной стрельбы»¹.

В последующем появились «Правила рассыпного строя, или наставление о рассыпном действии пехоты для обучения егерских полков и застрельщиков всей пехоты», которые были изданы в 1818 году в полевой типографии 1-й армии². В этих «Правилах» подробно изложены взгляды и положения о применении в бою расчлененного боевого порядка исходя из опыта 1812 года. В них указывалось, что «пехота сражается, обыкновенно, построенная в сомкнутых линиях или массах. Местоположение и обстоятельства однако же требуют иногда, чтобы часть оной умела действовать в раздробленном положении, например, при занятии лесов, кустарников, селений; или для прикрытия различных построений сомкнутых войск... Рассыпной строй вообще весьма соответствует свойству вооружения пехоты, ибо сила ее преимущественно заключается в ее огне, однако ж не в множестве, а в цельности выстрелов»³.

Эти передовые взгляды по вопросам тактики имели важное значение для боевой практики, оказали свое влияние на характер обучения войск.

В том же году при главном штабе 1-й армии были изданы «Правила полкового учения для пехоты», в которых нашли заметное отражение основные положения «Правил рассыпного строя»⁴. В них подробно излагаются важные элементы тактики колонн и рассыпного строя. Исходя из опыта предшествовавших войн, особенно 1812 года, в «Правилах» отмечалось, что «принято, чтобы всякую решительную атаку делать не фронтом, но колоннами к атаке или густыми батальонами (дистанции между колонн при наступлении в штыки определяются обстоятельствами) под прикрытием застрельщицкой цепи, усиленной в случае нужды стрелковыми взводами, по правилам рассыпного строя...»⁵.

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 3, с. 244—245.

² Там же, с. 248.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 262.

⁵ Там же, с. 264.

Подобные «Правила», многочисленные инструкции, которые издавались в войсках, сыграли большую роль в дальнейшем развитии русского военного искусства. Однако огромный боевой опыт Отечественной войны 1812 года не был в полной мере использован и обобщен в воинских уставах того времени. Все новое, передовое в военном деле встречало противодействие приверженцев устаревших уставных положений, отживавшей свой век линейной тактики. В условиях реакции, царившей в армии и стране, новейшие достижения в способах боевых действий и характере обучения войск пробивали себе дорогу с трудом.

Реакционность правительства Александра I проявилась и в вопросах комплектования войск. Стремление правящих кругов иметь многочисленную армию за счет рекрутских наборов столкнулось с глубокими противоречиями, характерными для феодально-крепостнических отношений. Еще в 1810 году была осуществлена первая попытка устройства войск путем поселения их в определенных местах, где наряду с военной службой солдаты занимались и сельским хозяйством. Правительство надеялось, что, используя военные поселения, оно сможет сократить расходы на содержание армии и освободить значительную часть дворянства от поставки рекрутов. Кроме того, оно имело в виду создать в деревне своего рода «военную касту». Свыше 600 крестьян Могилевской губернии были переселены на юг России, а на их место определили запасной батальон Елецкого пехотного полка¹.

Однако война помешала дальнейшему осуществлению этой идеи. Но уже в августе 1814 года Александр I в манифесте упоминает о намерении дать «оседлость» солдатам русской армии. В 1816 году в Высоцкую волость Новгородской губернии был привезен «на постой» батальон гренадерского полка. Крестьяне этой волости должны были нести повинности согласно «распоряжениям военного начальства». В дальнейшем на этих крестьян возложили обязательство комплектовать гренадерский полк, объявив их людьми военных поселений. Несколько

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, с. 98—99.

позже были организованы военные поселения ряда кавалерийских полков в некоторых уездах на Украине.

Крестьяне должны были комплектовать из своей среды полки, расположенные на военном поселении. Дети этих крестьян готовились также к военной службе. Они стали называться военными кантонистами.

Организацией военных поселений непосредственно занимался Аракчеев, который пользовался, как известно, огромной властью. С присущей ему жестокостью он настойчиво добивался обеспечения «оседлости» войскам, перевода, по существу, на казарменные условия жизни значительной части населения страны. К декабрю 1825 года в войсках, находившихся на военном поселении, состояло свыше 150 тыс. солдат и офицеров и столько же военных кантонистов¹.

Военные поселения были размещены в Новгородской, Могилевской, Слободско-Украинской и Херсонской губерниях.

Многие известные русские военачальники выражали серьезные сомнения относительно реальности замены рекрутских наборов организацией военных поселений. М. Б. Барклай-де-Толли, рассмотрев проект учреждения военных поселений, который был ему направлен для ознакомления, высказал мнение, что осуществление подобных поселений ни к чему хорошему не приведет. Он считал, что крестьянин не может успешно заниматься сельским хозяйством, если ему не будет дана свобода действовать и распоряжаться своим временем так, как он для себя лучше находит, тем более что плоды его труда ему уже не принадлежат. Кроме того, размещение войск в военных поселениях и постоянная работа солдат в сельском хозяйстве отрицательно может сказаться на их боеспособности. М. Б. Барклай-де-Толли указывал, что из хороших солдат они превратятся в посредственных или плохих землепашцев. По его мнению, устройство военных поселений не будет способствовать сокращению государственных издержек на содержание войск, а жителей округов военных поселений приведет к полному разорению².

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, с. 114.

² Там же, с. 108—111.

В действительности так и получилось. Поселенные войска не могли содержать себя сами. Потребовались значительные средства из казны. Среди крестьян военных поселений начались волнения. Аракчеев и его окружение с крайней жестокостью добивались проведения в жизнь своей политики. Этим нарушался сложившийся уклад крестьянской жизни. Строгая регламентация распорядка дня, деспотизм непосредственных начальников, полное бесправие — все это вызывало протест у жителей военных поселений. Они начинали вести борьбу против произвола и насилия. Наиболее крупное восстание военных поселян произошло в 1819 году на Украине — в Чугуеве. Восставшие требовали уничтожения военных поселений, перебили своих начальников. Восстание было жестоко подавлено, около тысячи его участников приговорены к смертной казни.

Организация военных поселений не решила проблемы комплектования армии. Войска, находившиеся на поселении, не получали нужного количества пополнения. Намерение правительства укомплектовывать полки из числа военных кантонистов оказалось нереальным. Эти полки пришлось пополнять, как и прежде, в значительной мере за счет рекрутских наборов. В целом на укомплектование армии в 1816—1825 годах поступило 398 тыс. рекрутов¹.

В условиях крепостничества было невозможно создать такую систему комплектования войск, которая полностью отвечала бы требованиям времени. Участие в войнах более значительной по численности армии вызывало необходимость коренных изменений этой системы.

После войны с наполеоновской Францией были приняты некоторые шаги по реорганизации высшего военного управления. В 1815 году царь утвердил «Положение об управлении военного департамента», на основе которого управление всем военным ведомством поручалось главному штабу, состоявшему из начальника главного штаба, военного министра, инспектора артиллерии и инспектора инженерного корпуса.

В соответствии с «Положением» главный штаб обязан был заниматься комплектованием армии, ее личного

¹ Столетие военного министерства, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 2, приложение 13, с. 40.

состава, размещением войск, а также деятельностью инспекторского департамента, военно-топографического депо, военно-ученого комитета и т. д.; функции военного министерства ограничивались частью «экономической».

По новому «Положению» только начальник главного штаба имел право для доклада императору. По существу, все дела военного ведомства, связанные с представлениями царю, решались через него. Даже военный министр такого права не имел.

Начальником главного штаба был назначен П. М. Волконский, причем за ним сохранилась и должность управляющего квартирмейстерской частью. В состав главного штаба также входили генерал-квартирмейстер, дежурный генерал, генерал-провиантмейстер и генерал-кригскомиссар, генерал-аудитор, генерал-адъютанты и флигель-адъютанты, комендант императорской квартиры, генерал-вагенмейстер, инспектор госпиталей, главный инспектор медицинской части по армии и др. Была создана канцелярия главного штаба, состоявшая из двух отделений: фронтового и хозяйственного.

Одновременно подверглось некоторым изменениям «Учреждение для управления большой действующей армией». Это прежде всего касалось власти главнокомандующего. Согласно «особых правил», утвержденных Александром I, эта власть определялась с учетом характера его деятельности в мирное время. В случае же войны главнокомандующий наделялся властью в зависимости от обстоятельств.

После 1812 года русские войска составили две армии и несколько отдельных корпусов. Порядок управления ими в основном сохранился. Осталась прежней и организация армий. Они были, как и раньше, разделены на бригады, дивизии, корпуса.

Создание главного штаба в целях дальнейшей централизации военного управления не привело к серьезному улучшению деятельности военного ведомства. Многие важные вопросы жизни армии: материальное обеспечение, вооружение, боевая подготовка и т. д., — которыми занималось военное министерство, не имели прямого отношения к главному штабу. В то же время военный министр был лишен права обращаться к императору помимо начальника главного штаба. Все это создавало определенные трудности в управлении войсками, не спо-

собствовало оперативному решению неотложных дел. К тому же некоторые органы военного ведомства действовали разрозненно, между ними не было обеспечено четкое взаимодействие. В дальнейшем структура главного штаба и характер его деятельности претерпели немалые изменения.

Все, что предпринималось правительством в части организации, управления и боевой подготовки войск, как правило, носило характер лишь частных мер. Феодално-абсолютистский строй тормозил развитие русского военного искусства, являлся главным препятствием для решения назревших проблем. Правящие круги проявляли крайнюю реакционность и в вопросах комплектования армии, и в использовании боевого опыта 1812 года, и в стремлении подавить любое проявление нового, передового в военном деле.

Прогрессивные военные деятели России, многие из которых стали участниками восстания декабристов, связывали решение коренных военных проблем с ликвидацией крепостничества, устранением основ существовавшего государственного строя. Освободительная борьба русского народа против наполеоновских завоевателей оказала сильнейшее влияние на развитие общественно-политического движения в армии, передовых военных взглядов.

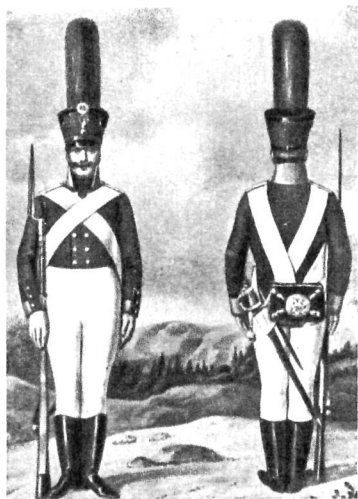
Важное место в программных положениях декабристов занимали вопросы, связанные с ликвидацией рекрутских наборов, сокращением срока службы солдат, введением всеобщей воинской повинности. Революционно настроенные офицеры резко выступали против военных поселений, бесправного положения крестьянства. Декабрист полковник П. И. Пестель считал, что военная повинность есть тягчайшая повинность и никакое правительство не имело права перекладывать ее только на одну часть населения, освободив другую.

По мнению декабристов, единственным назначением армии должна быть защита отечества от внешнего врага. Будучи участниками Отечественной войны 1812 года, многие из них имели большой боевой опыт, глубоко понимали назревшие проблемы дальнейшего развития русского военного искусства. Взгляды декабристов на организационную структуру армии, ее управление, систему комплектования и боевую подготовку, воинское воспита-

ние были передовыми для того времени. Многие из намеченного ими носило характер буржуазных реформ и, естественно, могло быть осуществлено лишь при условии коренных социальных преобразований.

Пройдя через огонь ожесточенных сражений 1812 года, русская армия завоевала славу сильнейшей в Европе. Она сыграла решающую роль в освободительной борьбе европейских народов против наполеоновского порабощения. Ее крупные победы над французской армией вошли яркими страницами в историю русского военного искусства.

Вместе с тем реакционная внутренняя и внешняя политика царского самодержавия, в проведении которой значительное место отводилось вооруженным силам страны, естественно, накладывала свой отпечаток на атмосферу армейской жизни, препятствовала развитию прогрессивных тенденций в военном деле. Но «гроза 1812 года» всколыхнула народные массы, способствовала активной борьбе всех передовых сил общества против деспотизма, бесправия и угнетения. Эта борьба особенно ярко проявилась в русской армии, в которой, несмотря на жестокий аракчеевский режим, жили славные традиции 1812 года. Их нельзя было заглушить ни палочной муштрой, ни телесными наказаниями, ни бесчинством реакционного офицерства. Именно эти традиции, а также богатый боевой опыт Отечественной войны 1812 года еще долгие годы оказывали немалое влияние на развитие русского военного искусства, осуществление тех или иных военных преобразований в России.

Гренадеры. 1807—1808 гг.

Штаб-офицер и генерал гренадерского полка. 1807—1811 гг.

Мушкетер. 1809 г.

Рядовой егерского полка
1809—1811 гг.

Рядовой кирасирского полка.
1813—1814 гг.

Рядовой драгунского полка.
1808—1811 гг.

Офицеры гусарских полков.
1809—1811 гг.

Рядовые уланских полков.
1808—1811 гг.

Мушкетер и гренадер кадет-
ских корпусов. 1807—1809 гг.

Минер, сапер и пионер.
1809—1811 гг.

Пехотный генерал
1808—1810 гг.

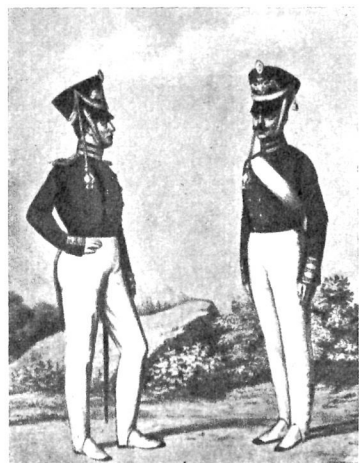
Колонновожатые.
1810—1811 гг.

Воины пеших дружин С.-Петербургского ополчения.
1812—1813 гг.

Казак Донского войска.
1801—1809 гг.

Обер-офицер и рядовой гвардейских инвалидных рот

Канонир и обер-офицер
пешей артиллерии. 1808 г.

Бородинское сражение

Худ. П. Гесс

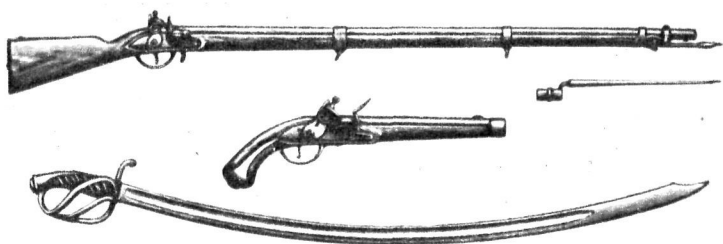
М. И. Кутузов

М. Б. Барклай-де-Толли

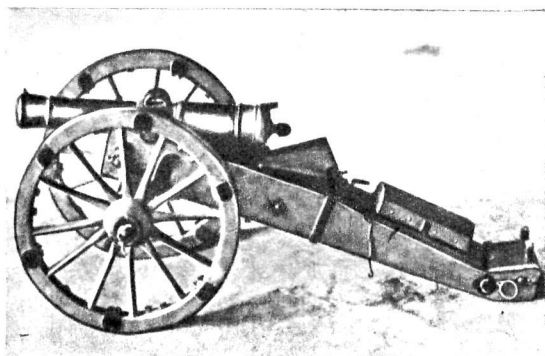

П. И. Багратион

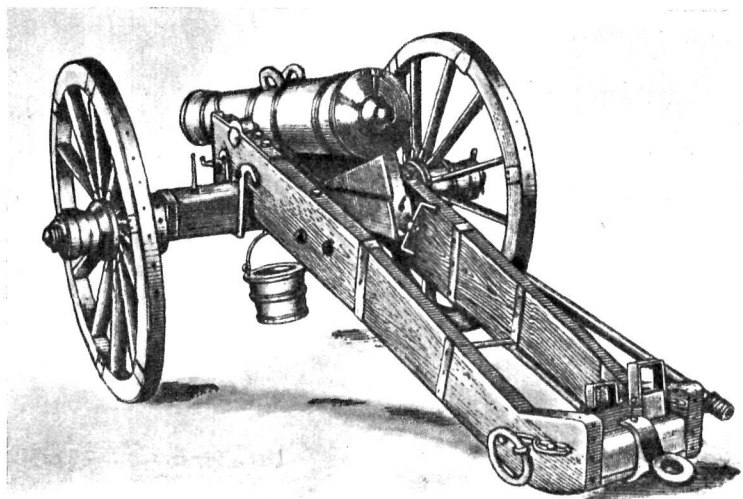

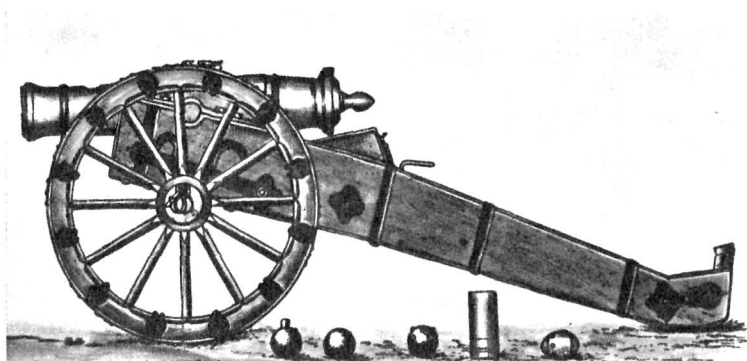
Пехотное оружие (сверху вниз): ружье, пистолет, сабля

6-фунтовая
пушка конной
артиллерии

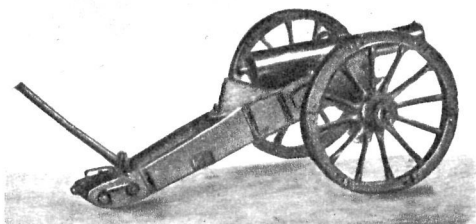

12-фунтовая
полевая пушка
образца 1805 г.

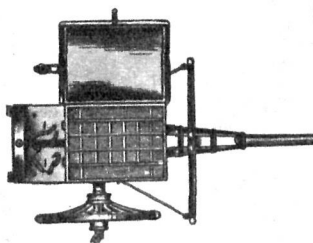
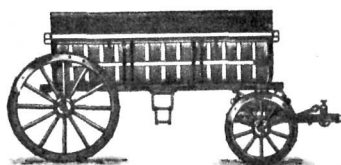
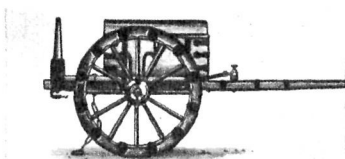

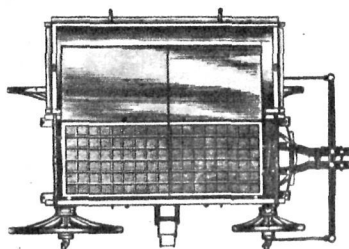
Единорог конца
XVIII — начала
XIX века

Пушка бронзовая
6-фунтовая
образца 1806 г.

Передок полевой
артиллерии

Зарядная фура

ББК 63.3(2)47
Б73

Богданов Л. П.

Б73 Русская армия в 1812 году: Организация, управление, вооружение. — М.: Воениздат, 1979. — 192 с., 4 л. ил.

В пер.: 45 к.

Книга посвящена состоянию русской армии накануне и в ходе Отечественной войны 1812 года. Труд создан на документальной основе. В нем рассматриваются вопросы организации войск, управления армией, ее вооружения и комплектования.

Книга рассчитана на массового читателя.

Б 11202-158 27-79
068(02)-79

ББК 63.3(2)47
9(с)15

© Воениздат, 1979

45k.

